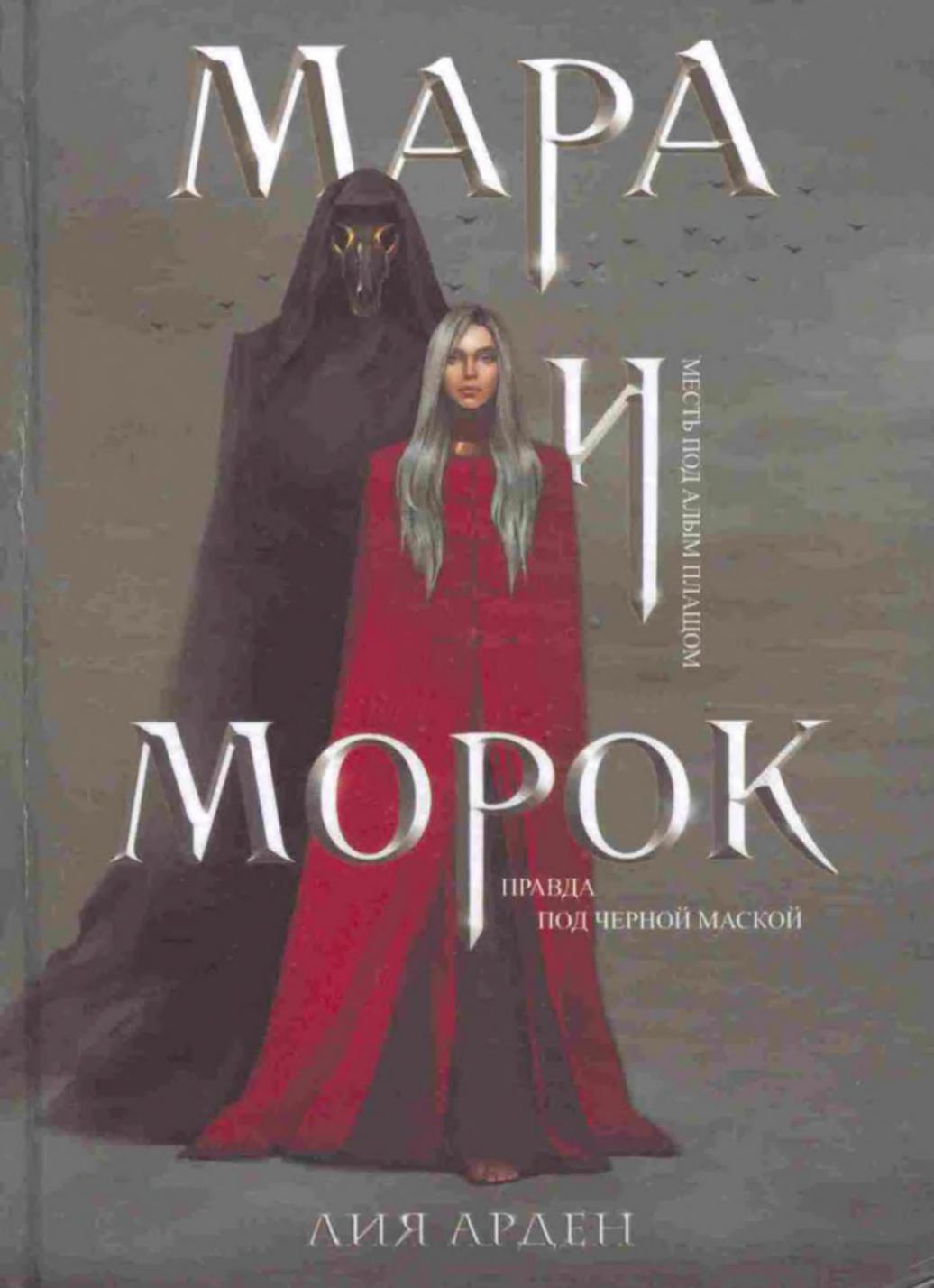

МАРА

МЕСТЬ ПОД АЛЫМ ПЛАЩОМ

МОРОК

ПРАВДА
ПОД ЧЕРНОЙ МАСКОЙ

ЛИЯ АРДЕН

821.1611

H 79

СМЕРТЬ И ТЕНЬ

МАРА И МОРОК

МАРА И МОРОК.
ОСОБЕННАЯ ТЕНЬ

МАРА И МОРОК.
500 ЛЕТ НАЗАД

ЛИЯ АРДЕН

МАРА
И
МОРОК

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9 ББК
84(2Рос=Рус)6-44
А 79

Дизайн обложки Екатерины Тинмей
Иллюстрация на переплёте Дарьи Бобровой

«Мара и Морок / Лия Арден»: Эксмо, Москва, 2023 - 328с
ISBN 978-5-04-107175-2

А 79 *Таких, как я, называют Марами – отмеченными самой богиней смерти Мораной. Когда-то у меня и моих шести сестер был свой путь.*

Тогда люди нас уважали и просили о милосердии. Они приносили нам подношения и молились нам. Но 200 лет назад все изменилось, когда принц Серата осмелился поднять руку на одну из нас.

Я пыталась отомстить, но погибли мы все. Теперь правители Аракена, погрязшие в длительной войне со своим соседом Сератом, решили вернуть меня к жизни. Дать второй шанс на месть и свободу, привязав меня к тому, против кого я никогда не пойду. Таких, как он, называют Морок, и их боится абсолютно все.

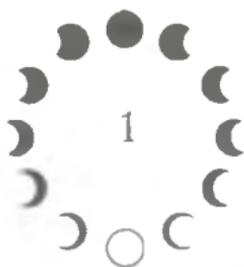
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Abdulla Qodiriy nomidagi
viloyat AKM
INV № 2023/40- 22

ISBN 978-5-04-107175-2

© Арден Л., 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Я иду, стараясь не отставать и не сбавлять шага. Потому что стоит мне только зазеваться, и он вновь натянет цепи, которые прикреплены к моим кандалам на руках и металлическому кольцу вокруг шеи. А если он дёрнет слишком резко, я могу упасть прямо в жидкую грязь, в которую превратилась дорога из-за недавнего ливня. Пачкать свои новые и пока единственные одежды мне не хочется. Всё-таки эти рубашка и кафтан намного лучше тех практически разложившихся тряпок, в которых они подняли меня из могилы.

Я оглядела зевак, собравшихся по обе стороны вдоль дороги. Они хоть и жмутся друг к другу, особенно когда мы проходим мимо, но не могут подавить своего любопытства, ведь они рискнули выбраться в такую глушь в столь ранний осенний час. Небо затянуло тяжёлыми серыми тучами, и не понять, ещё утро или солнце уже перевалило за полдень. Воздух буквально пахнет приближающейся зимой, а когда они вытаскивали меня наружу за час до рассвета, дыхание с моих

губ срывалось облачками пара, а под сапогами скрипел иней, покрывший траву.

На лицах людей отражается весь спектр эмоций при виде меня: от интереса и восторга до ужаса и даже отвращения. Хотя чему удивляться? Я уверена, что не каждый день им удаётся увидеть ожившего мертвеца из старых сказок. Но я не желаю быть экзотическим животным на потеху публике и низко опускаю голову, а накинутый капюшон моего плаща позволяет игнорировать чужие взгляды. Даже если бы я захотела, то не смогла бы скрыться от любопытных глаз. Среди серости моя длинная алая накидка издали бросается в глаза. У меня вырвалась горькая усмешка, когда я поняла, что они специально нарядили меня в эти ритуальные одежды, подчёркивая, кто я есть. Да, мы носили такие вместе с сёстрами, чтобы выделяться на фоне зимы и белоснежных покровов, принадлежавших нашей богине. Но сейчас я иду по грязи, пачкая подол. Мне должно быть абсолютно на это наплевать, однако в груди липким комом затаилось недовольство.

Таких, как я, было всего семь, включая меня. Мары. Так нас прозвали. Мы, как и обычные люди, пьём, спим, боимся, умираем, кричим, когда нам больно, но мы избраны с десятилетнего возраста и отмечены самой богиней смерти Мораной. Вы особенные, говорили одни, ваше предназначение важно ничуть не меньше, чем сама жизнь, вторили другие, забирая нас от родных семей, чтобы воспитать ради какой-то призрачной высшей цели. Хочу, чтобы они повторили это ещё разок моим мёртвым сёстрам, чья плоть уже наверняка

разложилась в их общей могиле. Или, может, их просто сожгли, а только моему телу не повезло каким-то образом уцелеть.

Когда-то, возможно, так и было. Возможно, мы были особенными, но всё изменилось.

Я умерла много лет назад, и мир больше не тот, что раньше.

Он всё-таки дёрнул цепи, и я сделала один неуклюжий шаг вперёд, пачкая ботинки ещё больше. Будь это кто-то другой, я бы прошипела проклятия, и этот кто-то другой испугался бы, желая убраться от меня как можно дальше, боясь, что одна моя фраза может наслать проклятие на весь его род. Но с этим мужчиной я посмела лишь на мгновение вскинуть испуганный взгляд, наталкиваясь на чёрно-золотую маску, которая полностью скрывает его лицо, наполовину утопая в тени накинутого капюшона. Маска похожа на морду животного, скорее всего шакала, а на месте глаз – чёрные провалы. Любой засомневается, что под этой маской вообще есть лицо настоящего человека. Хотя человек ли он – это тоже спорный вопрос. Поговаривают, что под маской нет лица вовсе, что там сама гъма или же голый череп. Точно никто сказать так и не мог, потому что никому пока не удавалось выжить после того, как они узнавали правду. Таких, как он, зовут Морок. Слуга самой Тени, у которой нет ни начала, ни конца. Нет вообще ничего, кроме пустоты, тишины и бесконечного одиночества.

Я потупила взгляд, прося прощения, а потом неуклюже, с чавкающим звуком, вытащила ногу из грязи,

чтобы продолжить движение. Больше я не смею на него смотреть, но чувствую его пристальное внимание нутром, как что-то тяжёлое и давящее. С нами два взвода стражи по пятнадцать человек, чтобы держать людскую толпу от меня на расстоянии. Но, мне кажется, они нам и не особо нужны, потому что никто даже под угрозой натянутой стрелы или лезвия у горла не рискнёт подойти и близко, пока Морок стоит рядом со мной. Если бы я могла, сама бы бежала от него подальше без оглядки.

«Разве могут кого-то бояться такие, как мы, отмеченные самой богиней смерти?» – когда-то спрашивала я одну из своих сестёр. И, оказывается, могут.

Таких, как Морок, боятся абсолютно все.

Именно Морок поднял меня из земли три дня назад, оживил, привязав к себе. Я дышу, пока дышит он, и только такие, как он, вообще способны на подобные чары. Никто не дал мне зеркала, и я не знаю, как выгляжу, хотя в первый же вечер сама оцупала своё лицо и не почувствовала ничего особенного, кроме того, что оно сильно осунулось. Оглядывая тело и руки, я заметила лишь, что кожа моя имеет сероватый, трупный оттенок, а когда-то длинные чёрные волосы поседели. Не красивой белизной, а серым, каким-то мышинным оттенком. Я с отвращением смотрю на свои руки, пальцы такие худые, будто кости, обтянутые кожей, и я боюсь представить, как жутко, должно быть, выглядит моё лицо. Хотя люди не разбегаются в панике.

– Чуть позже огтенок станет более живым, – бросил мне Морок несколько часов назад, когда я беспрестан-

но скребла ногтями кожу на кистях, будто бы я могла стереть трупную синеву.

Тогда я замерла от страха, слушая его голос. Он сильно искажается сквозь маску. Голос точно мужской, но невозможно сказать ничего о возрасте говорящего или о том, приятный это голос или нет. Я лишь успела почувствовать поднимающуюся откуда-то изнутри пустоту и холод от его слов.

– А волосы? – Надо быть идиоткой, чтобы беспокоиться о таком.

Но он ответил в последний раз:

– Волосы останутся такими.

Больше спрашивать я не стала.

– Мы пришли! – довольно громко говорит принц, останавливая своего коня, когда дорога заканчивается, а мы все подходим к опушке леса.

– ВСЕМ ОСТАНОВИТЬСЯ! – басит капитан и тоже останавливает своего коня.

Все солдаты, я и Морок замираем, а простой люд остаётся за нашими спинами метрах в пятнадцати, не смея подойти ближе.

Принц улыбнулся, поворачиваясь ко мне. Вероятно, он доволен выбором этого места, хотя я всё ещё не знаю, зачем они меня сюда притащили, поэтому не спешу разделить с ним его радость. Я оглядела полосу мрачного леса впереди. Большая часть деревьев уже осталась без листвы, а их корявые голые ветки торчат в разные стороны. Однако чуть дальше, в сумрачной глубине леса, увеличивается количество вечнозелёных елей, и невозможно разобрать, что же там прячется.

Принц ловко спрыгивает с коня и лёгким шагом идёт ко мне. В отличие от остальных, молодой мужчина без брони. На нём чёрные штаны и наглухо застёгнутый чёрный мундир, удлинённый сзади, который отлично подчёркивает его стройную фигуру. Золотая вышивка и эполеты подчёркивают статус, хотя уже по одной гордой осанке и плавной походке можно понять, что он обладает немалой властью. Не выказав какого-либо страха, он проходит мимо Морока, а тот лишь провожает его взглядом.

– Что ж, Мара, надеюсь, ты покажешь нам свою силу.

Принц говорит мягко, а улыбка касается не только губ, но и тёплых светло-карих глаз. Обращается ко мне будто с просьбой, хотя она таковой не является. На вид ему около девятнадцати лет. Тот же возраст, в котором я умерла, но он – принц, а я – его пленник и ходячий мертвец. Он кивает капитану, и тот протягивает молодому человеку меч.

– Просите меня нарубить вам дров для костра? – Я равнодушно смотрю на оружие, которое принц теперь протягивает мне.

– Обращайся как подобает к его высочеству принцу Даниилу! – угрожающе рявкает капитан.

– Всё в порядке! – всё с той же улыбкой встречает принц.

Морока, может, я и боюсь, но не этого Даниила или его солдат. Худшее, что они могут сделать, – убить меня. А в моём положении это смешная угроза. Принц делает шаг ближе ко мне и наклоняется немного вперёд, чтобы остальным было труднее расслышать:

– Позволь повторить, Агата. Я буду рад посмотреть на твои способности, – я стараюсь не показывать удивления, что ему известно моё настоящее имя. – Мне стоило больших трудов убедить отца, что твоё воскрешение нам на руку. Не заставляй меня разочаровываться. Возможно, ты уже мертва, но не забывай, что лишь одно слово, и ты отправишься в место, где будет гораздо хуже, чем здесь.

Меня прошиб озноб, и я скосила взгляд на Морока, который наверняка всё слышал, стоя ближе всех к нам. Принц Даниил прав. Одно слово, и Морок может отправить меня в Тень. Это даже не конец, это хуже.

– Что я должна сделать?

– Умница. – Довольный принц хватает мою руку и, сжимая пальцы, подтягивает ближе к себе, взмахивая другой рукой в сторону леса. – Жители рассказали, что здесь скрывается упырь, который утащил нескольких молодых девушек в лес. Упыри ведь как раз по твоей части?

– Да.

– В этой местности подобной нечисти осталось не так много, но легенды гласят, что именно Мары или Морок приходили на помощь в таких случаях, – продолжает он, не обращая внимания на мой ответ. – Сними с неё цепи, – бросает Даниил Мороку.

– Ваше высочество, разумно ли это? – встревает капитан, с опаской поглядывая на меня.

– Перестань так переживать, Дарий! А то седины прибавится! – вновь отмахивается принц, а капитан Дарий хмурит брови. – Неужели ты ничего не знаешь

о том, на что способен Морок. Эти цепи лишь для вида, чтобы люди не пугались. На самом деле они ни к чему.

Морок подходит ближе и начинает снимать с меня кандалы, вначале с рук, а потом и с шеи. Я стараюсь как можно меньше нервно дёргаться, когда его пальцы, затянутые в чёрные перчатки, касаются моей кожи. Морок на целую голову выше меня. Насколько у него крупное телосложение, мне не понять, потому что тело затянато в чёрную кожаную броню и всё скрыто чёрной, немного потрёпанной временем мантией. Но из-за наплечников под плащом он выглядит очень внушительно. Рядом с ним мне хочется сжаться и стать как можно более незаметной.

– Чарами она привязана к Мороку и уйти далеко от него не сможет. А даже если попытается сбежать, то он сможет её выследить. Будет чувствовать её словно пёс. Верно я говорю?

Морок лишь кивает в ответ, а я облегчённо выдыхаю, когда он отходит. Не успеваю я потерять саднящую после оков шею, как принц подхватывает меня под руку и тащит к кромке леса. *Он либо сумасшедший, либо идиот.* У остальных хотя бы хватало ума не прикасаться ко мне.

– Агата, – он почти с нежностью тянет моё имя, – должен признать, время прошло и сейчас байками о вас пугают детей и недалёких глупцов, что не понимают истинной ценности вашей силы, дарованной Мораной.

– И что же о нас говорят?

– Хм... например, что вы ходите зимой в ночи вокруг

домов и зовёте по именам, а кто откликнется на имя – умрёт. А кто-то поговаривает, что после своей смерти вы встаёте и бродите по земле со своими головами под мышкой.

Я искося смотрю на него, пытаюсь понять, выдумал ли он это прямо сейчас или люди действительно превратили нас в персонажей для ночных кошмаров.

– Но я вырос на сказках о старых временах, – спокойно продолжает принц, – о том, как вы, Мары, избавляли леса от нечисти, как обрывали нити жизней у тиранов и даровали долголетие королям, которые были благородны и добры к своим подданным. Как яркие были ваши алые мантии на фоне белоснежного леса, молочная кожа с нежным румянцем, алые губы, а волосы черны, как летняя ночь.

Я бы решила, что он насмехается надо мной, если бы не этот мечтательный блеск в глазах, устремлённых вперёд, когда он запускает руку в свои светлые, слегка прикрывающие уши, волосы.

– Я слышал, что каждая из вас была как сама богиня Морана, прекрасна и молода, будто её копия. – Принц, наконец, переводит взгляд на меня, и восхищение сменяется снисхождением с оттенком жалости в его улыбке.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не скривиться, когда он сочувственно хлопывает своей ладонью по моей кисти, которая покоится на его согнутой в локте руке. Я бы с радостью её вырвала, но принц держит крепко.

– Как жаль, что мне уже не удастся познакомиться с тобой и твоими сёстрами, когда вы были настолько силь-

ны и едины. Хотел бы я быть принцем, когда все сказки были явью. Но мы ещё успеем поговорить. Буду рад, если ты расскажешь мне несколько волнующих моментов из своей жизни. А сейчас, пожалуйста, избавься от упыря.

Принц Даниил останавливается на полпути между своей охраной и началом леса. В этот раз я принимаю меч из его рук и в нерешительности замираю, когда он складывает руки на груди и в ожидании устремляет на меня свой взгляд.

– Не желает ли принц отойти к своему капитану? – Мои губы едва дёргаются в улыбке, когда он понимает намёк, что ему лучше убраться с дороги.

– Пожалуй, не желает, – уголки его губ растягиваются ещё шире, показывая зубы. – Я люблю всё смотреть с первых рядов.

– Вы когда-нибудь видели упыря? – пытаюсь пристыдить я.

– Я видел живописные иллюстрации в книгах, – парирует Даниил, явно не воспринимающий ситуацию всерьёз.

– Тогда одолжите мне и свой кинжал.

Принц приподнимает бровь, понимая, что останется безоружным. Меча при нём нет. Я стараюсь подавить ухмылку, наблюдая за его заминкой. Похоже, он плохо читал свои сказки, раз думает, что кинжал поможет ему защититься от меня. Хотя и с моей стороны будет глупо даже пытаться его убить.

– Это мой счастливый кинжал, буду ждать, что ты вернёшь его мне как можно быстрее, – говорит Даниил, протягивая оружие.

– Всенепременно, – сухо отвечаю я, принимая оружие, и иду вперёд ближе к деревьям.

Упырь.

Принц Даниил всё-таки обладает, может, и неполной или искажённой информацией обо мне и моих сёстрах, но большая часть того, что он бормочет, верна. То, что мы отмечены богиней смерти, лишь звучит жутко. На деле мы приносили скорее пользу, хотя нередко в специфической форме. Мы можем упокоить то, что давно мертво, но по какой-то причине цепляется за старую жизнь и не хочет покидать этот мир. Такими как раз являются упыри, бесы, призраки, полудницы, утопленники и другая нечисть. Обычному человеку, чтобы убить того же упыря, необходимо быть быстрым. Он должен знать, что твари нужно обязательно отрубить голову и руки; знать, что нужно держаться подальше от их зубов, и первое, что нечисть делает, это целится в шею. И если человеку удастся справиться с мертвецом, то стоит его как можно быстрее сжечь, иначе все старания могут быть напрасными. И это только упырь. Для другой нечисти свои правила, каждый опасен по-своему, и мало кто из обычных людей знает, как с ними справиться. Однако такие, как я или Морок, могут сделать всё сами.

Мары способны видеть и касаться того, что не замечают другие. Мне достаточно лишь прикоснуться к тварям, и я смогу с концами оборвать их жизни, дать шанс на переход, что им не удалось завершить. Именно этим мы и занимались раньше. Отправляли неупокоенных в потусторонний мир.

Это было основной задачей всех Мар, но позже нас вязали в политику. Мы стали обрывать жизни правителей, которые несли разрушения, тиранов, которые едва не погубили свои страны. А пару раз я слышала, как сёстры ещё до моего рождения подарили долголетие двум королям. Это тоже было в наших силах, но тогда никто не знал, что такие сведения лучше держать в тайне, иначе однажды они станут тем, что может нас погубить. И так и произошло.

Мы не бессмертные, наши задачи опасны, и немало сестёр погибло, встречаясь с нечистью. Если же Мару удастся прожить жизнь до конца, то она будет лишь на одну вторую длиннее обычной человеческой жизни. Раньше существовал баланс, Мар всегда было семь. И как только одна умирала, сразу где-то у другой десятилетней девочки открывались способности.

Но теперь я последняя. И больше не вижу смысла платить пользой за причинённое нам зло, но вначале мне нужно избавиться от связи с Мороком, значит, какое-то время придётся быть послушной. К тому же мне интересно, ради чего они пошли на такой риск, поднимая меня из могилы. Вряд ли дело в каком-то одном мертвце, что прячется в лесу.

Я откидываю капюшон с головы и втягиваю носом воздух, пытаясь найти упыря. Он спит, прячась далеко в глубоких тенях еловых веток в ожидании вечера, когда солнечный свет не будет его тревожить. Легко распознать запах гнили среди свежести леса и влажной земли.

Принц Даниил хочет представления, почему бы и нет.

И я затягиваю песню, тихую ритуальную молитву, наложенную на мелодию. Губы непроизвольно изгибаются в улыбке, когда, слегка обернувшись, я отмечаю, что принц и его солдаты восхищённо вздохнули как один. Не только лица, но и красивые голоса являются отличительной чертой Мар. Они нам нужны для того, чтобы мы могли петь подобные песни призыва, и твари, как под гипнозом, сбегались к нам. Это облегчает охоту, но есть и побочный эффект...

От меня не укрылось, что Морок всё понял. Его не восхищает ни голос, ни мелодия, он напряжённо опускает руки, ранее сложенные на груди, и делает несколько стремительных шагов в мою сторону. Не задумываясь, я поднимаю руку вверх, чтобы он оставался на месте, и, к моему удивлению, он послушно замирает, возможно, решая дать мне шанс.

По-честному, я сильно рискую. Мары прибегали к ритуальному призыву, только если рядом, бок о бок, стояло не меньше трёх сестёр. Однако моя собственная смерть сделала меня беспечной.

Я продолжаю напевать ещё несколько минут, растягивая ноты, чувствуя, как звук вибрирует в грудной клетке, как лёгкие наполняются воздухом, а буквы сами складываются в знакомые слова. Я чувствую, что они просыпаются. Как я и ожидала, упырь не единственный, кто услышал меня. По земле пошёл гул, отдаваясь слабой вибрацией в ногах, птицы замолчали, напуганные тварями, что решили спрятаться в их лесном доме. Я заканчиваю петь и скидываю с себя мантию, которая будет разве что мешать. Под ней у меня лишь про-

Abdulla Qodiriy nomidagi
viloyat AKM
INV № 2023/40-22

стые чёрные штаны, рубашка и наглухо застёгнутый кафтан бордового оттенка. Ничто из этого не спасёт меня ни от лезвия, ни от когтей и зубов, но я хотя бы смогу быстро двигаться. Я сжимаю в руках меч и кинжал, спиной чувствуя напряжённое ожидание, которое буквально давит на всех присутствующих. Выдыхаю и начинаю медленно про себя считать до тридцати, чувствуя каждый их шаг.

Девятнадцать...

Двадцать...

Двадцать один...

– Дорогая Агата, – протянул за спиной Даниил, уставший ждать.

Двадцать три...

– Ты пойдёшь в лес или тебе требуется помощь? – В его голосе появилась тонкая насмешка.

Двадцать четыре...

Двадцать пять...

Первый выныривает из тени деревьев быстрее, чем я рассчитывала. Мерзкое создание, больше похожее на демона, чем на человека. Тонкие руки и ноги с когтями, серая кожа с неприятным зелёным оттенком плотно обтягивает кости, а рот полон острых зубов. Я преграждаю ему дорогу, когда он пытается ринуться в сторону солдат. Уклоняюсь от его когтей, ныряя под протянутую руку, и, оказавшись сзади, размашистым ударом вонзаю лезвие меча в сгиб между шеей и плечом. Меч входит в его плоть с отвратительным звуком ломающейся ключицы и рвущейся кожи. Тварь, споткнувшись, падает. Всё произошло так быстро, что никто

и не успел вскрикнуть, но я вижу, как побелело лицо принца, когда он смог рассмотреть сморщенную кожу упыря, который теперь лежит лицом в жухлой траве. Он старый, давно бродит по земле, а его кожа и клочки оставшихся волос и вправду отвратительны. Я наклоняюсь, чтобы быстрее завершить дело, показать настоящее колдовство, потому что воткнуть меч в тварь может любой из присутствующих. Касаюсь пальцами шеи упыря и ухватываю их – сверкающие, переливающиеся, словно бледное золото, нити, тянущиеся вдоль позвоночника. Нити жизни.

Именно это – наш особый дар, при желании мы можем их видеть, можем вытащить и укрепить, а можем оборвать. Их должно быть три, но у живых мертвецов всегда одна или две уже разорваны. У этого упыря до сих пор целы две. Я выпрямляюсь, сжимая сверкающие нити в кулаке как трофеей, натягиваю их до возможного предела, позволяя и обычным людям их увидеть. А потом, встречаясь с взглядом карих глаз принца, который не сдерживает восхищения, рву нити рукой, резко дёргая вверх. Тело упыря содрогается и вновь затихает уже навсегда, а нити исчезают.

Руку саднит после этого, на ладони появились два глубоких пореза, но кровь почти не выступает, потому что сердце не работает и не гоняет красную жидкость по моим венам. Я скрываю порезы, сжимая ладонь в кулак. Мне стоило просто перерезать нити кинжалом, как мы делали всегда. Но я специально сделала это руками на глазах у Даниила, чтобы он знал, что при желании я и его жизнь оборву с такой же лёгкостью. Я надеялась,

что он ужаснётся, но в глазах принца загорается живой интерес, а лицо озаряет почти счастливая улыбка, улыбка человека, который нашёл алмаз вместо кварца. Я не успеваю задуматься над этим, как из леса выскакивает ещё один упырь. Поворачиваюсь к нему, теперь сжимая один лишь кинжал, ожидаю, что он бросится ко мне. Но тварь игнорирует меня, резко уходя в сторону. Я едва успеваю развернуться и швырнуть кинжал в голову нечисти, и та падает прямо под ноги принцу, не добежав до него буквально пары метров.

Отдаю должное королевскому наследнику, в обморок он не рухнул. Только сделал несколько шагов назад, но от улыбки и след простыл.

– Богиня... – выдыхаю я, понимая свою ошибку.

Мы переглядываемся с Мороком. Я не могу видеть его лица или понять, что он чувствует, но у меня ощущение, что мы оба подумали об одном и том же. Я рассчитывала, что все твари будут нападать на меня, так как я ближе всех к линии леса, но я забыла, что сама ходячий труп. А нежить тянется к горячей крови. Я подбегаю ко второму упырю, вытаскиваю кинжал из его тела и перерезаю нити, чтобы он вновь не встал.

– Стоит ли мне волноваться, Агата? – натянуто спрашивает принц.

– Что вы, ваше высочество! – вру я, криво улыбаясь. – Или уже желаете сменить первый ряд на последний?

Он не успевает ответить, когда из леса начинают выходить новые твари. Хотя среди них ещё лишь один упырь и три призрака. Со вторыми проще, вероятно, это даже души тех, кого упыри смогли утащить в лес. Но

меня удивляет Морок, который выходит вперёд, чуть в стороне, чтобы твари вначале обратили внимание на него, а не на принца. Вероятно, он может справиться с нежитью голыми руками при желании, но мужчина поворачивается ко мне и кивает, ожидая... *что я буду его защищать? Помогает мне, давая справиться в одиночку?*

Может, у громилы есть немного сострадания ко мне, той, которой нужно доказать свою полезность королевскому отпрыску, чтобы он не решил, что моё воскрешение было бесполезной затеей?

Моя догадка подтверждается, когда твари кидаются к нему, а он и головы не поворачивает, продолжая смотреть на меня. Будь он не столь опасен, я бы закричала на него, покрывая самыми изысканными бранными выражениями, но я едва успеваю добежать, чтобы перехватить первого призрака, который тянет длинные руки к мужчине. С призраками проще, потому что их тела не настоящие, а мягкие, будто из слишком плотной энергии. Они ранят не столько руками, сколько сводят с ума при прикосновении, но на таких, как я, их сила не действует, и я просовываю руку с кинжалом прямо сквозь тело призрака, разрезая нити вдоль позвоночника.

Я задерживаю дыхание, чтобы не чувствовать смрад, но склизкие ощущения на руке, которая прошла сквозь его тело, и мерзкий трупный вид делают своё дело – к горлу подступает тошнота. Призрак растворяется как раз в тот момент, когда упырь прыгает на Морока, и я, сделаю безрассудный шаг, загораживаю мужчину со-

бой. Не позволяю себе вскрикнуть, лишь шиплю, когда нежить вливается мне в одно плечо зубами, прокусывая его насквозь и ломая какую-то кость. Я надеялась, что не буду чувствовать боль, но *как бы не так*. Боль почти как настоящая, как при жизни. Во второе плечо тварь вгоняет мне свои когти, повисая на мне, как огромная пиявка. От его мерзости внутри поднимается волна злости, и я отрываю упыря от себя, разрывая свои же раны и увеличивая боль. Как только мне удалось его сбросить, сразу пинаю тварь и втыкаю нож ему в шею. С остальными двумя призраками я разбираюсь быстрее, а потом проверяю, чтобы у каждой нечисти были перерезаны нити жизни. Призраки сразу исчезают, растворяясь в воздухе, а вот упыри остаются лежать смердящими кучами костей и плоти.

Я замираю с тяжёлым дыханием, понимая, что на сегодня это всё. Из леса больше никто не собирается вылезать. Как могу, я оглядываю плечи, отмечая испорченную одежду, разорванные раны, сквозь которые видно повреждённые мышцы. Крови больше, чем на ладони, но обильного кровотечения нет. Однако боль всё ещё пульсирует, а руки начинают неметь. Морок с таким равнодушием смотрит на мои повреждения, что я не могу сдержаться и бросаю на него злой взгляд.

– Это было потрясающе! В одиночку убить стольких! – Принц Даниил почти аплодирует, ослепляя своим довольным выражением лица.

Мне хочется воткнуть его же кинжал ему в карий глаз, чтобы стереть очаровательную улыбку, но вместо этого протягиваю оружие, возвращая его хозяину.

К нам подбегает капитан Дарий со своими солдатами, проверить, всё ли хорошо с принцем.

– Сожгите трупы, – бросаю я капитану, и тот отдаёт приказ нескольким солдатам.

Даниил принимает мою красную мантию от одного из солдат и, подойдя ко мне сзади, как джентльмен накидывает её мне на плечи, скрывая мои жуткие раны.

– Мне больно, – тихо признаюсь я.

– Так и должно быть? – Принц удивлённо смотрит на Морока.

– Да. Но через пару дней всё заживёт. – Голос низкий и ровный, без каких-либо эмоций.

– Как? Я же... мертва... моё тело не заживает.

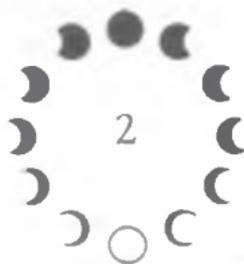
Морок вновь поворачивается ко мне, и я жалею, что поинтересовалась.

– Наша связь. Тебя вылечит моя жизненная сила, та же, благодаря которой ты вообще ходишь и болтаешь.

Я прикусываю язык, морщась от боли. Хочется ещё спросить, когда раны перестанут ныть, но я не решаюсь испытывать его терпение.

– Вы удовлетворены представлением, принц? – Я пытаюсь скрыть своё презрение, сохраняя ровный тон.

– Более чем, дорогая Агата! – Он с нежностью обхватывает мою ладонь обеими руками. – А теперь самое время, чтобы привести тебя в порядок и представить моему отцу.

220 лет назад

— **К** *каякая удача!*
— *Эта семья благословлена!*
— *Отмеченные дважды!*

Шепчутся селяне, собираясь вокруг дома, когда в самом начале зимы шестеро Мар в своих красных мантиях пришли, чтобы встретить новую сестру, и я среди них. А всё потому, что одна из нас умерла неделю назад от старости. И только это произошло, как мы все почувствовали появление новой сестры, что займёт место старой. Это мой первый раз, когда я среди тех, кто приветствует нового члена семьи.

Уже несколько дней как начался первый месяц зимы, а первый снег выпал удивительно поздно. Длительное время окружающий пейзаж был в серо-коричневых тонах, а земля покрыта полусгнившей листвой да грязью от частых дождей, но стоило нам отправиться в дорогу, как пошёл снег. Валил весь день, а потом и всю ночь, накрывая мир белым покрывалом и усложняя нам путь.

Когда мы добрались до этой деревни, уже перева-лило за полдень. Небо до рези в глазах голубое, солнце

стоит высоко, и его лучи отражаются от белоснежного покрова. Все жители замирают, когда мы проходим мимо в своих алых плащах, а свежий снег скрипит под нашими сапогами. Мне тринадцать лет, и до этого дня я была самой младшей.

Марой я стала три года назад, через неделю после своего десятилетия. Так же, как это происходит со всеми. Только у десятилетних девочек с чёрными волосами открываются способности.

– Ты рада, Агата? – спрашивает меня Ирина, за чью руку я цепляюсь.

Ирина – моя наставница, именно она несёт ответственность за моё обучение. Ей около семидесяти лет, но по виду можно дать максимум тридцать. Мары живут дольше обычных людей, до девятнадцати лет мы растём как обычные люди, а потом наше старение сильно замедляется. Так мне рассказали. Поэтому даже самая старшая из нас, которой исполнилось сто двадцать три, выглядит лишь на пятьдесят.

У Ирины, как и у других Мар, длинные чёрные волосы, красивое лицо и приятная улыбка.

– Я волнуюсь, – бормочу я. – Ты знаешь, кто она?

– Нет.

– А когда вы пришли, чтобы забрать меня? Тоже не знали?

– Не знали. Ты же чувствуешь это, нить... мы все её чувствуем, как будто она зовёт, – улыбается Ирина, когда я киваю, соглашаясь. – И мы идём за ней, пока не найдём новую сестру.

– Почему вокруг шепчут странное? – вновь наступила я, оглядываясь по сторонам.

Мне с детства не нравилось пристальное внимание незнакомых людей, но теперь из-за своей одежды и способностей я всегда на виду, меня замечают все, куда бы я ни пошла.

– Кто знает... может, они догадываются к кому мы идём, – загадочно улыбается наставница.

Мы подходим последними, когда уже остальные сёстры встали перед нужным домом. Никто из нас не станет входить, все и так знают, что означает наш приход, и сейчас родители девочки, скорее всего, кутают свою дочь в тёплые одежды и собирают ей еду в дорогу... прощаются. Всё то же самое, что делали мои родители несколько лет назад. С тех пор я их ни разу не видела.

Даже если бы я захотела, я бы не смогла, потому что они покинули нашу родную деревню. Ещё одно из правил. После того как девочку забирают, её семья должна уехать. Это сдерживает новоиспечённых Мар от желания сбежать обратно в родной дом в первые несколько лет жизни в храме до того, как они привыкнут к новой семье.

Нельзя сбежать к родителям, если не знаешь, где они находятся.

Селяне тоже начинают собираться вокруг избранного дома за нашими спинами, они ждут, с интересом поглядывая на пока ещё закрытую дверь. Кто-то вслух гадает, насколько красивой станет девочка. Все уверены, что у неё будет молочная кожа и чёрные волосы под стать Моране. А вот глаза у всех Мар разные, здесь нет единства, хотя говорят, что у богини Мораны

они карие, почти чёрные. У Ирины глаза светло-карие, у Киры – зелёные, такие красивые и яркие, как свежая трава, а у меня – голубые, холодные как лёд, говорила мама. Как красивый, полупрозрачный лёд.

Сестры стоят молча, терпеливо ожидая, когда семья будет готова. Я единственная переступаю с ноги на ногу, пытаюсь согреться. Оглядываю небольшой огород перед одноэтажным простым домом, покатым крыша которого, как и всё вокруг, покрыта толстым слоем снега, отчего деревянные стены здания кажутся почти чёрными. Окна в доме занавешены, поэтому возможности рассмотреть что-либо внутри нет. Из печной трубы валит густой белый дым, указывая, что хозяйка дома. К тому моменту, как дверь начинает открываться, мои руки уже озябли. Я в последний раз выдыхаю облачко пара на свой сжатый кулак и только потом поднимаю взгляд.

– Мама...

Ирина сжимает мою левую ладонь, которую держит до сих пор, но она не сопротивляется, когда я вытаскиваю руку и делаю несколько шагов вперёд.

– Агата, – мама тихо всхлипывает, замечая меня в толпе.

Я с недоверием смотрю на отца и маму, которые теперь стоят на пороге, как и я, не решаясь сделать шаг навстречу. Не зная, позволено ли это. Ещё раз я оглядываю дом, не зная, чему верить, не понимая, как такое возможно. А потом за их спинами я вижу свою младшую сестру, одетую в зимний синий кафтан, утеплённый мехом. Мы никогда не были богаты,

скорее даже бедны. И этот кафтан хоть и простоват, но наверняка самое нарядное, что есть у моей сестры. А синий цвет так подходит к её глазам, они почти как у меня, только темнее и похожи на насыщенную синеву неба. Мама часто говорила в детстве, что мы с ней красивы. Но уже тогда я знала, что это неправда. Моя сестра красивее, настоящая красавица. Её кожа и вправду молочная, чёрные волосы всегда блестели ярче, чем у меня, а глаза такие большие! Она всегда была похожа на куклу и сейчас всё такая же.

Мама раскрывает объятия, продолжая всхлипывать, и я, не задумываясь, подбегаю к ней, обнимаю её и отца, а потом пытаюсь ухватить ещё и младшую сестрёнку, но не могу дотянуться.

– Это правда!

– Вторая девочка в семье, и тоже отмечена...

– Какое благословение!

Громко и восторженно зашептали селяне за нашими спинами. Я оборачиваюсь на своих сестёр Мар, и они улыбаются, но грустно, натянуто, намного лучше понимая, какая это трагедия для семьи. Они знают, что жители вечно возбуждённо бубнят о благословении, только пока оно не придёт в их дом и не заберёт их ребёнка.

А у моих родителей забирают второго.

Во мне плещется предательская радость напопалам с разочарованием. Я уже знаю эту боль расставания, знаю, какие уроки предстоят моей сестре, какая у нас теперь судьба. Одинокая, без родительской любви, без будущего мужа и надежды на создание семьи. Жизнь, по-

священника борьбе с нечистью). И я не хочу такого для сестры. Но чувство, что теперь я не одна, предательски расплзается тёплыми искрами где-то внутри.

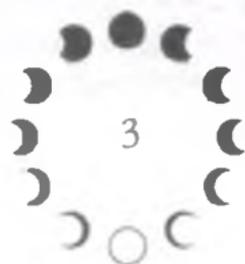
– Анна. – Я протягиваю руки к сестре, и та прижимается ко мне, как и раньше в детстве.

Отец утирает слёзы быстрее, чем они успевают скатиться, а мама плачет открыто, поглаживая меня по волосам. Они ничего не говорят другим Марам, потому что ни мольбы, ни просьбы, ни угрозы не сработают. Мою сестру всё равно заберут, даже если её придётся вырвать из рук родителей.

Когда-то давно бывали семьи, которые пытались прятать своих девочек от этой судьбы, бежать, если была возможность. Но заканчивалось всё одинаково. Девочку забирали либо добровольно, либо вырывая от уже мёртвых родителей, поэтому больше никто не пытается. Ни одной отмеченной девочке не удалось ускользнуть.

Но и ни разу не было такого, чтобы в одной семье такое «благословение» падало больше чем на одного ребёнка. И уже в этот момент, когда вновь оглядываюсь на сестёр в красных плащах, я понимаю, что Анна – особенная.

Ирина выходит вперёд и протягивает мне руку, я хватаюсь за неё, уходя вслед за ней, и тяну за собой сестру, как мне кажется, в новый мир, о котором она раньше слышала лишь в легендах и сказках на ночь. В мир, который станет нашей реальностью, и совсем не той, о которой мы мечтали в детстве зимними вечерами, сидя у тёплой печки.

Я начинаю скрипеть зубами, когда принц Даниил приказывает привести для меня белого коня. Поднять на уши всю деревню, если нужно будет, но найти. Чем больше времени мне приходится проводить в его обществе, тем больше он раздражает меня своим мальчишеским энтузиазмом и восхищением старыми сказками, половина которых для меня были реальностью до моей смерти. И весьма не столь приятной, как ему может показаться.

– Мне не нужен белый конь, ваше... высочество. – Последнее слово я едва ли не выплёвываю под пристальным и недовольным взглядом капитана Дария, отчего хочется ему бросить, что наша неприязнь взаимна.

Даниил оборачивается на меня и вновь расплывается в улыбке. Либо он не замечает, как выводит меня из себя, либо он делает это специально, потому что ему это нравится. И судя по внимательному взгляду, который принц упрямо прячет за шутками и комплиментами, я склоняюсь ко второму.

– Ох нет, дорогая Агата, нужен! Почти двести лет все считали, что Мары мертвы...

– Мары мертвы, – вставляю я.

– ...но вот она ты, в алом плаще, – не обращая внимания, продолжает он, – въезжаешь в столицу прямо на белом коне как символ. Ведь белый – один из ваших цветов, верно?

– Верно, но...

– Замечательно! – заключает он, а потом отворачивается от меня и вновь прикрикивает на солдат, приказывая продолжать поиски.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не поддать ему под зад, но мой пыл сразу остужается от присутствия Морока чуть в стороне. Он стоит как изваяние, сложив руки на груди. Всё в той же чёрной броне и плаще, капюшон которого всё так же скрывает половину его чёрно-золотой маски. Если Мары часто ассоциируются с красным, чёрным и белым цветом, то Мороки, по слухам, носят исключительно чёрное и золотое.

Хоть слуги Тени ничуть не менее реальны, чем Мары или нечисть, но при моей жизни для большинства Мар они были как призрачные слухи или страшные байки. Они занимаются похожим с нами ремеслом, справляются с неуспокоенными тварями, но если Мары служили открыто и любой мог прийти в наш храм и попросить помощи, то к слугам Тени так просто никто не рискнёт сунуться. Говорят, их мало, трое или пятеро, и где находится их храм и есть ли он вообще, знают разве что избранные. Смерть от руки Мары можно считать милосердной, потому что, даже обрывая жизнь,

мы дарим шанс на перерождение. Душа наконец упокоена и отправляется к богине, которая перенаправит её в следующую ипостась. А смерть от рук Морока... конечно. Никакого перерождения, никакого нового шанса. А ещё говорят, что при желании они могут отправить душу в Тень навеки. Там нет ничего и никого, ни запахов, ни звуков, там не тепло и не холодно. Просто бесконечная мучительная пустота, из которой не выбраться. Одна мысль о подобном месте, которое невозможно представить, заставляет меня поёжиться.

Короли поглядывали на Мар с интересом, потому что мы можем продлевать жизнь, а у Морока особая способность – поднимать мёртвых, привязывая к себе. Но за раз поднять можно лишь одного. Однако пока я не разобралась, как они подняли меня, если с моей смерти прошло двести лет? Почему богиня не забрала мою душу? Почему моё тело сохранилось? И что произошло после? Пока я не задаю много лишних вопросов своим сопровождающим, наблюдая за принцем и его тёмным слугой. И это ещё одна загадка. Почему Морок вообще ему помогает?

Помимо этого Морока я видела ещё одного только однажды, когда мне было семнадцать. Тот носил маску ворона. Я знаю, что у каждого она разная, создаётся отдельно и наделяется какими-то чарами. Но что тогда, что сейчас у меня не хватает духу спросить, как определяется их форма и с чем это связано.

Я возвращаюсь в свою комнату на постоянный двор. Это последняя наша остановка перед столицей, мы в пути уже неделю. Слухи о том, что «одна из Мар жива

и разделалась с упырями», разносятся между деревнями даже быстрее, чем мы думали. Я слышала, как люди охают и шепчутся, встречая процессию вдоль дорог. А заметив ещё и Морока в нашей компании, вообще сбиваются в группки, пристально наблюдая.

Раз уж выяснили, что кандалы не имеют никакого смысла и Морок может легко меня выследить, Даниил решил от них отказаться. Но я чуть ли не каждую минуту думаю попросить надеть их обратно, потому что теперь приходится ехать со слугой Тени на одном коне. В первый раз он подхватил меня как мешок с картошкой и усадил прямо перед собой, прижав к своей груди, но смягчился, когда я зашипела от боли в плечах. С тех пор он усаживал меня аккуратнее, хотя первые дни меня всё равно трясло от страха, что такое чудовище обнимает меня сзади. На третий день спокойнее мне не стало, но я научилась расслабляться, сидя к нему так близко.

В комнате я продолжаю собирать свои немногочисленные вещи. Принц Даниил теперь относится ко мне не столько как к пленённой марионетке, сколько как к долгожданной гостье. *Иронично.* Эти его милые подарки вроде гребня для волос с костяной рукоятью из одной деревни, душистого лавандового мыла из другой, нового платья взамен испорченного кафтана, который мне разорвал упырь, вызывают у меня лишь желание закатить глаза. Но дарёному коню в зубы не смотрят, и я принимаю всё со снисходительной улыбкой. Это единственное, что я могу выдавить, прекрасно зная, что в один день он дарит подарки, а в другой пожелает отправить меня в гроб.

За эту неделю, как Морок и обещал, мои раны зажили, и даже кожа приобрела более живой оттенок. А в одной из деревень я, наконец, нашла большое зеркало, чтобы узнать, насколько плохо может выглядеть живой труп. В целом всё лучше, чем я ожидала. Пахнет от меня только лавандовым мылом, кожа не спадает кусками, и я не разлагаюсь на ходу, скорее наоборот. Со временем я всё больше становлюсь похожа на живого человека. Вначале кожа и вправду имела синеватый трупный оттенок, но сейчас она просто неестественно бледная. Я сильно исхудала, скулы заострились, прибавляя мне несколько лет, хотя я умерла, когда мне было всего девятнадцать. Но и на это Морок сказал, что со временем станет лучше, и чем больше времени будет проходить, тем всё более и более я буду походить на себя при жизни. Кроме волос и глаз. Мои когда-то чёрные волосы до середины спины стали серыми, а голубые глаза подёрнулись плёнкой и стали светлее, придавая мне какой-то жуткий вид.

Я бросаю очередной взгляд на небольшое зеркало на столике и морщусь, встречаясь с самой собой взглядом. Я не была так красива, как моя собственная сестра, но и жуткой выглядеть никогда не хотела.

За время нашего путешествия мне стало понятно, что привязанный к Мороку мертвец, как я, не только испытывает боль, но так же устаёт. Поэтому по ночам я сплю. Я дышу, хотя делаю это скорее по привычке, не уверенная, что это жизненно необходимо. Моё тело будто работает так, как помнит. Дыхание может становиться тяжелее, быстрее или спокойнее от мое-

го состояния. Питаться мне не обязательно. Голод я не чувствую, но иногда, смотря на еду, вспоминаю её вкус, и рот наполняется слюной. Морок сказал, что я могу пробовать желанные блюда, если мне очень хочется вспомнить вкус, но еда как таковая мне не нужна. Самое непривычное – это тишина в груди, там, где должно биться сердце, но оно молчит. Однако на это мой страж сказал, что оно начнёт биться позже, и когда оно заработает, я стану почти неотличима от нормального человека, потому что кровь вновь начнёт придавать коже приятный оттенок.

Я достаю из сумки немного сурьмы, чтобы подвести глаза, а на бледные губы наношу краску для губ. Всё это тоже подарки от Даниила. Сурьму я знала и при жизни, а вот губы раньше мы делали ярче при помощи сока ягод. Ничего не стоит на месте, и люди успели придумать новые средства, чтобы становиться красивее. Моё лицо выглядит чуть лучше, но эти будто неживые глаза теперь выделяются ещё больше.

– Что же скажет богиня на то, что я сама нечисть теперь? – горько усмехаюсь я вслух, глядя на своё отражение.

– Она ничего не скажет. Твоей богине на всё это давно плевать, как и остальным.

Я вздрагиваю от голоса, даже не заметив, что Морок встал на пороге моей комнаты.

– Что ты имеешь в виду?

Он только ведёт плечами и взмахивает рукой, приказывая выходить. Мы отправляемся. Я скидываю всё в небольшую сумку и двигаюсь вслед за своим охранником.

– До Ярата остался всего день пути, Агата, – слегка наклоняя голову, говорит мне Даниил, когда Морок подсаживает меня на белого коня.

Принц всё-таки нашёл. И глупо скрывать, но мой алый плащ и вправду благородно смотрится вместе с белым. Поглаживая белоснежную шею животного, я улыбаюсь. Красивый конь с длинной гривой и шелковистым хвостом. Жаль, что он испачкает себе все ноги, ступая по размякшим дорогам, которые нам предстоят. Хотя, к счастью, вчера дождя не было.

– Значит, улыбаться ты всё-таки умеешь, – тихо тянет принц, когда Морок отходит от нас.

Моя улыбка сразу киснет, я продолжаю поглаживать шею животного и перевожу взгляд на принца.

– Переживала, что вы можете в меня влюбиться, ваше высочество.

Даниил хитро улыбается.

– А что будешь делать, если это уже произошло?

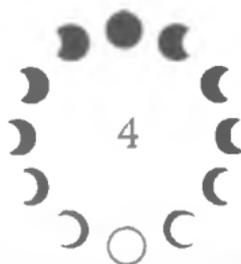
Его вопрос застаёт меня врасплох, молодой человек, довольный, кивает моей растерянности, запуская руку в свои светлые волосы. Вероятно, он ждёт какого-то ответа, но я молчу, к своему стыду не зная, что сказать. Вся моя жизнь состояла из уроков, подготовки, служения богине и убийства тварей. Мары могут встречаться, могут влюбляться, но всё это на деле бесполезно, потому что нельзя вступать в брак, будучи выбранной Мораной. Большинство сестёр, да и я вместе с ними, предпочли даже не пытаться что-то начинать, зная, что такие чувства не могут получить какого-либо продолжения. Поэтому мой опыт во флирте и общении с

мужчинами скуден, в отличие от принца. И, вероятно, ещё не раз мне придётся ему проиграть в этих светских играх словами и щекотливыми вопросами. Только Даниил, вероятно, не додумался, что из-за прошлого я ненавижу принцев. И сейчас я не придумываю ничего лучше, чем выпрямиться в седле, игнорируя вопрос.

– Приму это как твоё «да», – усмехается Даниил и идёт к своему коню.

– «Да» на что? – только и успеваю бросить я ему в спину, но собеседник мне не отвечает.

Я фыркаю, убирая волосы за шиворот, и накидываю капюшон на голову.

Зима – наше любимое время года с сестрой. И не только потому, что мы отмечены богиней зимы и смерти Мораной, но и потому, что магия будто окутывает весь мир. Особенно я люблю ночь после снежного вечера с серебряной, полной луной, что заставляет нетронутый снег мерцать, будто усыпанный звёздами. А воздух, пронзительно морозный, щиплет нос и кусает щёки.

Я медленно выдыхаю густое облачко пара, кутаюсь в свою алую накидку на меховой подкладке, делаю несколько аккуратных шагов к лесу, а ноги в высоких сапогах утопают почти до середины голени.

Морщусь, когда Анна разбежится и падает на нетронутый снег, рушит идиллию свежего покрова, поднимая ногами и руками снежные хлопья. Она весело смеётся, а потом взвизгивает от холода, когда снег попадает ей за ворот кафтана, а мои губы непроизвольно растягиваются в улыбке, но я тут же шикаю на неё, прикладывая палец к губам, воровато оглядываюсь на далёкий храм.

Прошло больше месяца с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать, а Анна стала Марой одну зиму назад. Наступил самый холодный, второй месяц зимы. Все уже отпраздновали Коляду – любимый праздник всех Мар. Сёстры обошли ближайшие деревни, принимая подношения и проверяя, что вокруг не завелась нечисть. Анна слишком мала для таких походов, а меня как старшую оставили следить за ней. Мы были расстроены, обе капризничали, что нас не пустили поводить хороводы у огромных костров да попеть колядки под окнами, чтобы выпросить вкусные угощения. Но Ирина и старшая сестра Кира были непреклонны, и нам пришлось остаться.

Однако сёстры, усталые, вернулись сегодня под самый конец темнеющих сумерек, потому что везде начались Велесовы святки, где люди заклинают и молятся другому богу о будущем урожае и здоровом скоте. Служительницы храма расслабились, перестав за нами следить, поэтому Анна упростила меня с ней прогуляться.

– Пойдём, Агата! Вон там есть озеро, а рядом с ним клюква, если соберём, то на кухне можно упростишь сделать твой любимый морс! – Анна неуклюже поднимается, пытаясь вытряхнуть весь снег из тёмных волос, но часть длинных прядей уже мокрые.

– Нельзя отходить так далеко, дурёха! – Я подхожу ближе, скручиваю её волосы, убираю так, чтобы они не холодили шею, и накидываю ей на голову капюшон. – Ночь на дворе. Если нас хватятся, то нам попадёт! Хочешь ещё пыль со старых полок в библиотеки протирать?

Сестра смешно морщит нос, уборку она не любит. Ирина пытается её наказывать за непослушание таким способом, но результата пока никакого.

– Тут недалеко! Я тебе кое-что показать хочу!

Она в нетерпении мнётся, смотрит на меня с надеждой, округляет свои большие синие глаза, а я вновь оглядываюсь на храм, что тянется ввысь. Днём серый камень стен сейчас почти чёрный, выделяется на фоне заснеженного леса, а оранжевые огни свечей горят лишь в нескольких окнах. Почти все жители спят.

Я перевожу взгляд на небо, хочу придумать отговорку, что слишком темно, но луна светит ярко, а снег вторит ей, отражает, сверкает, укутывая толстыми слоями еловые ветки.

– Хорошо, пойдём. Только быстро.

Анна радуется, подпрыгивает и устремляется на северо-запад к границе с Сератом, упорствует, переставляя ноги в снегу, утопая почти по колено. Я выше и двигаюсь быстрее, с лёгкостью её догоняя. Улыбаюсь, пальцами обхватываю её руку в шерстяных рукавицах.

Мы уже хорошо знаем местность в округе храма, потому что далеко нас пока не отпускают. Разведали тут всё и легко находим тропы, даже прикрытые снегом. Идём не больше десяти минут, Анна запыхалась, дышит шумно, кричит, всем видом показывая, как ей трудно. Я знаю, что она хочет, и разрешаю сестре забраться на мою спину, чтобы я понесла её ещё пару минут. Та сразу веселеет, болтает ногами, пока я придерживаю её под бёдра, тащу на себе. Стискивает мою шею так сильно, что мой капюшон падает назад, открывая тёмные

волосы. Морозный воздух холодит затылок и макушку, но Анна трётся своей холодной щекой о мою, и я опять снисходительно улыбаюсь, прощая младшей сестре её недавнее нытьё.

Теперь я слышу лишь собственное дыхание да хруст снега под ногами, где-то в глубине леса редко ухает сова, добавляя магии этой ночи.

Когда мы доходим до берега озера, я спускаю Анну на землю, и мы обе восторженно вздыхаем, раскрывая рты от удивительного пейзажа. Мы здесь бывали днём, но ночью – никогда. Перед нами небольшое озеро, оно замёрзло, а лунный диск отражается на его поверхности будто в зеркале. Мелкие трещины на льду похожи на белые и синие прожилки.

– Вон там клюква! – привлекает моё внимание Анна.

Я сразу иду в указанном направлении, желая собрать ягоды побыстрее и вернуться в нашу тёплую комнату. Ночь хоть и красивая, но холодная. Да так, что уже пальцы в сапогах озябли.

Замечаю ярко-красные ягоды в снегу, оглядываю огромные гроздья, предвкушая. Если собрать побольше, то не только морс можно упросить сварить, но и ягоды в сахарной пудре, а может, даже пирог.

– Агата, – задумчиво тянет Анна, подходя к кромке озера, пинает небольшой сугроб, поднимая ворох снега. – Кто такой Морок?

Я в замешательстве оборачиваюсь на сестру, размышляя, от кого она могла услышать это имя. Мне о Мороках рассказали лишь на второй год обучения.

– Они – слуги Тени, – коротко отвечаю я.

– А что такое Тень?

– Тень – это место, куда попадают самые гнилые души после смерти, а также это – тьма, которая этим местом управляет. – Проверяю ягоды на прочность; они хорошо промёрзли, а значит, не сильно испачкают карманы. Корзинки-то у меня с собой нет.

– Как Тень появилась?

Рву клюкву, заталкиваю в карманы накидки и какое-то время молчу, размышляя над ответом.

– Есть несколько легенд об этом, только те, кто уже умер и встретил богиню, знают, которая из них правдивая, – уклончиво отвечаю я.

– Агата! Ну расскажи хоть одну!

– А потом ты всю ночь от любых теней на стенах будешь трястись, – фыркаю я, глядя на сестру, которая трясёт игольчатую ветку ближайшей сосны, стряхивая с неё снег ради забавы.

Анна продолжает ещё какое-то время канючить, не отрываясь от своего дела, и я сдаюсь.

– Разные есть легенды. Большинство дошли до нас неполными. Одна из основных говорит, что Тень самой богини Мораны поднялась, когда мёртвые души её топтали. Однако самая знаменитая легенда про то, как богиня сама схватила сумрак у ног своих и отрезала, чтобы тот помог ей справиться с жадными, эгоистичными и полностью сгнившими душами смертных. И ходит та Тень за ней, вроде и отдельно, но всегда подле нашей богини.

На середине моего рассказа сестра перестаёт шуметь и слушает внимательнее.

– Морок – нечисть?

– Насколько я знаю – нет, но даже Кира не знает, что у них под маской, а она самая старшая, – мрачным шёпотом делюсь я.

– Сестра Яна сказала, что их все боятся, они носят маски, а смотреть им в лицо нельзя, иначе умрёшь, – недовольно жалуется Анна.

Яна. Ну конечно. Она любит рассказывать страшные истории. Хотя какие страшные истории можно рассказать Маре, что сама убивает живых мертвецов. Однако Яне это удалось. Она рассказала сестре про Морока.

– Я не знаю, насколько это правда. Меня Ирина предупредила, что при встрече с Мороком лучше уходить, прятаться и ни в коем случае не пытаться посмотреть под маску. И ты поступай так же, Анна! Если увидишь Морока, делай как велено, избегай подобной встречи.

Я продолжаю запихивать ягоды в карманы, как слышу новый взрыв смеха сестры. Слышу, как она падает, и только тогда поворачиваю голову. У меня внутри всё холодеет, а ягоды выпадают из онемевших пальцев.

– Гляди, Агата! Я видела, как мальчишки делают это зиму назад, как раз перед тем, как ты пришла. Они и меня научили немного!

Анна стоит на льду уже больше чем в десяти метрах от берега, отталкивается, пытается скользить, но падает на лёд, а у меня внутри всё трясётся от напряжения.

– Анна, вернись. Иди ко мне. – Мой голос будто стал чужим, скрипучим. Я говорю ей вернуться, но сама за-

стыла, боясь сделать шаг, словно стою на льду вместо сестры.

Мне ещё на третий год сёстры запретили ступать на лёд на этом озере, потому что оно никогда не промерзало достаточно, чтобы выдержать вес человека, однако Анне этого либо не сказали, либо она пропустила предостережение мимо ушей. Я молюсь про себя, чтобы лёд выдержал мою худенькую сестру.

Я вся вздрагиваю, когда она поднимается и вновь падает, приземляясь на попу, скользит ещё дальше от берега и от меня. Сестра смеётся.

– Анна, иди ко мне, пожалуйста. – повторяю я, стараясь придать голосу беззаботности, чтобы её не пугать, но если я сама ступлю на лёд, то тот точно треснет.

– Тут скользит как-то хуже, – недовольно бормочет она, делает несколько шагов ко мне, и мы обе слышим треск.

Анна смотрит под ноги, как змеятся трещины. По-глупому наклоняет голову, делает ещё один шаг, но уже аккуратный, медленный. Новый треск почти оглушает. А у меня сердце бьётся в горле от страха в глазах сестры, когда она вскидывает на меня свой взгляд, а её нижняя губа начинает дрожать. Я быстро сбрасываю свой тёплый плащ, оставаясь в лёгком кафтане.

– Анна... беги ко мне. – Я пытаюсь кричать, но голос подводит, и я рада, что выдавила это хотя бы достаточно громко, чтобы девочка услышала.

И сестра устремляется вперёд, но она особенно неуклюжая, когда боится. Ей удаётся сделать три шага, и лёд трещит, расплзается, огромные куски кренятся, а

потревоженная тёмная вода выплёскивается на поверхность, Анна поскользывается. Я не жду, а устремляюсь ей навстречу, лавируя между трепцинами, перескакиваю их.

Анна с визгом падает в тёмную воду первая, исчезает сразу с головой, а я падаю вслед за ней, совсем близко. Из горла вырывается хрип, когда всё тело пронзает холод, но здесь не так глубоко, вода доходит мне до шеи. Замечаю накидку сестры, хватаюсь, вытягивая её голову на поверхность. Та громко плачет, выплёвывает воду, что попала в рот, стучит зубами, бьёт по воде единственной подвижной рукой, когда остальное тело явно онемело.

Холод от воды такой, что мне кажется, словно меня режет тысяча ножей. Мой ужас так велик, что я едва осознаю, как переставляю ноги, таща сестру за собой на берег. Почти выбрасываю её тело на твёрдую поверхность, а сама выползаю на четвереньках.

Пальцы едва слушаются, когда я стаскиваю с Анны верхнюю одежду, кутаю в свою единственную сухую накидку. Она стучит зубами и вся трясётся, но при этом продолжает заунывно рыдать, пережив шок. Я не могу её даже успокоить, потому что мои зубы тоже стучат, и я трясусь не меньше её. А страх, что я чуть не потеряла сестру, душит не хуже верёвки на шее.

Ирина учит меня, что всегда нужно действовать, нельзя поддаваться страху, что я и пытаюсь сейчас делать. Пытаюсь изо всех возможных сил.

– Аа...нна... обхх...вати за ше...ю.

Вскидываю сестру себе на спину, я пытаюсь идти к храму, но ноги не слушаются, подламываются в коле-

нях, и каждый раз их пронзает боль. Анна делает что велено, цепляется за меня, почти душит.

Мне удаётся пройти пять минут, пока каждый вдох не начинает вырываться хрипом. Мне слишком холодно, пальцы едва удерживают сестру, но нам навстречу бежит Ирина, и я начинаю плакать едва ли не громче, чем сестра. Падаю на колени в мягкий снег, когда наставница широкими шагами преодолевает расстояние между нами.

Ярат. Столица Аракена.
Прошло много лет, и местность этой страны изменилась. Ориентируясь на свои воспоминания, я понимаю, что мы движемся с юга на север. По пути замечаю, что выросли несколько новых деревень, какие-то дороги стали шире, линии лесов изменились, а что-то пропало вовсе. Некоторые места, которые мы проезжаем, я узнаю, другие нет. Но я рада, что хотя бы Аракен всё ещё существует и столица у него всё та же. Хотя при жизни я бывала там лишь два раза: когда Мар позвали на коронацию нового короля и когда завелась нечисть в ближайшем лесу.

Мы – Мары, не принадлежим ни одной из стран и не подчиняемся королям. Лес, где расположен наш храм, считается исключительно нашей территорией и находится прямо на границе двух государств: Аракена и Серата. На западе страны омывает океан, а на востоке – путь в глубь континента перекрывает высокая горная гряда. Никто туда не ходит за ненужностью, и никто никогда оттуда не приходит. Возможно, там конец

континента и больше ничего нет, а может, там просто никто не живёт.

Марам было не важно, кто просил помощи. Звали нас сератианцы или аракенцы, мы шли помогать и тем, и другим, если у них возникали трудности. Но сейчас я рада, что именно принц Аракена поднял меня. Если бы я очнулась, а передо мной появился наследник Серата, я бы свернула ему шею, даже не дослушав и первую фразу.

– Принц Даниил, – обращаюсь я к молодому человеку после нескольких часов дороги, подъезжая поближе на своём белом коне, – почему вас так интересуют Мары?

– С чего бы начать? – растягивает слова принц, скрывая улыбку от того, что я впервые заговорила с ним по собственной воле. – Наверное, с того, что моя мама умерла рано. Всего через пять лет после рождения моей младшей сестры. Король... то есть отец, не обладает большими способностями в воспитании, и всё детство я провёл с нянями, сестрой и старшим братом Николаем. Вот он любил читать нам на ночь рассказы о Марах и Мороках.

– Сомнительный выбор сказок для маленьких детей, – отвечаю я.

– И то верно. Так скажет любой взрослый человек. Но у нас выбор был между вами и лешими.

– А что не так с лешими? – с удивлением поворачиваюсь я.

– Спросишь тоже, Агата! Они же жуткие твари!

– Конечно, некоторые из них выглядят странно с черепами вместо лица, но сами они почти безобидные! – возражаю я.

– Ты называешь этих громил безобидными?! – широко раскрытыми глазами смотрит на меня Даниил. – Я слышал, они чаще всего от двух до трёх метров, у них рога как ветки, а глаза светятся красным.

– Про глаза глупая небылица! – отмахиваюсь я. – Чаще у них глаз вообще нет, просто голый череп животного.

– Ещё лучше! Пустые глазницы черепа куда менее пугающи, чем красные глаза! – иронично поддевает принц.

Я замираю, а потом тихо смеюсь впервые за всё время. Эти звуки кажутся мне забытыми, непривычными, наверное, поэтому мой смех звучит натянуто, вовсе не так красиво, как раньше, при жизни.

А ведь он прав. Я так привыкла с детства изучать их, зная, что лешие лишь духи леса, защищающие животных и природу, и перестала замечать, что для обычных людей их вид может быть жутковатым.

– Что ж, ваша правда, – в итоге сдаюсь я. – Возможно, их вид немного пугающий.

– Немного?! – вновь откликается принц, но его рот растягивается в улыбке, когда я вновь смеюсь. – Раз мы решили про леших, я продолжу рассказ.

Я киваю, ожидая продолжения.

– Моей сестре было всё равно, что слушать. Для неё все подобные истории как страшилки. Я же, как ты поняла, не большой любитель гигантских лесных... духов. Поэтому выбирал истории про вас. Что может быть более интригующим, чем красивые девушки, как сама богиня, и несущие милосердную смерть?

– Заморские принцессы?

Даниил лишь отмахивается от моей попытки его поддеть.

– И я не прогадал! Каждая история приводила меня в восторг, хотя мой брат явно не рассчитывал на такую реакцию, уставая пересказывать мне одни и те же легенды по кругу из года в год. Большинство обожают легенду про Мару по имени Сильвия и то, как она в одиночку справилась с двумя бесами ради защиты группы детей.

Сильвия. Я тоже слышала эту историю, которая произошла задолго до моего рождения. Все слышали. Бесы – огромные твари, и удача, если в одиночку сможешь убить одного, но двоих...

– Сказать по правде, – продолжает Даниил, – больше всего я восхищался тобой и твоими сёстрами, последними из Мар, особенно тем, что вы сделали после произошедшего с твоей сестрой Анной.

Всё былое веселье испаряется, стоит мне вспомнить о сестре.

– Там нечем восхищаться, принц, – сухо бросаю я. – В том не было никакой романтики. Только смерть.

– Я уверен, что это слабое утешение, но, надеюсь, ты согласишься, что лежать в холодной земле всяко хуже, чем ходить по ней.

Я оборачиваюсь на Морока, который едет позади на чёрном коне. Сидит он прямо, как и всегда, не двигаясь и не поворачивая головы, смотрит только вперёд. Так можно и засомневаться, живой ли он вообще.

– Как получилось, что сам слуга Тени помогает короне? – Я наклоняюсь поближе к принцу, стараясь говорить тише.

– Всегда говорили, что Морок появляется там, где нужно и когда нужно, поэтому искать их бесполезно, – загадочно произносит Даниил. – После исчезновения Мар наступили непростые времена, особенно для обычных людей. Все надеялись, что Мороки будут выполнять работу Мар, но слуги Тени просто пропали после всего произошедшего. Поговаривают, они специально ушли из-за вас. Хотя кто знает, в чём истинная причина, – принц тоже наклоняется поближе, – ведь собеседники из них весьма тоскливые... или стоит сказать нудные, а может... однообразные?

Стараясь подавить улыбку, я согласно киваю.

– И, как всё-таки известно, слуги Тени тоже люди, значит, им надо на что-то есть. А кто платит щедрее, чем король?

– Морок работает на вас ради золота? – Эта мысль кажется мне сомнительной, хотя я слышала истории, что они выполняли кое-какую работу для короны за достойную плату. Для Мар такое поведение было недостойным. Нам никогда не нужно было просить плату, люди всегда делали добровольные подношения.

– Сейчас их иногда называют наёмниками Тьмы, – почти шёпотом делится Даниил. – Говорят, времена изменились и Тень потеряла всё достоинство.

Я размышляю над его словами, а потом разочарованно качаю головой.

– У Тени никогда и не было достоинства, чтобы его терять. – Ровный голос бьёт нам в спины, и кажется, даже Даниил пугается, забывая, что Морок находится прямо за нами и может всё слышать, хоть мы говорим достаточно тихо.

Какое-то время мы едем молча, пока я не решаю задать последние волнующие меня вопросы:

– Серат всё ещё существует?

– К нашему разочарованию, да, – кивает принц.

– Кто сейчас правит?

– Младший сын покойного Алексея – Северин Ласнецов. – Принц задумчиво стучит пальцем по подбородку. – Должен был бы править старший, не буду врать, абсолютно не помню его имени, но он умер, ещё будучи ребёнком.

– В каких отношениях Аракен и Серат?

Даниил бросает на меня любопытный взгляд, наклоня голову набок. Я задала этот вопрос ровным тоном, но глупо было думать, что принц не знает причин моего любопытства.

– У нас война, Агата. После того что они сделали, мои предки не смогли это так просто оставить. Вначале бои шли непрерывно, но сейчас лишь одиночные столкновения время от времени. Открыто армии мы не выводим на поле битвы, но пристально следим друг за другом и убиваем сразу, не задумываясь, если кто-то пересекает границу.

Я киваю, сжимая зубы и поводья. Кожа перчаток скрипит.

– Не переживай, дорогая Агата. Когда-нибудь мы сотрём их с лица земли. Я постараюсь сделать это при

своей жизни. И знай, если у меня получится... – принц дожидается, пока я подниму на него взгляд, – то я сделаю это ради тебя.

— **А**нна, платье твоё, конечно, красивое, но на тренировку стоит надевать штаны и рубашку!

Это уже не первый раз, когда мне приходится её ругать за такую одежду, но сестра постоянно отвлекается, а занятия с оружием и силовые тренировки она ненавидит больше всего. Я тоже не в восторге от бега, отжиманий и подтягиваний, однако наша работа – не только воспевать богиню Морану и красиво выглядеть в алых плащах. Кстати, это мне кажется странным, но одежды также играют важную роль, и существует множество правил относительно нашего внешнего вида. Однако, как бы то ни было, я уверена, что нас действительно ценят только пока мы можем убивать нечисть, с которой обычным людям не справиться. Да, мы способны видеть нити жизни, способны их обрывать. Но знания и умение сражаться – это опыт, который нам приходится нарабатывать постоянными тренировками, как и любому другому.

Я понимаю Анну, я тоже люблю красивые платья. Раньше мне хотелось наряжаться и выглядеть привлекатель-

нее. Хотелось получать такие же восхищённые взгляды от молодых мужчин и даже женщин, какими они одаривают мою сестру, стоит нам зайти в город или деревню. Но потом я забросила эти мысли, отдавая больше времени изучению владения мечом. И моей частой одеждой стали обтягивающие штаны, рубашки и кафтаны цвета крови. Либо обычные, либо со скопленными полами. Подобную одежду носят мужчины, но ещё несколько сестёр, как и я, нашли её намного удобнее в бою и при езде верхом. А хранительницы храма шьют нам достаточно элегантные фасоны, чтобы мы могли появиться в таком виде и при дворе, если будет нужно.

– Какой будет толк от меча в твоей руке, если ты запутаешься в юбках?!

Я ругаю её прямо в светлом коридоре храма, где любая из сестёр или хранительниц может нас увидеть. А может, они уже слышат мой повышенный голос и предпочитают обходить этот коридор десятой дорогой. С моего пятнадцатилетия сёстры в основном именно мне поручали следить за сестрой, желая создать для Анны лучшие условия, чем могла себе позволить любая из нас. И я всегда была добра к младшей сестре, оберегала её, думая, что жизнь Мары даётся ей тяжело. Она всегда выглядела хрупкой, изнеженной девушкой, которая неплохо обращается с длинными кинжалами, но даже средний меч не может удержать, чтобы противостоять противнику дольше нескольких минут. Я всегда верила ей, когда она в очередной раз оправдывалась, что ей тяжело дышать, а бегать так же хорошо, как другие, она не может. Верила, когда она извинялась

за пропущенные тренировки и обещала, что больше вести себя так не будет.

Верила, до того момента, пока не поняла, что это всё капризы.

Сестра быстро сообразила, что своим кукольным лицом может манипулировать людьми, добиваясь своего. И даже самые старшие Мары умиляются ей, видя в Анне если не сестру, то дочь. Я знаю, что она делает всё это не со зла, а из обычных эгоистичных помыслов, не желая делать то, что ей не хочется.

Уже идёт седьмой год, как Анна с нами. Хоть она и отлично выучила все учебные материалы и прилежна в работе с книгами, но всё ещё в настоящем бою не способна постоять за себя. И отчасти это моя вина. Я, к своей глупости, потакала ей, выкопав тем самым яму самой себе, в которую рухнула полгода назад.

В тот день четверо, включая меня и Анну, отправились разбираться с утопленниками в одном из озёр. Жители ближайшей деревни рассказали, что видели там двоих ходячих мертвецов. Но на самом деле их оказалось четыре. Они отвратительны, но утопленники не настолько быстрые, как упыри в тех же лесах, однако Анна не справилась. Даже спустя годы тренировок она лишь глупо размахивала мечом. Мне повезло вовремя заметить, что утопленник почти схватил её. Нужно было отрубить ему голову, но я просто не успевала и оттолкнула сестру подальше, а мертвец впился гнилыми зубами мне в руку и стремительно утащил в озеро. Если бы не сестра Яна, которая вытащила меня, я бы утонула в тот день.

С тех пор я стараюсь быть жёстче, ругать сестру всегда, когда она этого заслуживает, меньше потакать её прихотям. Я вздыхаю каждый раз, когда Ирина со смехом говорит, что я стала ворчливее. Мне не нравится то, что приходится постоянно высказывать Анне, но пока другого выхода я не вижу.

Анна продолжает молча смотреть в каменный пол и теревить длинный рукав красного платья с чёрным корсетом. Но на этот виноватый взгляд я больше не поведусь.

– Анна!

– Сестра, – устало тянет девушка, поднимая на меня синие глаза, вся вина исчезает, когда она осознаёт, что притворство больше не работает. – Ты же знаешь, что такая жизнь не для меня. Я стараюсь, правда! Ты же знаешь, что я наизусть запомнила каждую тварь и как с ней справиться.

– Знаю, но...

– Только оружие, ну не получается у меня. Я не настолько сильная, как ты, Агата! Я хотела бы, но не получается.

– Мои умения – это не особый талант! Это всего лишь ежедневный упорный труд, и ты это знаешь.

Анна упрямо замолкает, зная, что ничего возразить не может. Подобный разговор был у нас не раз. Я глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю, стараясь избавиться от раздражения. А потом обхватываю плечи сестры, заставляя её посмотреть на меня.

– Анна, я люблю тебя и знаю твой характер. Если бы я могла, я бы отправила тебя домой, избавила бы от этой судьбы. Но я не могу...

Уголки её губ опускаются, она это знает, а смириться всё равно не может. Всё ещё глупо, как в первые годы, надеется, что я смогу как-то избавить её от участи Мары, но это не под силу никому.

– Остальные сёстры знают, что я с тобой не справляюсь. Уверена, скоро они заберут тебя из-под моей опеки и кто-то другой будет следить за твоими занятиями. Ты и вправду хочешь этого?

– Нет.

– Тогда ты переоденешься и пойдёшь заниматься, – киваю я.

– Прости. Это в последний раз.

Очередной последний раз.

– Обещаешь?

– Обещаю, – виновато бубнит она, крепко меня обнимая.

Я обнимаю её в ответ, успокаивающе поглаживая спину и шелковистые чёрные волосы, но потом отодвигаю сестру от себя.

– Анна, откуда у тебя это платье?

Теперь сестра выглядит испуганной, и мне это не по душе, она пытается высвободиться, уйти от ответа, но я крепко сжимаю её плечи, не давая сбежать.

– Анна, – недовольно тяну я.

– Я купила его, – неуверенно мямлит она.

– У нас нет таких денег, сестра! Что это? Сератианский шёлк? – ахаю я, щупая ткань на рукаве. – Он же безумно дорогой!

Сестра пользуется моментом, изворачивается, освобождаясь из моих рук, и отбегает на несколько шагов к белой каменной стене.

– Только не злись, Агата, это всего лишь подарок, – она вновь применяет свою виноватую улыбку, от которой у меня должно растаять сердце, но не в этот раз. Не теперь.

– Кто настолько богат, чтобы дарить тебе подобные подарки? – удивляюсь я.

– Я... это не важно...

– Ещё как важно, Анна! – хватаю её под локоть, чтобы сестра не смогла удрать.

Пока что она ниже меня на полголовы и выглядит хрупкой, но эта бестия быстро бегает, жаль только, делает это в любой момент, но не тогда, когда действительно надо.

– Это мужчина?

Она закусывает нижнюю губу, и эта детская привычка выдает её с головой.

– Не может быть! Ты! Да как вообще... – Я хватаю ртом воздух, заикаясь, забывая слова.

Быстро оглядывая коридор на наличие свидетелей, я тащу сестру в ближайшую маленькую комнату. Анна не упирается, покорно переставляет ноги, придерживая юбку своего нового платья. Я запираю нас изнутри в маленьком кабинете, сперва проверив, что в комнате никого нет. Здесь темно и пахнет пылью, но я не обращаю внимания, а, уперев руки в бока, отрезаю сестре путь к двери.

– Кто он?!

Анна сокрушённо вздыхает, отряхивая рукав платья.

– Его зовут Ариан, и он принц Серата.

Из моего горла вырывается разочарованный стон.

– Анна, ты же знаешь, что это ни к чему не приведёт! Да ещё и принц..

– Я знаю, что мужа у меня не будет! – вдруг огрызается сестра.

Я почти теряю дар речи, потому что сестра впервые позволяет себе со мной так разговаривать. Я даже не знала, что это в её характере. Замечает мою растерянность, её плечи никнут, а голова виновато опускается.

– Я знаю, – вновь повторяет сестра. – И всё же что плохого, если я получу хоть немного любви? Это же не запрещается...

– Дело не в запрете, Анна. Он принц. Дорога сквозь политику полна острых ножей, это может быть опасно для тебя, если кто-то узнает. Вдруг король решит, что связь с Марой порочит фамилию их семьи...

Я устало присаживаюсь на деревянный резной стул, вначале смахнув с него небольшой слой пыли. Анна подходит ко мне поближе, и я беру её руки в свои.

– Мне всего девятнадцать, сестрёнка. Я могу попытаться уберечь тебя в поле или лесах перед лицом мёртвых, но я никак не смогу спасти тебя от трясины политических игр или тем более разбитого сердца. А если ты любишь его, то оно будет разбито в тот день, когда вам придётся расстаться. Он любит тебя?

– Да, – серьёзно отвечает она.

– А ты его?

– И я его.

– Анна...

Сестра улыбается и начинает гладить меня по волосам, не таким блестящим, как у неё, но тёмным, как ночной лес.

– Не переживай обо мне, Агата. Я ещё никогда не была так счастлива. Ты бы видела его улыбку, такую очаровательную! А волосы, будто золотая пшеница, а на ощупь даже лучше, чем сератианский шёлк! Я таких ещё не видела...

Её губы растягиваются в мечтательной улыбке, а мои – в печальной. Я не знаю уже, злюсь ли на неё, беспокоюсь ли или завидую, что у моей сестрёнки всё так просто и само собой получается. И вот теперь она встретила хоть мимолётную, но взаимную любовь, а я не знаю никакой, кроме родительской, и то уже позабыла, каково это.

– Хорошо, сестра. Пусть будет по-твоему. Я не буду вставать на пути твоего счастья или как-либо отговаривать. Это не в моих силах.

Анна вся трясётся от восторга, а губы её расплываются от счастливой улыбки, и не держи я её руки, она бы закружилась от радости, но я сжимаю её ладони, привлекая к себе её внимание.

– Однако я бы хотела, чтобы ты познакомила меня с ним.

– Ты же не станешь ему угрожать? – замирает она.

– Может, только чуть-чуть, – серьёзно отвечаю я, а потом смеюсь, когда сестра верит моим словам и лицо её вытягивается.

– Но есть ещё кое-что. У меня есть условие. – Я вновь становлюсь серьёзной.

– О нет... – стонет она.

– Я ничего не скажу старшим сёстрам, если ты начнёшь нормально и усердно тренироваться.

Анна шумно и упрямо дышит, пойманная в ловушку.
А я стараюсь не улыбаться слишком ехидно.

– Ладно! Хорошо! Я буду, обещаю, – сдаётся она.

– Похоже, он и вправду очень красив, раз ты так легко согласилась.

Смеясь, я уворачиваюсь от её руки, которой она явно хотела отвесить мне подзатыльник.

Ярат разросся.

Э то стало моей первой мыслью, когда мы поднялись на последний холм и смогли разглядеть раскинувшийся город под нами. Он располагается на равнине на северо-западе Аракена. Оглядывая ближайшую местность, я отмечаю, что ещё пару десятков лет, и столица поглотит небольшой портовый городок у залива. Тяжёлые облака не пропускают солнечные лучи, и город выглядит мрачновато. И это несмотря на высокие шпили храмов и позолоту на королевском дворце, что сейчас без ярких солнечных лучей выглядит тусклее, чем должно быть. Мы ещё достаточно далеко, и все домики кажутся маленькими, почти игрушечными, но среди всего выделяется дворец. В нём лишь несколько этажей, но здание растянуто и занимает большую территорию, а примыкающая к нему главная площадь даже отсюда кажется огромной.

Привыкшая к жизни в храме в относительном уединении, я никогда не любила большие города, а особенно столицы. В главном городе Серата я была лишь од-

нажды, но в тот раз так быстро пронеслась по городу, что не обратила внимания ни на что, помимо мрачного главного дворца, облицованного серым мрамором. В Ярате же бывала несколько раз и не скажу, что те разы оставили после себя радостное впечатление, но уверена, что этот раз станет самым неприятным из всех.

Я перевожу взгляд на синеву Тихого залива вдалеке. Его воды всегда спокойны, потому что в бухте находятся три острова, а любые волны с океана разбиваются об их берега, успокаивая течение у материка.

– Он прекрасен, правда? – подходит ко мне Даниил. Морок отстаёт от него буквально на несколько шагов.

Они мне всё ещё не доверяют. И правильно делают. Но уж лучше пусть рядом крутится молчаливый Морок, чем капитан Дарий, который на каждую мою фразу огрызается на меня за недостаточно почтительное обращение к его высочеству.

– Кто? Ярат?

– Именно.

Вдыхая солёный воздух, запахиваю свой алый плащ.

– Город как город, – сухо бросаю я и разворачиваюсь, чтобы уйти, но, проходя мимо Морока, готова поклясться, что слышу, как он хмыкает. Из-за этого я с удивлением поднимаю на него взгляд, но спрашивать не решаюсь.

– Угораздило же меня возродить самую дерзкую из Мар, – усмехается Даниил, громко бросая мне вслед.

Мы завершаем свой путь уже после заката, когда солнце полностью скрывается за горизонтом, а небо стремительно темнеет. Мы неторопливо двигаемся по

улицам столицы, а я стараюсь не сильно вертеть головой по сторонам, отмечая, как люди продвинулись в развитии за эти столетия.

При моей жизни даже в столице были деревянные дома, а сейчас они все каменные, не ниже двух этажей, а чаще всего два или даже три. Фасады простых жилых домов украшены хотя бы резными наличниками на окнах. А на домах побогаче есть лепнина. Раньше лишь главные дороги были мощёными, но теперь большинство выложены камнем, позволяя передвигаться без особого труда даже после дождей.

Лавочники накрывают тканями свои тележки, заканчивая рабочий день в наступивших сумерках. Горожане спешат домой, а замечая среди нас Морока, ускоряют свой шаг или вообще спрячутся в ближайшие тёмные переулки, выбирая другую дорогу, подальше от слуги Тени. Я с интересом наклоняю голову, разглядывая приспособления, что люди придумали, чтобы продлить вечернюю жизнь города. На улицах и главной площади люди зажигают множество фонарей со свечами или вставляют факелы в специальные металлические крепления. Свет огней позволяет видеть дорогу и здания, и лошади могут двигаться по улицам города не спотыкаясь.

Площадь перед главным дворцом Аракена вымощена крупными каменными плитами, что облегчает нам путь. В воздухе звенит цокот копыт наших коней. Главный дворец столицы вытянут, но полностью симметричен и раскрашен в два цвета: белый и песочный. Он обильно украшен позолотой, пилястрами и лепными завитками. В основном здание трёхэтажное, но по

центру и краям поднимаются более высокие части, а с другой стороны дворца, если они ещё сохранились, находятся обширные сады.

Я с вялым интересом оглядываю фасад здания, поднимаясь по широкой лестнице к входу. Дворец изменился, появились новые пристройки и множество украшений, а позолоты раньше и вовсе почти не было. Ярче всех сверкает символ жар-птицы на стенах. Главный символ Аракена. Именно образ этой золотой птицы на красном фоне красуется на каждом флаге в городе. Однако, несмотря на все украшения и дороговизну, я никогда не была восприимчива к богатству, а теперь любые королевские семьи вызывают у меня лишь тошноту и ком в горле.

– К королю вы потащите меня в цепях, ваше высочество? – бросаю я Даниилу, когда мы почти подходим ко входу.

Они вновь надели на меня кандалы перед тем, как мы въехали в город, оправдывая это тем, что остальные пока не знакомы со мной и всё это просто для того, чтобы не пугать жителей столицы и дворца.

– Не каждый день по улицам столицы ходит восставшая Мара, о которых немало людей и так думают как о мифе и выдумке, – тогда виновато пожал плечами принц, проверяя цепь на моих запястьях.

– Да неужели? Я почти решила, что возрождать мертвецов – это повседневный досуг вашего высочества, – хмыкнула я в ответ.

– Если каждый из мертвецов будет так же красив, как ты, то я подумаю, чтобы заняться этим на постоянной

основе, – усмехнулся он, забирая победу в новом словесном раунде.

В этот раз хотя бы просто заковали руки, но этот жест моментально вернул меня в реальность, напоминая, что я марионетка в их руках, Даниил – кукловод, а остальные – моя стража. Стоит напоминать себе об этом почаще.

И сейчас я вновь тычу цепями ему под нос, наблюдая, бросит ли принц меня, скованную и в грязном плаще, как трофей, на колени перед своим отцом или сделает что-то другое.

Даниил задумчиво оглядывает меня.

– Стоит ли ждать сюрпризов от нашей дорогой Агаты? – спрашивает он Морока.

– Вряд ли. Но я бы приставил к ней охранника во дворце. Охранника, которому можно доверять.

– Точно... – Принц продолжает размышлять, а я ёжусь на холодном осеннем воздухе, переводя взгляд с одного мужчины на другого. Мне всё равно, что они решат, лишь бы решили быстрее. – Хорошо, Морок. Ты можешь идти.

Громила только кивает, не говоря ни слова спускается по лестнице, берёт своего и моего коней под уздцы и идёт вдоль дворца, вероятно, к конюшням. Я оторопело наблюдаю за ним, понимая, что с нами во дворец он не пойдёт. Из-за этого я начинаю чувствовать странное беспокойство. Хоть он и внушает ужас, но Морок стал мне привычнее за время нашего путешествия. Да и обладая схожей силой, он, так же как и я, не принадлежит этому миру. А теперь я вновь остаюсь одна среди незнакомых мне людей.

Стоит мне переступить порог, миновав огромные деревянные двери, и на меня накатывают старые воспоминания, как я проходила по богато украшенным коридорам другого дворца, громя всё на своём пути. Как коридор с высокими потолками и тяжёлые закрытые двери, украшенные золотыми растительными мотивами, стали последним препятствием на пути к моей мести. Препятствием, которое я не смогла преодолеть. К горлу подкатывает ком из злости и страха.

Сразу после входа мы попадаем в небольшой передний зал, слева двери закрыты, а справа и спереди тянутся анфилады из комнат. Также впереди чуть справа начинается широкая мраморная лестница с красным ковром на второй этаж. Я воровато оглядываю стены, от пола до потолка расписанные узорами из красных и золотых мотивов с примесью серебряных тонов, полуколонны в стенах и проёмах дверей, увитые золотыми лозами. Я поднимаю взгляд к украшенному лепниной потолку. Массивные позолоченные люстры давят, несмотря на высокие потолки. Всё как-то слишком дорого и громоздко.

– Ты права, Агата. Неправильно будет тебя тащить к отцу в таком виде. Пойдём.

Я направляюсь за принцем на второй этаж, тут он сворачивает направо в коридор. Здесь темнее, потому что нет окон, но огни свечей в подсвечниках на стенах освещают достаточно хорошо, чтобы можно было всё рассмотреть. Пройдя почти до конца, Даниил останавливается перед резной дверью, ничем не отличающейся от пяти других, которые мы только что прошли.

– Это будет твоя комната.

Я не успеваю ничего ответить, как он распахивает двери. Непроизвольно жмурюсь от ожидания того, что это будет похоже на тюремную камеру, только в которой всё будет вычурно сверкать в золоте и украшениях. Но, к моей удаче, комната оказывается проста и выполнена в спокойных зелёных тонах с некоторыми золотыми элементами.

– И никакого красного? – приподняв бровь, смотрю я на Даниила.

– Прости, Агата, – иронично улыбается он, – но создать комнату специально для тебя я не успел. Всё красное у тебя в гардеробе. Я приставлю к тебе нескольких служанок, они помогут помыться и переодеться, а я вернусь через час.

Он мнётся, но всё-таки снимает кандалы. А напоследок кивает:

– Только прошу, не пугай прислугу, рассказывая всем, что на самом деле ты мёртвая.

– Вряд ли у меня получится открутить себе голову и сунуть её под мышку. – Я закатываю глаза, припоминая небылицы, которые теперь рассказывают о Марах.

С недоверием покосившись в ответ, принц уходит, позволяя мне нормально оглядеться. Комната небольшая, здесь есть мягкая кровать с балдахином, туалетный столик и шкаф, но зато напротив дверей целых два окна почти от пола до потолка. А светлые помещения я очень люблю. Только опять эта массивная, хрустальная люстра, которую я обхожу, боясь, что она вот-вот рухнет на меня под своим весом. Я с опаской открываю

шкаф, боясь увидеть там что-то жуткое. И тут мои ожидания оправдываются. Даниил разошёлся на полную в своей любви к легендам о Марах. Среди одежды я нахожу несколько новых плащей и мантий, платья, штаны и рубашки, и всё, конечно же, в алых, белых и чёрных тонах. Я закрываю дверцу с мыслью, что надо рассказать принцу, что если я надену одежду другого оттенка, то не загорюсь. Похоже, он считает, что одежда других цветов меня прямо-таки убьёт.

Принц присылает ко мне двух милых служанок: Инну и Марину, которые помогают мне помыться и привести себя в порядок. Я не привыкла к подобному обращению, поэтому на любую их помощь отнекиваюсь, заверяя, что могу справиться сама. На что девушки лишь ласково улыбаются и игнорируют мои попытки, продолжая мне во всём помогать. Вероятно, Даниил не сказал им, кто я, потому что ни одна из них не задаёт вопросов, не сторонится меня и не боится. Хотя возможность помыться в одиночестве я всё-таки у них отвоёвываю.

– Госпожа, у вас есть странное пятно на спине. Стоит ли позвать лекаря? – спрашивает Марина, помогая мне затянуть корсет.

Инна подходит ближе и тоже разглядывает мою спину.

– Может, стоит взять другое платье? – предлагает она подруге.

– Нет, его высочество приказал надеть это, – задумчиво отвечает Марина.

– Так это его высочество приказал завернуть меня в это откровенное платье с голыми плечами? – возмуща-

юсь я, поворачиваясь к девушкам, а те смущённо опускают взгляды.

Платье безумно красивое, алый оттенок чуть более тёмный, чем обычно. Подол и широкие, длинные рукава украшены золотыми нитями и кружевом, а корсет – россыпью жемчуга и рубинов. Не помню, чтобы я когда-либо надевала что-то настолько дорогое и настолько откровенное. На мой вкус, в районе декольте не хватает как минимум сантиметра ткани, а плечи полностью открыты, отчего мне хочется прикрыть непривычную наготу. Принц решил выставить меня как какую-то дорогую куклу, ещё и приказывает нарядить во что пожелает. От моей закипающей злости меня отвлекает Инна, которая слегка касается пальцами кожи на спине, и я вздрагиваю.

– Простите, госпожа. Просто это пятно...

– Что там такое?

Я поворачиваюсь спиной к зеркалу, чтобы увидеть тёмный, почти чёрный отпечаток на спине в районе лопатки. Он отдалённо, но напоминает ладонь. *Прикосновение Тени. Метка, что связывает нас с Морок-ком. Здесь он коснулся меня, чтобы оживить.* Я вновь ёжусь от этих мыслей, а потом стараюсь ободряюще улыбнуться служанкам.

– Это лишь моё странное родимое пятно, не обращайтесь внимания. Его можно скрыть волосами. Так что будет достаточно, если мы просто их расчешем.

Видно, что девушки мне не особо верят, но спрашивать больше не решаются. Как я и прошу, они расчёсывают мне волосы, оставляя их рассыпаться по спине. Также мне подвели глаза сурьмой и улучшили цвет губ

и лица при помощи пудры и краски для губ. Здесь, на туалетном столике так много различных коробочек и баночек, что я даже не решаюсь притрагиваться к ним, не зная, для чего большинство из них. В то время, как девушки действуют уверенно, подбирая оттенки к моему наряду. В итоге я окидываю себя в зеркале взглядом, и мне нравится то, что я вижу.

– Вы очень красивая! – расплывается в улыбке Марина.

– Это только благодаря вам, спасибо.

– Нет! Вы сама красивая, его высочество принц Даниил обязательно оценит.

– Его высочество может засунуть свою оценку себе... – Я осекаюсь, замечая недоумение на лицах собеседниц, и быстро натягиваю вежливую улыбку. – Конечно, ему понравится.

Уже понятно, что он любитель коллекционировать красивые нобрякушки. А меня, похоже, он считает частью коллекции.

Стоит мне о нём подумать, как дверь распаивается, но в неё входит не принц, а четверо охранников.

– Прошу прощения, нам приказали проводить вас в главный зал.

Четверо вооружённых мужчин против меня одной, когда мне даже острых шпилек для волос не дали? Может, Даниил считает, что я могу кого-то убить гребнем для волос?

На всякий случай я бросаю взгляд на туалетный столик, с грустью отмечая, что щётка для волос круглая и без острых краёв.

– Ведите. – Я тяжело выдыхаю и, подняв юбку, иду вслед за двумя охранниками, пока остальные двое сопровождают меня сзади.

До главного зала мы идём не меньше пяти минут. Он также располагается на втором этаже, но мы движемся в противоположный конец дворца и немного петляем по коридорам, отчего я теряю ориентацию в пространстве достаточно быстро. Когда стража распахивает передо мной светлые двери, безмолвно приглашая войти, я выпрямляюсь, чинно складываю руки в районе живота и вхожу под звуки затихающих разговоров и стук собственных каблучков по идеально отполированному деревянному полу.

Главный зал оказывается большим и просторным помещением, уверена, именно здесь проводят балы и основные праздники. Стены украшены скульптурами и сверкают позолотой, потолок покрыт фресками, и повсюду множество золотых подсвечников, свет от которых умножает блеск золота. Почти вся стена справа – в огромных окнах, которые чередуются буквально через каждый метр. Вероятно, днём здесь очень светло, но сейчас на улице тёмная ночь, а из-за полупрозрачных золотистых занавесок я не могу разобрать, куда выходят эти окна.

Я отмечаю накрытый для ужина стол у одного конца зала справа от меня. Слева в другом конце располагается небольшое возвышение с массивным, богато украшенным тронем, на котором сидит Дмитрий Рахманов – нынешний король Аракена. Одного взгляда на него достаточно, чтобы заметить, что правление стра-

ной сильно подкосило его здоровье и осталось ему недолго. Его когда-то светлые волосы, густая борода и усы уже почти полностью поседели, и как ни скрывай, легко угадываются залысины, уходящие к вискам. Красный с золотом мундир ему велик – он явно теряет вес в последнее время, – и это ещё больше придаёт ему возраст. Светло-карие глаза подёрнуты пеленой, и весь его вид говорит об усталости и сонливости, когда он скучающе склоняет голову на свой кулак, облокотившись на подлокотник. Вокруг стоят ещё три красивых трона, но меньшего размера, вероятно, для его наследников. Ближайший занимает миловидная молодая девушка в нежно-розовом платье. Её светлые волосы вьются в тугие локоны, заплетённые в свободную косу, и оставшиеся мелкие завитки у лица придают ей ещё больше очарования. С другой стороны чуть поодаль стоит Даниил и о чём-то увлечённо разговаривает с темноволосым молодым человеком. Принц, как и я, привёл себя в порядок после дороги, надев свежий тёмно-красный мундир. А его собеседник одет в простой чёрный кафтан. Они одинакового роста и схожего телосложения, и это единственное, в чём они похожи, в остальном они полные противоположности во внешности.

– Брат! – Девушка первая обращает на меня внимание и поднимается с места, когда я прохожу по залу и приближаюсь к ним.

Даниил так увлёкся разговором, что не сразу замечает моё появление. Он и его собеседник переводят на меня взгляды. У темноволосого молодого человека

зелёные глаза. Это я успеваю отметить, пока он оценивающе оглядывает меня с ног до головы, потом хлопает Даниила по плечу и отходит назад, исчезая где-то в тенях за тронном. Принц едва ли замечает это, потому что неотрывно смотрит на моё платье. И надеюсь, что не на декольте.

Я перевожу взгляд на короля, который, моргнув несколько раз, наконец концентрирует своё внимание на мне. Тогда он встаёт. Прямо, с гордо поднятой головой. Я рада, что в нём ещё есть стержень. Договариваться с немощным стариком было бы сложно. Среди присутствующих я не вижу лишь старшего принца Николая.

Даниил спускается ко мне навстречу, но я приподнимаю руку, желая, чтобы он вернулся на своё место. Мары жили в глуши, но мы были обучены придворному этикету, поэтому я с лёгкостью делаю реверанс перед королём, и он одобрительно кивает. Даниил с удивлением смотрит на меня, а потом возвращается наверх, вставая у своего трона по другую руку от отца. Теперь, когда они все рядом, я прекрасно вижу их родство и схожие черты. У всех троих светлые волосы и светло-карие глаза.

– Добро пожаловать в Ярат, Мара, – начинает король.

– Благодарю, ваше величество.

– Должен признаться, когда сын предложил идею твоего воскрешения, я был настроен отрицательно. А потом и вовсе скептически, что такое возможно. Но мне пришлось рассмотреть этот вариант, после того как все прошлые идеи с треском провалились.

Король и его наследники садятся, а я продолжаю стоять у подножия лестницы. Я до сих пор так и не знаю, ради чего они меня подняли. Слишком серьезные хлопоты, чтобы попросить меня убить пару упырей. Поэтому хоть король и делает паузу, ожидая от меня какой-то реакции, но я отвечаю ему молчанием.

– Что ж. Ты уже знакома с моим сыном Даниилом. А это, – он указывает на девушку, – моя дочь – Елена.

– Очень приятно, принцесса, – слегка склоняю я голову.

– И мне, Мара. А точнее, Агата, верно? – У неё мелодичный голос, наверное, именно такой и должен быть у принцессы. – Брат много о тебе говорил. И я должна сказать, что удивлена и рада. Ты замечательно выглядишь.

– Вы ожидали увидеть разлагающийся труп?

– Что ты, просто... хм... думала, может...

– Ничего страшного, я сама ожидала увидеть следы разложения, когда впервые смотрелась в зеркало. И была удивлена не меньше вас, Елена, когда их там не оказалось.

Принцесса слегка смущается и кивает. Я перевожу взгляд обратно на короля Дмитрия, который выглядит всё более утомлённым, и решаю покончить с любезностями, чтобы мы могли быстрее закончить этот разговор. К тому же я сама устала.

– Это всё очаровательно, но ваш сын так мне и не рассказал истинную причину того, ради чего я здесь.

Дмитрий бросает вопросительный взгляд на Даниила, а потом вновь поворачивается ко мне.

– Дело в моём старшем сыне – Николае. Месяц назад его отравили.

– Он мёртв? – выдавливаю я через несколько мгновений повисшей тишины.

– Слава богам, что нет. Николай – мой главный наследник. Всю жизнь я растил и воспитывал его, чтобы после себя во главе страны поставить сильного правителя, который продолжит поднимать Аракен после моей смерти, помогая возродить былое величие страны после бесконечных войн и стычек с Сератом. И закончит уже эти распри. Но всё бесполезно, если он умрёт!

Значит, король и принц Николай против затянувшейся войны с соседним государством. Голос короля становится раздражённым, я бросаю быстрый взгляд на Даниила, но, судя по виду, его никак не трогают слова отца о том, что его и не рассматривают как достойного претендента на престол. Принц расслабленно разглядывает убранство зала, принцесса Елена продолжает сдержанно улыбаться, глядя на меня.

– Вы планируете заключить перемирие с Сератом?

– Что? – с недоумением моргает король.

– Мир. С Сератом. Вы планируете его? – стиснув зубы, медленно повторяю я.

– Теперь нет никакого мира, Мара! И не будет! Я пытался, – разочарованно вскидывает руки Дмитрий. – У меня была договорённость с Алексеем Ласнецовым о браке между Еленой и его сыном. Но Алексей, к несчастью, умер, а этот мальчишка – Северин – ЖЕНИЛСЯ. НАПЛЕВАВ НА НАШ УГОВОР!

Я поджимаю губы, наблюдая, как едва заметно скривилась Елена.

– Но скажи мне, Мара! Разве я НЕ БЫЛ ДОБР, ПРОСТИВ ЕМУ ЭТО?! – Король продолжает повышать голос, опуская кулак на подлокотник.

Я не вздрагиваю, понимая, что Дмитрий не злится на меня, он просто взбешён поведением этого Северина. Король даже смотрит куда-то вдаль, поверх моей головы, говоря об этом.

– Уверена, вы были добры, ваше величество.

– И я всё равно предложил ему перемирие, если он избавится от своей невесты и возьмёт Елену! Я дал ему второй шанс, а он его ОТВЕРГ! Знаешь, какое оправдание дал мне этот юнец? – Король наклоняется вперёд, с презрением выплёвывая последнее слово.

– Нет, ваше величество.

– Он сказал, что ВЛЮБИЛСЯ! – Дмитрий вновь опускает кулак и теперь так неожиданно повышает голос, что Елена вздрагивает и даже съёживается.

Я лишь продолжаю наблюдать за реакцией каждого. Отмечая, что Даниил хоть и притворяется, что особо не слушает, но губы его сжимаются в тонкую линию, а карие глаза становятся холодными и отстранёнными. Тогда я перевожу взгляд в сторону, чувствуя мимолётное движение в тени, далеко позади королевской семьи. Это вновь тот темноволосый, что говорил с Даниилом. Похоже, принц ему доверяет, раз молодой человек остался здесь при столь деликатном разговоре.

– Разве вам это не на руку, ваше величество? – спрашиваю я.

– Что? – вновь опешил король.

– У Ласнецовых кровь предателей, уж кому как не мне об этом знать. – Я вскидываю голову, упрямо смотря в глаза короля. – Не стоило даже обещать им принцессу. Их слова ничего не стоят, хотя вы сами уже в этом убедились. Вы планировали, что, заключив мир, добьётесь для Николая стабильной позиции на троне. Но с чего вы решили, что брачные узы остановят Северина от внезапного нападения на Аракен? Было бы даже хуже, если бы свадьба состоялась. У них всегда был бы рычаг давления на Николая в лице Елены.

– Он бы не посмел, – тихо выдавливают Дмитрий.

Я склоняю голову набок, холодно улыбаясь.

– Я тоже так когда-то думала о принце Серата. И теперь посмотрите на меня и вспомните, где и почему я умерла.

– Так всё, что говорят, – правда? И причина... он и вправду так поступил?

– Да, я слышала это из уст самой жертвы – моей сестры. Видела, когда... она истекала кровью на моих руках.

– Ужасно, ужасно... – тихо повторяет Дмитрий, потирая бороду.

– Я говорил тебе, отец, что и отравление Николая – их рук дело. Найденных доказательств тебе было недостаточно? Они знают, что я для них не соперник, – встревает Даниил.

– Значит, вы считаете, что Николая отравил Серат?

– Да, Агата. Мы нашли серьёзные зацепки, даже отравителя, который во всём признался, – кивает Даниил.

Устав держать руки перед собой, я расслабляюсь,правляя юбку.

– Тогда что же вы хотите от меня?

– Помогите вылечить Николая, – отвечает король.

Я хмурюсь, обдумывая его слова.

– Вы просите меня продлить ему жизнь?

– Да.

Я сжимаю губы после того, как у меня непроизвольно вырывается усмешка. На лице всех троих появляется замешательство.

– Вы вряд ли сами понимаете, о чём просите, – начинаю объяснять я. – Когда мы увеличиваем срок жизни, то его время будто замирает с этого момента. Поэтому, если продлевать жизнь старику, то он не станет вдруг моложе. Просто его старость растянется, и чары не будут давать ему умереть естественной смертью до определённого момента. Если Николай сейчас в плохом состоянии и я продлю ему жизнь, то он ещё очень долгие годы будет мучиться от отравы в его организме, будет не в силах умереть. – Я вижу, как с каждым моим словом они бледнеют, они явно не знали, как работают эти чары. – В каком он сейчас состоянии?

– Он... без сознания, – тихо отвечает принцесса.

– Тогда он в таком состоянии и останется. Пока кто-то не решит из милосердия проткнуть ему сердце мечом.

Повисает тяжёлая тишина. Давая им мгновения подумать, я смотрю в огромные окна, пытаюсь в темноте рассмотреть очертания сада или других зданий.

– Однако... – прерываю я, когда Даниил уже открывает рот, – я могу попробовать укрепить его жизнь, что позволит ему прожить то, что ему было отведено изначально, как будто его никто и не травил. Для этого мне нужно взглянуть на него, чтобы понять, с чем я имею дело и есть ли у него хоть капля надежды.

– Конечно! – соглашается король, воодушевляясь, по залу проносится вздох облегчения.

– Но что получу я?

Все трое замирают, вероятно, позабыв, что меня сюда привели, а не пригласили.

– Свободу, – отвечает Даниил.

Свободу?

Я смеюсь. Весело, как после удачной шутки. Не помню, когда я в последний раз так хохотала. Хотя члены королевской семьи и напрягаются, но прерывать меня они не торопятся, дожидаясь, пока мой смех утихнет сам собой.

– И как вы планируете даровать мне свободу, принц Даниил? Свободу в могиле, из которой меня подняли?

– Мы дадим тебе не только свободу, но и жизнь, и месть, а также столько золота, что тебе хватит до конца жизни.

Чем больше Даниил обещает, тем мрачнее становится моё лицо. Меня раздражает, с какой лёгкостью он обнадеживает, способный лишь на последнее из всего списка. Всё веселье испаряется, когда я перевожу мрачный взгляд на короля.

– Длинный список наград за попытку разбудить вашего сына.

– Не только за это. Всё это ты получишь, если сможешь нам отомстить Серату за отравление принца. Раз мне не удалось завершить эту войну миром, стоит попробовать закончить её одним ударом.

– Вы хотите использовать меня как наёмника? Никто не смеет предлагать такое служительнице богини Мораны.

– Никто НЕ СМЕЛ такое предлагать, – возражает король. – И разве собственная смерть не сняла с твоих плеч эти обязанности? Разве сама богиня не бросила тебя, оставив в сырой земле, вместо того, чтобы забрать к себе?

Справедливо. Но я всё равно сжимаю зубы от раздражения.

И только Даниил задаёт правильный вопрос:

– Разве ты не хочешь отомстить Ласнецовым?

– Хочу, – вяло уступаю я.

– Ты не только получишь свою месть, но и, убив Северина, положишь начало миру между странами.

Я молчу, размышляя над предложением, а потом возвращаюсь к старому вопросу, не давая пока им своего согласия, но и не отвергая сразу.

– Как вы планируете подарить мне жизнь?

– Морок.

Когда до меня доходит смысл, я с неподдельным шокom смотрю принцу в глаза, пытаюсь разглядеть намёк на шутку на его лице, однако он серьёзен.

– Он никогда на это не согласится, – тихо выдыхаю я.

– Уже согласился.

Я слышала об этом особом даре Морока. За свою жизнь они могут один раз, лишь один, вернуть жизнь мертвецу, полностью оживить его. Но это опасное колдовство. Они отнимают от себя часть своей собственной жизни и отдают другому. После этого они уже не столь сильны, как раньше. От других Мар я слышала истории, что Морок применял эту способность редко и чаще всего отдавал часть жизни родственнику или любимому человеку. Какой смысл отдавать что-то столь ценное незнакомцу?

– Сколько вы ему заплатили? Или что пообещали?! Просто так такое не дают, а уж тем более если это слуга Тени.

– Это уже не твоя забота, – пренебрежительно машет рукой король, откидываясь на спинку своего трона.

– Значит, вы заставите Морока меня оживить, дадите мне гору золота, отпустите, и я смогу уйти куда захочу?

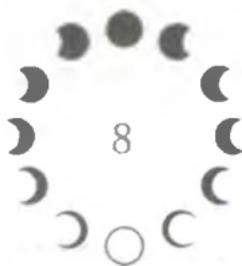
– Да, – кивает Дмитрий.

– Если, конечно, не захочешь остаться, – поспешно добавляет Даниил.

Я провожу ладонью по юбке, разглаживая несуществующие складки, думаю и вновь поднимаю взгляд на короля.

– Тогда завтра я бы хотела познакомиться с его высочеством принцем Николаем.

Уголки губ Даниила растягиваются в довольной улыбке.

Я нервно вышагиваю из одного конца в другой по небольшой комнате, в которой живу вместе с Анной, утыкаюсь в стену, потом разворачиваюсь и бездумно повторяю действие. Наша комната достаточно скромная, но чистая. Каменные стены, покрытые белой краской, простая лепнина на потолке, две мягкие кровати по разные стороны, два стола и один огромный шкаф. Зимой бывает прохладно, поэтому в комнате есть камин, а перед ним на каменном полу уложена шкура волка. Иногда Анна любит вечерами полежать на ней рядом с согревающим пламенем, почитывая какую-нибудь романтическую книгу. У нас в библиотеке мало подобной литературы, но она всегда просит помощниц в храме купить ей пару томов, если они отправляются в одну или другую столицу. Я бросаю взгляд на не заправленную кровать сестры, замечаю недочитанную книгу у подушки.

В этом году я официально стала Марой: завершила свою подготовку и доказала сёстрам свои знания,

пройдя все тесты. Поэтому через несколько месяцев мне выделяют мою личную комнату.

Но сейчас я здесь и от переживаний покусываю свой палец, не зная, что ещё делать. Два часа назад я была безумно зла на Анну за то, что она посмела нарушить правила и не вернуться в храм вовремя до наступления комендантского часа, но это было два часа назад. Уже перевалило за полночь, и теперь я волнуюсь.

Прошло полгода, как она рассказала мне про свои отношения с принцем. Я до сих пор его не видела, но уже перестала наседать на сестру, потому что, к моему удивлению, она исправно выполняет своё обещание, тренируясь с небывалым доселе усердием. Не скажу, что получается у неё прекрасно, но держит оружие она уже увереннее и стала выносливее в беге и физических упражнениях. Я почти решила, что этот принц идёт Анне даже на пользу, являясь её мотивацией.

Он сделал то, что ни я, ни Анна от него не ожидали – сделал ей предложение руки и сердца, а когда она ответила, что не может, он пообещал никогда не жениться и всю свою жизнь любить её одну.

Я громко фыркнула, услышав эту новость из уст сестры, не веря ни единому подобному слову, но Анна смотрела на меня с такой надеждой, проглатывая все обещанные им прелести, что у меня не хватало сил разбить её хрустальный замок с мечтами.

Однако, благодаря их отношениям, прошло полгода без проблем между мной и Анной, полгода без ссор и препирательств, полгода сестра светилась от счастья, как полная луна в тёмной ночи. Полгода...

Я резко оборачиваюсь, услышав шум где-то в коридоре за дверью. Распахнув дверь, выскакиваю наружу, оглядываю мрачный коридор, гадая, откуда мог донестись звук, но никого не замечаю. Быстрым шагом я сворачиваю налево по коридору, потом направо и ещё раз направо. Я выхожу во внутренний дворик, в который попадает каждый, кто проходит главную арку. Ступив на пушистый белый снег, я выдыхаю облачко пара и обхватываю себя руками, тихо ругаясь, что не захватила тёплый плащ, ведь без него я могу простудиться, если буду ждать здесь. Зима в этом году ранняя. До конца осени ещё две недели, но снег идёт регулярно уже последние десять дней подряд. Храм окружён лесом, а я, дура, так привыкла к спокойной и послушной сестре, что давно перестала спрашивать, где она встречается со своим принцем и куда они собираются.

Я топчу мягкий снег под ногами, пытаюсь согреться. Он так приятно скрипит в этой ночной тишине, что я перестаю неотрывно смотреть в тёмный провал входной арки и опускаю взгляд вниз. Губы сами собой растягиваются в улыбке, когда я смещаюсь в сторону и вновь топчу свежий, ещё нетронутый снег. Кожаные сапоги утопают по щиколотку, и на минуту я отвлекаюсь от своих переживаний о сестре. Руки зябнут от морозного воздуха, я решаю быстро захватить мантию и вернуться сюда, чтобы дождаться возвращения Анны и тут же отругать ее. В глубине души я продолжаю убеждать себя, что злюсь, когда на самом деле я больше боюсь и переживаю за младшую сестру.

Давлю кулаком на грудь, будто это может снять беспокойство. Уже много лет прошло с того дня на замёрзшем озере, но тогда я почувствовала этот страх впервые.

– Агата!

Крик Ирины настолько неожиданный, что я вздрагиваю, едва не поскользываясь на заледенелых ступеньках.

– Агата! Вот ты где! – Ирина бежит ко мне с другого конца внутреннего дворика, огибая неработающий сейчас фонтан в центре. – Я везде тебя искала! Думала, ты в комнате.

Я только открываю и закрываю рот, гадая, сделала ли я что-то, за что меня могут наказать, или я о чём-то забыла, или она увидела, что Анны в храме нет, и теперь нам обеим попадёт. Анне за отлучку, она ещё не завершила обучение, а мне за то, что позволила.

– Ирина, я могу всё объяснить...

– Нет времени! – Она грубо хватает меня за запястье и тащит по коридорам, начиная говорить прямо на ходу. – У нас проблемы, Агата! Нужно торопиться.

Она буквально волочит меня за собой, как я понимаю, в западный корпус. Там у нас библиотека, комнаты для спокойного чтения, а также помещения целителей.

– Почему вы, глупые, нам не доверились?! – Ирина, продолжая идти быстрым шагом, оборачивается ко мне, в её карих глазах больше печали, чем злости, и мне это не нравится. – Ты должна была рассказать про отношения Анны! Уверена, что ты не смогла её отгово-

рить, но, может, вместе у нас бы это получилось и ничего бы не произошло.

Её голос надламывается в конце, а в моей голове почему-то становится пусто.

– Где Анна? – с трудом выдавливаю я, заплетаясь в собственных ногах. На мгновение мне кажется, что коридор закачался.

– Сестра Кира заметила её из окна третьего этажа и сразу отправила служительниц помочь. Богиня, да у нашей малышки Анны сил больше, чем кто-то мог представить. – Она восхищается, но голос надрывается от печали, как в момент перед плачем. – Я всегда знала, что под всем этим кокетством в ней железный стержень, как и в тебе.

Она права, я тоже заметила это в Анне, когда появились плоды тренировок. Медленно Анна начала втягиваться в азарт тренировочных боёв, она почувствовала уверенность и временами не могла скрыть блеск возбуждения, делая удачный выпад, который ещё неделю назад ей не давался. В такие моменты я замечала, что она похожа на меня намного больше, чем я когда-то думала.

– В таком состоянии не известно, сколько она прошла! – продолжает Ирина. – А плакать начала, только когда увидела, что помощь идёт. Дура! Вы обе глупые девчонки!

Ирина останавливается перед дубовыми почти чёрными дверьми в самом конце коридора и, не мешкая, распахивает их, наконец отпуская мою руку. Меня сразу накрывает шум от суеты и гомон взволнованных го-

лосов. Здесь собрались почти все Мары, наш лекарь и несколько служительниц храма. Большинство бегают туда-сюда, но мне сразу бросаются в глаза кровавые пятна на их одежде и руках. Служительницы, в отличие от нас, носят одежды из натурального льна светло-кремового оттенка, поэтому красные разводы на юбках и рукавах сразу становятся заметными.

– Где... – я больше не могу ничего произнести, потому что сама нахожу Анну.

Гомон затихает, становясь каким-то далёким. Всё замедляется, секунды будто растягиваются, и я могу почти физически ощутить, как они проходят сквозь меня. Анна лежит на одной из простых кроватей для больных, лицо её неестественно бледное, изо рта идёт кровь, а красивое, когда-то белое с красным платье на груди и животе всё красное от крови. Кира, самая старшая из нас, стоит над ней, тряпками прижимая рану на животе, пытается остановить уже слабо идущую кровь. Сестра хнычет от боли, как маленькая, а заметив меня, начинает плакать вовсю.

Я подбегаю к ней, спотыкаюсь и падаю на колени рядом с её кроватью, обхватывая её протянутую ладонь своими руками.

– Агата... прости меня! – Она не переставая плачет, а я, сквозь пелену, почти вслепую пытаюсь осмотреть её рану на животе, но сконцентрировать взгляд не получается от обилия крови.

– Что произошло?

– Прости... я не послушала... тебя. Не стоило мне с ним... встречаться.

Я сжимаю её руку, растерянно наблюдая, как служительницы храма суетятся вокруг нас и шумно переговариваются. Старшая раздаёт приказы принести что-то, но я не могу разобрать слов, сосредотачиваясь только на сестре.

– Кто это с тобой сделал?!

– Ариан...

Я задыхаюсь, хватая ртом воздух, не в состоянии понять.

– Он предал... меня. Он захотел близости, а я... отка... зала.

Анна дёргается и заходится в кашле, из её рта вновь струится кровь, краем глаза я вижу, как Кира разрезает на ней платье специальными ножницами, чтобы осмотреть рану и зашить. Кровь остановилась, и я позволяю себе тяжело выдохнуть.

– Ему не понравилось... что я... сопротивлялась, он был сам не свой, – продолжает сестра, цепляясь за мою руку.

Анна выдавливает из себя слова, словно сейчас это самое важное, она не обращает внимания ни на что и ни на кого, кроме меня. Кажется, она даже забывает про боль. У меня внутри всё холодеет, когда я вспоминаю уроки медицины и бросаю взгляд на её ноги, которыми она не шевелит.

– И вдруг он... воткнул в меня кинжал... твои уроки, я смогла... – Анна вдруг растягивает губы в улыбке, обнажая кровавые зубы.

Она не чувствует боли.

– ...я вырубила его. Я смогла... но я подвела тебя, Агата. Я... – её взгляд становится размытым, отстранённым,

а улыбка вянет, – должна была убить его тогда, но... не смогла. Прости меня...

Анна смотрит чуть в сторону, будто и не видит меня. Я сдерживаю слёзы, не даю себе плакать, поглаживая её по волосам. Пытаюсь улыбнуться ей в ответ, но мои губы трясутся, а улыбка похожа на гримасу.

– Ты молодец, сестрёнка! Нечего просить... прощения. Ты смогла. Теперь... – я бросаю мимолётный взгляд на рану, которую уже промыли, а Анна даже и не дёрнулась. Сквозь рваные края вижу, что задеты внутренности, но не позволяю себе думать об этом, – теперь всё будет хорошо. Мы тебя вылечим.

Анна улыбается, смотря в потолок, а я вздрагиваю от каждого стежка иглы, которая стягивает её рану.

– А потом... – начинаю я.

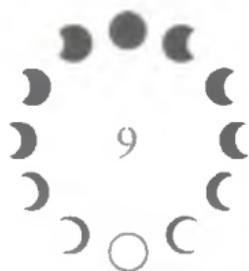
– А потом?

– Потом я убью его своими руками, а ты постоишь рядом и посмотришь.

Анна пытается усмехнуться, на губах пузырится кровь, каплями стекая по её подбородку.

– Обеща...ешь?

– Обещаю.

На следующее утро меня будят служанки. Им было приказано помочь мне помыться и прийти к полудню. Инна приносит завтрак в виде варёных яиц, румяных булочек, ягодного варенья и крепкого чёрного чая. Они всё ещё уверены, что я живой человек. поэтому, чтобы не вводить их в заблуждение, я заталкиваю в рот одну небольшую булочку с вареньем и делаю несколько глотков чая. Вкус такой яркий, что на секунду я прикрываю глаза, но с непривычки мышцы челюсти ноют от напряжения, пока я пытаюсь пережевать пищу, а один раз больно прикусываю себе язык.

К счастью, в этот раз принц Даниил решил не вмешиваться в выбор моего наряда, и на мою просьбу выбрать что-то поудобнее девушки нарядили меня в достаточно простое и строгое платье красного цвета. Свободная юбка в пол и верх, полностью покрытый кружевом. Платье закрывает всё от шеи до кистей и лодыжек, поэтому я не отказываюсь от него.

Пока Марина заканчивает с нанесением макияжа, я отмечаю, что выгляжу лучше, чем вчера, хотя сердце всё ещё не бьётся и нет никакого румянца.

– Вой... – только и успеваю сказать я после двойного стука в дверь, но посетителю не нужен мой ответ, он сразу распахивает дверь после короткого предупреждения, – дите.

– Агата! Ты выглядишь всё лучше и лучше.

Сладкая улыбка Даниила с самого утра портит настроение. Этот принц хоть иногда бывает серьёзным?

– Ваше высочество.

– Ваше высочество!

Почти одновременно приветствуют Инна и Марина, присаживаясь в реверансе, я ничего не отвечаю и даже не поднимаюсь с небольшого мягкого стула без спинки, на котором сижу перед туалетным столиком.

– Девушки, благодарю за вашу помощь и прошу оставить нас, – Даниил, продолжая сверлить меня взглядом, указывает служанкам на дверь, и те повинуются.

Вместо них в комнату входит темноволосый молодой человек, которого я видела вчера. Он прикрывает дверь, и мы в тишине остаёмся в комнате втроём. Теперь я могу внимательно их рассмотреть. Даниил и его друг действительно выглядят полными противоположностями друг друга, за исключением роста. Похоже, что молодому человеку около двадцати двух. Его волосы чёрные и спадают на плечи, а глаза имеют чистый изумрудный оттенок. На нём простой комплект одежды из штанов, белой рубашки и чёрного расстёгнутого кафтана. Рубашка не застёгнута на несколько верхних пуго-

виц, создавая небрежный вид, но ему это идёт. Парень оглядывает меня со всей серьёзностью, а потом, пренебрежительно ухмыляясь, поворачивается к принцу.

– Так это действительно она и есть? – Он обращается только к Даниилу.

Он мне уже не нравится.

– Да.

– Ты уверен, что это *та* знаменитая Мара? – с нажимом повторяет он.

– Да, – отвечаю я и поднимаюсь с места, – и эта Мара может тебя слышать.

– Агата, позволь представить, это – Аарон. Аарон, а это – Агата.

Аарон делает до смешного незначительный поклон, продолжая демонстративно натянуто улыбаться.

– Аарон будет твоим сопровождающим во дворце, – отвечает Даниил на мой немой вопрос.

– То есть охранник?

– Именно, – встречает Аарон.

– К сожалению, я не могу везде тебя сопровождать, поэтому он поможет тебе со всем, что тебе потребуется. Смело задавай ему вопросы, если тебя будет что-то интересовать. Если что-то понадобится в городе, может, что-то нужно купить, то тоже обращай к нему, – добавляет Даниил.

– Значит, охранник, нянька и личный слуга? – ядовито улыбаюсь я, замечая, что Аарону это явно не по нраву.

– Возможно, не так категорично, но в целом верно, – хмыкает принц.

– Спасибо, но нет.

Оба с удивлением смотрят на меня.

– Уж лучше Морок. К нему я привыкла, и выглядит он... – я оглядываю Аарона демонстративно медленно, как он сделал это со мной ранее, – внушительнее.

Я немного привираю, потому что Аарон тоже хорош. Если Даниил скорее стройный и подтянутый, то Аарон шире в плечах и, вероятно, тренируется чаще. Уверена, что он может за себя постоять, но чувствую, от него будет больше головной боли, чем пользы. Морок хотя бы не болтает. К моему удивлению, парень не оскорбился, а только хмыкнул, сложив руки на груди.

– Мороку нельзя во дворец, Агата. Он сюда никогда не заходит, да и я рад этому. Не хотелось бы, чтобы он всех слуг распугал. – Даниил предлагает мне согнутую в локте руку, и я ухватываюсь за неё, зная, что принц всё равно настоит.

Мы вдвоём выходим в коридор, а Аарон тенью идёт вслед за нами.

– Вижу, вы ему доверяете, принц Даниил. Кто он? Ваш родственник или близкий друг?

– Друг, – с улыбкой кивает Даниил, запуская руку в светлые волосы и убирая их назад. – Мы познакомились с ним три года назад, когда отец отправил меня в очередную военную академию. Аарон – наследник достаточно богатой дворянской семьи на юге страны, но его родители погибли. Он оставил следить за помещьем и угодами своего дядю, а сам, по его словам, решил попытать счастье в столице. Я бы никогда не доверил тебя ему, Агата, если бы не был уверен, что он сможет

тебя защитить. Аарон был лучшим на потоке в нашей академии, и уже два года он мой личный охранник.

Даниил гладит моё запястье, которое лежит на его руке, а я бросаю взгляд назад. Аарон никак не реагирует на слова принца, хотя всё слышит. Шагая, он скупачо разглядывает стены, разминает мышцы плеча и даже нарочно громко зевает, но, как только мы сталкиваемся взглядами, я отмечаю, что в них нет ни капли сонливости.

Больше я не спрашиваю, и мы в тишине отправляемся дальше на третий этаж в западное крыло, в комнату Николая.

Старший принц Рахманов лежит на своей просторной кровати, утопая в мягкой перине и пуховом одеяле. Его комната роскошна, как и подобает главному наследнику. Однако сам принц выглядит своей блёклой тенью на фоне сверкающей позолоты и скрупулёзно расписанных узорами стен.

В комнате, помимо двух служанок, находится принцесса Елена, она сидит рядом с кроватью, вслух читая старшему брату книгу. Девушка замолкает, замечая нас, и отсылает прислугу, чтобы мы могли обсудить состояние их брата без лишних ушей.

– Рада, что вы здесь! Мне уже не терпится узнать, можно ли помочь брату. Аарон!

Принцесса резко поднимается с места, откладывая книгу.

– Принцесса, – с улыбкой кланяется мой охранник.

– Я уж думала, ты вновь куда-то сбежишь! Нам так и не удалось поговорить в прошлый раз. Когда ты вернешься?

– Вчера. И прости, Елена, я был слишком усталым после дороги и сразу отправился к себе в комнату.

К моему удивлению, Аарон не покинул комнату вслед за прислугой. Похоже, ему всецело доверяет не только Даниил, но и его сестра. Елена подходит к моим спутникам, продолжая о чём-то говорить, а я, уже не обращая внимания на её щебетание, подхожу к кровати Николая.

– Его отравили месяц назад? – задаю первый вопрос я, когда наступает тишина.

– Да, – тихо отвечает Елена.

– И как давно он спит?

– Вначале его состояние было совсем плохим, потом он начал впадать в беспамятство... но просыпался. А в глубоком сне он две недели.

– Сколько ему сейчас лет?

– Двадцать пять, – отвечает Даниил.

А выглядит он хуже, хочется добавить мне, но я вовремя прикусываю язык. По чертам его лица я легко замечаю, что они с Даниилом и вправду родственники, но у Николая, в отличие от брата и сестры, волосы русые и едва касаются ушей. Я приподнимаю его веко, отмечая, что зрачок едва реагирует. Глаза у него голубые. Вероятно, Николай полностью пошёл в мать. Уверена, что принц до отравления был привлекательным мужчиной в хорошей форме, но сейчас он сильно потерял в весе, лицо осунулось, скулы сильно заострились. Кожа приобрела серый оттенок. Поджимая губы, я тщательно осматриваю его расслаивающиеся ногти и посиневшую кожу под ними.

Долго он так ещё не проживёт.

– Выяснили, чем его отравили? – вновь задаю вопрос присутствующим.

– Точно – нет. Но врачи полагают, что это передозировка снотворного из мака. Поэтому оно его не убило сразу. – Даниил подходит ближе, нервно потирая ладони и наблюдая за моими действиями. – Тебе что-нибудь необходимо для осмотра?

– Да. Вы и охранник, – я машу в сторону Аарона, который вопросительно приподнимает бровь. – Посадите Николая и придерживайте его голову.

Молодые люди без лишних вопросов подчиняются, аккуратно сажая старшего принца в кровати. Елена тоже подходит поближе, с интересом наблюдая за моими действиями. А я сажусь на кровать, чтобы оказать ся за спиной принца.

– Что ты собираешься делать? – интересуется принцесса.

– Собираюсь посмотреть на его нити жизни. Понять, насколько всё плохо.

– Ты и вправду это можешь? Мы слышали про такое в сказках, но я не была уверена, что это правда.

Я поднимаю взгляд на девушку, замечая искрящееся любопытство в светло-карих глазах, её губы слегка приоткрываются от удивления. Она стоит так близко к Даниилу, что только теперь я понимаю.

– Вы двойня, – выдыхаю я.

Даниил с изумлением смотрит на меня, потом на сестру и вновь возвращает взгляд ко мне.

– Ты только сейчас это поняла? – улыбается он.

Я пожимаю плечами, не зная даже, почему это меня так удивляет. Вновь повернувшись к Николаю, я пробегаю пальцами по шее старшего принца, стараясь нащупать нити. Когда мне это удастся, его кожа едва заметно сверкает золотом в тех местах, где они тянутся. Принцесса ахает, Аарон хмурится, внимательно наблюдая.

Я не рискую брать их и тянуть, чтобы проверить тщательнее, но уже легко замечаю, что две из трёх нитей светятся очень тускло, будто они медленно истончаются и вот-вот могут порваться. Судя по всему, у меня есть не больше двух недель, прежде чем хоть одна из них лопнет. Не спрашивая позволения, приподнимаю на принце рубашку, отмечая небольшие язвочки на спине. Я поднимаюсь с места, жестом давая понять, что они могут уложить Николая обратно в кровать. Все трое присутствующих молча, но внимательно следят за мной, когда я подхожу к окну и разглядываю раскинувшуюся внизу главную площадь.

– Ты сможешь ему помочь? – Елена первая решается задать вопрос.

– Возможно. Но для начала нужно укрепить его тело. Для этого придётся приготовить два отвара. Проблема в том, что в запасе у нас всего две недели.

– Как это две? – бледнеет Даниил.

Я молчу, кусая губу, не зная, правильно ли сделала, что сказала такое вслух.

– Что тебе требуется? – серьёзно спрашивает Аарон.

– Мне нужно, чтобы ты купил в городе сухую мяту, валериану лекарственную, ягоды шиповника и боярышника, сальвию...

– Саль... что? – перебивает Аарон.

– ...и вереск. А нет... – я начинаю вышагивать перед окном, не обращая на него внимания и силясь вспомнить рецепты и нужные ингредиенты, – боярышник и вереск нужны свежие, придётся собрать.

– Сальвия? – также переспрашивает Даниил.

– То есть шалфей. Либо просто приложить, либо мазь сделать. У него скоро образуются язвы на спине. Хотя за вереском и боярышником нужно будет идти в лес.

– Агата... – неуверенно начинает принц, пытаясь привлечь моё внимание. Он подходит ближе и приобнимает меня за плечи, отчего я дёргаюсь, возвращаясь в реальность. – Давай для начала проверим наших врачей, может, там ты найдёшь необходимые травы. Если же нет, то сможешь отправиться в город, чтобы купить всё, что нужно.

Я киваю, аккуратно выскользывая из его рук, нехотя отмечая, что объятие было скромное, но приятное.

– Елена, проводишь Агату и Аарона к врачу, мне нужно доложить отцу о том, что удалось узнать.

– Конечно!

Даниил хватает мою ладонь и, прежде чем я успеваю её вырвать, целует кисть на прощание.

– Благодарю за надежду, дорогая Агата.

На мгновение я радуюсь, что кровь не бежит по венам, поэтому и покраснеть я тоже не могу. Даниил разворачивается и стремительно выходит.

– А ты всегда видишь эти нити? – любопытствует Елена, когда мы покидаем комнату Николая и отправляемся к врачу.

– Нет, мы стараемся не смотреть и тем более не трогать нити живых людей.

– Почему? – удивляется девушка.

– Это не совсем обязательное правило, но... это личное. – я мнусь, пытаюсь подобрать слова. – Как вторжение в чужую личную жизнь. Никому не понравится, если кто-то ворвётся к тебе в комнату, когда ты обнажён. А если прикасаться... – я начинаю мямлить, не зная, как об этом рассказать, – в общем. мы этого не делаем.

– То есть для вас это как обнажённая душа?

– Вроде того. Мы смотрим только у мёртвых, потому что нужно их найти и перерезать.

– Из-за Даниила я всё детство слушала сказки о таких, как ты, и это так удивительно теперь идти с тобой рядом. Правда, Аарон?

Мы оборачиваемся к парню, который плетётся сзади.

– Я не так много знаю о Марах. – он равнодушно пожимает плечами, – кроме того, что они все мертвы.

– А вот Даниил, похоже, влюблён в Агату с самого детства. – хихикает Елена, а я спотыкаюсь о складку ковра, на что Аарон отвечает язвительной улыбкой. – Он из раза в раз просил рассказать историю именно о тебе и твоей сестре.

– У Даниила всегда были странные вкусы. – поддевает Аарон, и мне тут же захотелось ему врезать.

– Агата, я знаю про историю твоей сестры, а у тебя был любимый?

Теперь я не спотыкаюсь, а замираю, удивлённая вопросом, а Аарон чуть не врежется мне в спину. Елена

тихо смеётся, обхватывая мою руку и утягивая дальше по коридору. Эта принцесса своими вопросами и очаровательным смехом так напоминает Анну, которая точно так же в лоб задавала личные вопросы. От этого на какое-то время моя голова становится абсолютно пустой.

– Неужели никого не было? – вновь начинает девушка.

– Нам запрещено иметь семью.

– А встречаться?

– Встречаться... можно.

– Значит, и целоваться можно, и вместе...

Аарон демонстративно громко откашливается.

– Прошу прощения за своё любопытство. В последнее время я слишком увлеклась романтическими книгами, – быстро выдаёт оправдание принцесса. Это становится очередным напоминанием об Анне, и я проникаюсь к Елене ещё большим теплом.

– Романтическими... книгами?

– Это любовные истории или романы. Мары такое не читают?

– Моя сестра их любила. А так мы читали учебники, энциклопедии по травам, сборники про возможную нечисть, с которой мы можем столкнуться, – задумчиво припоминаю я.

Елена сочувственно улыбается, откидывая светлые волосы назад.

– Романы интереснее. Я даже Аарону дала один, надеясь, что он станет чуть... внимательнее. Я бы сказала «романтическое», но это точно не про него, – фыркает принцесса, с укором оглядываясь.

– Не знаю, чем описания поцелуев мне в этом помогут. Это я и так умею, – в тон принцессе фыркает парень.

Его ответ прозвучал настолько возмущённо, что я сама едва сдерживаю смех, и мы удивлённо поворачиваемся к нему. Впервые за всё утро на его лице появляется лёгкое смущение.

Мы добираемся до части дворца, где располагается лечебница. Проходим мимо коек вглубь, чтобы встретиться с главным целителем и проверить запасы. Но, почуяв знакомые запахи лечебных трав и обеззараживающих растворов, от вида сероватых простыней на кроватях у меня начинает перехватывать дыхание. Елена проходит вперёд, а я замираю перед одной из постелей, хватаясь за край спинки. Моя грудь лихорадочно поднимается и опускается, дыхание постоянно сбивается, и я хватаю ртом воздух, когда сознание подкидывает мне всё больше воспоминаний о сестре в крови. Мне нечем дышать.

У меня паника. Я уже мертва! Мне не нужно дышать, я не могу умереть. Это просто смешно!

Первый приступ паники случился сразу после смерти Анны, и с тех пор они иногда меня накрывали, но после сестры я прожила недостаточно долго, чтобы ощутить это как проблему. Однако теперь это мучает меня даже после смерти, когда бояться мне особо нечего.

Пытаюсь ругать себя за эту глупую слабость, но продолжаю задыхаться. Может, для всех живущих здесь история моей сестры уже старая пыльная сказка, но

для меня прошло лишь несколько недель. Годы в могиле я не помню.

Аарон берёт мою ладонь и начинает массировать, разминая её пальцами. Его странные прикосновения меня так удивляют, что картинки прошлого перестают возникать перед глазами, и я поднимаю глаза на парня. Он сосредоточенно смотрит на мою ладонь, продолжая разминать.

– Тебе ничего не угрожает, – расслабленно говорит молодой человек.

– Я и не...

Он резко поднимает взгляд, и я замолкаю. Удостоверившись, что я не буду продолжать, он вновь сосредотачивается на монотонном действии.

– Всё в прошлом. Она уже давно не страдает. Она далеко и наверняка в намного более спокойном и счастливом месте, чем ты. Поэтому дыши. Ни ей, ни тебе ничто не угрожает.

За его ровным голосом моя паника уходит, я не замечаю, как дыхание возвращается в норму, и не могу понять, как он догадался, что я думала о сестре. Известно ли кому-то, что она умерла именно на больничной койке? Передали ли в поверьях, что рану мы зашили и остановили кровь, но всё равно было поздно, и Анна умерла через пять дней. После моего обещания отомстить она уснула и больше никогда не просыпалась, сколько бы я ни просила, день и ночь сидя у её кровати. И в тот момент, когда я всё-таки позволила себе сомкнуть глаза буквально ненадолго, она умерла.

– Вроде ты говорил, что не многое знаешь о Марах.

Его пальцы замирают на моей ладони, губы трогает слабая улыбка.

– Внимательная, значит. Урок мне, что нужно быть аккуратнее в словах.

– Лекарь нас ждёт... – Мы не замечаем, что Елена вернулась за нами. Она задумчиво хмурится, переводя взгляд на мою руку в ладонях Аарона. – Что-то случилось?

– Нет, всё в порядке, – отвечаю я на её вопросительный взгляд.

Я пытаюсь высвободить свою руку, но парень вдруг сжимает мои пальцы, не отпуская. Хитро улыбаясь, он сильнее обхватывает мою ладонь и тащит в сторону склада.

– Лекарь ждёт, идёмте! – бросает он принцессе через плечо, когда та провожает нас изумлённым взглядом.

Поговорив с главным целителем, я нахожу много полезных трав среди запасов. И хоть у них и имеются нужные ягоды, но, как я и ожидала, всё сушёные, а мне нужны свежие. Шалфея маловато для мази, поэтому я прошу пока просто прикладывать толчёные листья, осматривать тело принца тщательнее и почаще поить его отваром для поддержания сил. Судя по его виду, скоро ему будет недоставать жидкости. Елена уходит через час, а Аарон, как мой охранник, остаётся наблюдать за моими поисками в кладовой, которые растягиваются ещё на два часа. Я усмехаюсь, когда от скуки уже в десятый раз за последние двадцать минут он со стоном меняет положение на деревянном стуле.

– Мне нужно будет отправиться в город, чтобы докупить кое-какие травы, – бросаю я молодому человеку, возвращая ящик с сушёными одуванчиками на место.

– Ты можешь перечислить мне всё, что необходимо, и я куплю, – сразу же отвечает он, воодушевляясь, что его пребывание здесь подходит к концу.

– Прости, но я не уверена, что ты даже сальвию от крапивы способен отличить.

– Саль... что?

– Шалфей!

– Так и говори, что шалфей!

– И как только принц додумался поставить именно тебя в помощники? Ты уверен, что хоть с мечом умеешь обращаться? – поддеваю его я, отряхивая платье от пыли.

– Раз двухсотлетняя стару... Мара, разговаривающая на древнем и непонятном языке, желает проверить мои способности с мечом, то завтра можешь присоединиться к моей тренировке, – фыркает он.

– Ты только что хотел назвать меня старухой?

– Не-е-ет, – он с такой наглой улыбкой тянет это, что мне вновь хочется ему врезать. – Даже и в мыслях не было.

– Я принимаю твой вызов на тренировку.

– Нет, я имел в виду, что ты постоишь в сторонке, посмотришь и повосхищаешься мной.

– Боишься? – приподнимаю я одну бровь.

– Даниил, конечно, говорил, что Мары усиленно тренировались при жизни, но ты и половину меня не

весишь, – возражает он, поднимаясь со стула и подходя ближе. – Это будет слишком просто.

– Обещаю, поддаваться я не буду, – мрачно улыбаюсь я.

– Что ж, вероятно, ты не оставляешь мне выбора, Агата, – отвечает он мне с такой же улыбкой. У меня складывается впечатление, что он тоже не прочь меня проучить, хотя откуда в нас эта враждебность, ведь мы только утром познакомились.

– Но в город я пойду сегодня, – бросаю я, огибая собеседника, и вновь выхожу в главную палату, стремительно проходя мимо коек, стараясь не обращать на них внимания.

– Хорошо, но я не могу пойти с тобой.

Он догоняет меня в коридоре.

– Почему? – спрашиваю я.

– Меня... недостаточно в городе. Так приказано. Либо я один выполняю твои поручения, либо в места, где много людей, ты можешь пойти только с Мороком.

Я замедляю шаг, обдумывая его слова, и он легко подстраивается под мой новый темп.

– Значит, меня всё ещё считают опасной для людей?

– Возможно. Хотя это и для твоей защиты. Слухи о Маре, поднятой из земли, разошлись быстро по всей стране. Я против толпы не справлюсь. Но на Морока вряд ли кто-то рискнёт напасть.

Аарон аккуратно подхватывает меня под локоть, останавливая и заставляя посмотреть на него.

– Ты прав. Люди суеверны, а ходячий мертвец, к тому же бывшая Мара, не навеивает хороших мыс-

лей, – соглашаюсь я и замечаю сочувствие в его взгляде.

– Я найду Морока для тебя. Надень что-нибудь потеплее и подходи к выходу.

Не дожидаясь моего ответа, молодой человек уходит дальше по коридору. Глядя ему в спину, я рассеянно отмечаю, насколько у него тихая и плавная походка. Возможно, Даниил не преувеличил, говоря, что Аарон хорош в обращении с оружием. По крайней мере, тихий убийца-наёмник из него бы точно вышел.

Следуя совету Аарона, я вначале поднимаюсь в свою комнату, чтобы сменить платье на штаны и рубашку, а простые сапожки меняю на высокие кожаные сапоги, утеплённые изнутри мехом. Зная, что погода уже холодная, а в ближайшие недели должен пойти первый снег, я надеваю утеплённый чёрным мехом красный кафтан. Он приталенный, расшит чёрной вышивкой, а наличие капюшона помогает мне спрятать слишком выделяющийся цвет волос.

Морок ждёт меня у подножия главной лестницы, точно там, где мы расстались в последний раз, держа двух коней под уздцы. Один из них всё тот же мой белый конь. Морок никак не изменился, даже его плащ с накинутым капюшоном всё такой же потрёпанный, будто он только с дороги. Не скажу, что я сильно радуюсь, увидев слугу Тени, но, к своему облегчению, было-го страха перед ним я больше не испытываю.

Мы не приветствуем и не говорим друг другу ни слова, я только удивлённо ахаю, когда он подхватывает меня за талию и усаживает на моего коня, как делал это

часто вначале, когда мои раны на плечах ещё не зажили и мне нужна была помощь.

– Мне больше не требуется помощь, но... спасибо, – тихо говорю я.

Морок пожимает плечами и запрыгивает на своего коня. Мы молча, спокойным шагом ведём животных в сторону оживлённых улиц. Осенний световой день слишком короткий, и солнце уже начинает клониться к закату, но нам нужно успеть до его захода, пока лавки работают.

– Ты же был там, когда принц нашёл мне коня. Как его зовут? – вдруг спрашиваю я, пытаюсь избавиться от неловкой тишины.

Морок поворачивается ко мне. По его маске абсолютно не понять, размышляет он над ответом или раздражён, что я лишний раз открыла рот.

– Не знаю. Ты можешь дать имя сама, раз тебе это важно.

Его голос всё такой же глубокий и мрачный, искажённый маской, но и к этому я будто привыкла, потому что не вздрагиваю.

– Не знаю, что ему подойдёт... – бормочу я, поглаживая шею животного.

– Если ты плохо рассмотрела, то у тебя кобыла.

Я с недоумением таращусь на мужчину, а он усмехается в ответ на моё изумление. Признаться, я и вправду не обратила внимания.

– Снежинка? – вдруг выдаёт Морок.

И это милое слово настолько не вяжется с образом человека, который его произнёс, что я не могу ничего

выдавить в ответ, продолжая глупо на него смотреть. Удивляясь, как это милое слово вообще может звучать так мрачно.

– Ягодка? – вновь предлагает он серьёзным тоном.

– О, нет!

– Изюминка? Зорька? Незабудка?

С каждым новым вариантом моя челюсть всё больше падает вниз, но изумление настолько сильное, что я могу только мотать головой, пытаясь остановить поток этих милейших кличек.

– Цветочек? Красотка? Грация? Лас...

– НЕТ! Нет! Нет! Небеса! Умоляю, остановись! – Я смеюсь, не в силах слышать подобное от слуги Тени, а по спине проходит волна дрожи.

– Хм... Жемчужинка? – хмыкает он, добавляя уже специально.

– Богиня! – выдыхаю я, с трудом отдышавшись от смеха. – Неужели ты сейчас... пошутил?

– Мне продолжать перечислять?

– Нет, прошу тебя! – я едва не повышаю голос, чувствуя, как колет бок. – Я назову её Морок, если ты не прекратишь, – угрожаю я ему, когда он вновь шумно набирает воздуха в грудь, чтобы выдать очередную миленькую кличку.

Кобыла мотает головой, явно недовольная моим выбором.

– Назову её Вьюгой.

Морок кивает, соглашаясь.

– А твоего коня как зовут?

– Сахарок.

– Ты серьёзно?

– Я усмирил его при помощи нескольких кусочков сахара, – отвечает Морок, но я готова поклясться, что чувствую улыбку в его голосе.

– Никогда бы не подумала...

– Что?

– Что Морок может назвать своего коня Сахарок. Да и вообще, что вы даёте лошадям клички.

Когда мы въезжаем в тень домов ближайшей улицы, я оглядываюсь вокруг, рассматривая, насколько изменился Ярат. Теперь, при свете дня, отмечаю, что дома в основном выкрашены в светлые тона: бледно-жёлтый, голубоватый и бежевый. В столице фасад почти каждого дома хоть чем-то да украшен. Но никому не сравниться по богатству с убранством храмов, что по высоте превосходят обычные дома и даже дворец. Однако ни один из этих храмов не принадлежит моей богине.

На улице многолюдно, люди спешат домой с работы, а по краям улиц располагаются лавки. Однако мы с Мороком портим всю картину. На какой бы дороге мы ни появились, весь шум обычной жизни если не пропадает вовсе, то понижается до тихого шёпота, который доносится до нас с разных сторон. Дети перестают смеяться, разинув рты глядят на нас; люди расходятся в разные стороны как можно дальше, словно мы можем только своим присутствием заразить их какой-то смертельной болезнью. Продавцы лавок перестают звать покупателей, и все внимательно следят за каждым нашим шагом. Я то и дело слышу слова «Морок» и «Мара» в тихом шёпоте вокруг. Значит, слухи дошли и

сюда, а если кто-то из жителей не понимает всеобщую причину беспокойства и перешёптываний, то стоящие рядом охотно подсказывают, понижая голос.

Вначале мне неуютно находиться под всеми этими любопытными взглядами, но через некоторое время такая реакция начинает утомлять, и я делаю как Морок. Перестаю обращать на всё происходящее внимание.

– Сюда, – бросает мой спутник, – оставим лошадей в этом стойле, лавка с травами через дорогу.

Мы спешиваемся и привязываем животных к столбу. Морок машет рукой мальчишке, что следит здесь за животными. Мальчик прячется как можно дальше в тени за мешком с овсом.

– Я оставлю здесь, забери, пока кто-то не стянул. – Мужчина кладёт серебряную монету на невысокий столбик и подталкивает меня в сторону выхода, пока я удивлённо наблюдаю за его щедростью.

– Наша связь, – начинаю я, пользуясь, что сегодня Морок в хорошем расположении духа, – как она работает? Ты можешь меня чувствовать?

– Не всегда, только если мне это нужно. Это как с твоей способностью. Ты видишь нити, только когда смотришь.

– А я? Могу почувствовать тебя?

Он замолкает, мы дожидаемся, пока три кареты проедут, чтобы пересечь дорогу.

– Если меня серьёзно ранят, то да.

– То есть если я всажу в те... то есть кто-то всадит в тебя кинжал, я почувствую?

Морок усмехается в ответ на мою оговорку.

– Если Ты решишь всадить в меня кинжал, уверен, что тебе самой будет чертовски больно, а потом ты умрёшь вместе со мной.

– А если ты выживешь?

– Тогда ты тоже. Но потом я случайно могу удавить тебя своими руками. Поэтому не советую пробовать.

Я также хмыкаю, кивая.

– Уже перестала трястись как осиновый лист рядом со мной?

– О таких, как ты, ходят страшные слухи, – честно отвечаю я, поднимая на него взгляд, когда мужчина подталкивает меня к дверям магазинчика с травами.

– Ты ещё скажи, что веришь, будто у меня под маской тьма клубится вместо лица.

Я закусываю губу, не желая признавать, что так и думаю. Однако мы провели вместе больше недели в путешествии по Аракену, Морок помог, когда принц меня проверял, он никогда не делал мне больно и даже шутил, поддерживая беседу. Мы не друзья, но его компания мне стала привычна.

– Я думал, хоть Мары не верят в подобную ересь. А вы, оказывается, как обычные деревенские девицы.

– Повтори-ка мне это ещё раз в лицо.

– А то что? Пырнёшь меня кинжалом под рёбра?

Я хмурюсь, понимая, что наш разговор пошёл по кругу, но уверена, что вновь чувствую, как Морок улыбается. У двери он останавливается, решая остаться снаружи, пока я покупаю нужные травы.

Девушка-травница, которая меня встречает внутри, вероятно, достаточно быстро догадывается, кто я, по

цвету моей одежды. Она с опаской разглядывает мои волосы, когда я откидываю капюшон, чтобы осмотреться. Игнорируя её пристальное внимание, я перечисляю нужные травы, и девушка начинает собирать мой заказ, хоть и старается держаться на расстоянии вытянутой руки, временами неловко обходя меня по кругу. Шалфея я покупаю больше, чем надо, думая швырнуть часть Аарону в лицо, чтобы он, наконец, выгучил, что у этого растения два названия. Я трачу не больше пятнадцати минут, а когда выхожу, Морок стоит рядом с дверью, привалившись спиной к стене и сложив руки на груди. Все жители, завидев его, переходят дорогу и всячески огибают слугу Тени даже больше, чем меня.

– Закончила? – Он протягивает руку, и я отдаю ему сумку с товаром. – Ты купила всё, что тебе нужно?

– Нет, завтра или послезавтра нужно будет отправиться в лес, который в дне пути отсюда. Собрать вереск и боярышник.

– Тогда нужно успеть до первых заморозков. Ты же говоришь о лесе, что близок к границе с Сератом? – Морок вновь подталкивает меня, чтобы я переходила дорогу.

– Да.

– Я поеду с тобой, но соваться туда плохая идея.

– Почему?

– Потому что из-за войны этот лес... – Морок резко замолкает, вставая рядом, и вытягивает руку, прикрывая меня.

Ему в плечо прилетает переспевший помидор. Вначале один, сразу за ним второй, а затем ещё и горсть

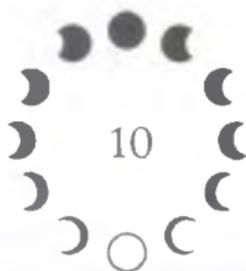
соли. Помидоры с отвратительным чавканьем размазываются по его плащу и падают на мостовую. Я провожу взгляд на горстку детей, которые с визгом ужаса замечают, что мы обратили на них внимание, и разбегаются в разные стороны, прячась в ближайшем переулке. Люди вокруг задерживают дыхание, ожидая, что мы проклянем их или, может, даже заберём души, но Морок равнодушно отряхивает руку и одежду.

– Это предназначалось мне, – бормочу я.

– Тебе, – соглашается Морок. – Но вы, Мары, такие непрактичные. Вечно носите красное, хотя на чёрном грязь не так заметна.

Чем больше я провожу с ним времени, тем больше понимаю, что и наши знания о слугах Тени ошибочны. Судя по всему, под маской они такие же люди, как и мы. Все мои сёстры мертвы, и теперь этот Морок, возможно, единственный, кто понимает, какое прошлое я тяну за собой и каково это быть такими, как мы. Я рассеянно смотрю на соль, глупые дети пытались изгнать из меня призрака, а вот помидоры – это просто знак, что ходячему мертвецу в своём городе они не рады. Возможно, родители слишком часто пугали их тем, что Мары бродят вокруг их домов и скребутся в стены, желая убить какого-нибудь ребёнка.

Я рассеянно пинаю носком ботинка помидор. Всего двести лет, и всё полезное, что Мары сделали для людей, – забыто.

Анна умерла сегодня утром на заре. Она продержалась пять дней, но уже на второй я видела, как сёстры и служительницы с сочувствием поглядывают на меня.

Они знали.

А я не верила.

Не хотела видеть и тем более готовиться.

Она умерла, когда я заснула, обхватив её руку. А когда проснулась спустя восемь часов, сёстры уже унесли её тело, чтобы завернуть сначала в белую материю, а поверх в алую мантию, принадлежащую Анне.

Ещё предстоит три дня молитв, чтобы богиня приняла её к себе сразу, даря сестре новую, лучшую жизнь, чтобы сестра не ожидала, как многие, где-то между мирами. Но моя голова гудит, а коридоры накрываются, когда я пытаюсь подумать о своих обязанностях.

Моя сестра, о которой я должна была позаботиться.

А она даже не дожила до окончания своего обучения.

Сёстры меня не трогают, но я физически чувствую, как некоторые ходят за мной, рвутся вперёд, чтобы как-то утешить. Ирина знает меня лучше всех и не подпускает их близко. Она знает, что я бываю на грани, когда злость может захватить меня с головой. Но она никогда не видела, как меня накрывает горе. Хотя до этого дня я и сама не знала себя в этом состоянии, пока зрение вдруг не стало чётким, а воздух пронзительно морозным, когда я подумала о мести.

После заката, когда все думают, что я сплю, я уже собираю вещи. Я с трудом осознаю, куда иду и что делаю, но тело двигается на автомате, прекрасно зная расположение коридоров. До Ашора – столицы Серата – четыре дня пути на коне, если гнать животное. Но я планирую, в каких деревнях по дороге смогу сменить коня. У нас почти нет брони в оружейной, поэтому я надеваю обтягивающие плотные штаны, чёрную рубашку и свой кафтан тёмно-красного оттенка с чёрной отделкой. Если уж встречать смерть, то почему бы не надеть лучшее?

Из оружия я вешаю на бёдра два длинных кинжала и любимый средний меч. Утеплённую алую мантию я с силой и отвращением сжимаю в руке – я бы предпочла что-то чёрное, но во всём храме магии только алые.

– Собираешься меня остановить? – холодно спрашиваю я Ирину, когда она преграждает дорогу моему коню.

Она перехватывает меня буквально за пятьдесят метров до выхода с территории храма. А дальше лес, поля, Ашор и мой кинжал в шее светловолосого принца Серата, которого когда-то любила моя сестра.

– Агата, ты же знаешь, что мы не убиваем людей по собственному желанию.

– Раньше и люди не смели поднимать руку на Мару. Всё бывает в первый раз.

– Анна сказала, что он – принц, Агата, – Ирина кутается в свою мантию, снег хрустит под её сапогами.

– Короли и принцы умирают от меча и истекают кровью так же, как и любой другой человек.

– Как и Мары... – наставница грустно качает головой, и я понимаю, что силой в храме она запирает меня не станет, но всё равно пытается переубедить.

– Кто-то посмел поднять на нас руку в первый раз. Ты уверена, Ирина, что в следующий раз жертвой буду не я? Или ты? А может, какая-нибудь следующая десятилетняя Мара?

Ирина не отвечает, поджав губы. В последние годы это и вправду стало заметной проблемой. Мы делаем свою работу тихо и быстро, избавляя Аракен и Серат от нечисти раньше, чем они успевают кому-то навредить. И люди начинают думать, что вовсе нет никакой нечисти, что и Мары не нужны. Подношений всё меньше, люди не желают делиться своим добром, потому что страх их больше не караулит в тени деревьев или глади водоёмов. Люди с трепетом передают легенды о знаменитых Марах вроде Сильвии, убившей двух бесов, или Ольге, что умерла, защищая деревню в Серате от призраков, чьё количество выросло из-за голодной зимы. Но на нас смотрят как на бледную тень бывшего величия.

– Тебе не выстоять. Не подобраться к принцу, не преодолеть всю их охрану.

– Я знаю, поэтому и еду одна.

– Агата, – впервые я слышу мольбу в голосе Ирины, а ведь она мне словно мать, и мне так жаль её расстраивать.

На мгновение я начинаю колебаться, не желая причинять ей боль, но потом вспоминаю об Анне. Где же была наша богиня все эти дни? Может, я приеду в столицу и узнаю, что она уже наказала принца, убив его, и сейчас терзает душу предателя?

– Он! Попытался обесчестить её! А потом ещё и ударил ножом! – зло выплёвываю я, но потом смягчаюсь, зная, что Ирина ни в чём не виновата. – Это было последнее, что я обещала Анне. И я не нарушу своего обещания. Передай остальным сёстрам, что я люблю их. И сделала бы то же самое для любой из них.

Дёрнув поводья, я огибаю наставницу. Ирина не пытается больше мне мешать, она не двигается и не оборачивается, когда я пускаю коня галопом.

До Ашора я добираюсь к концу пятого дня, в середине меня задержала метель, и я не хотела ни травмировать лошадь, ни сама замёрзнуть до смерти, поэтому переждала полдня в одной из маленьких деревушек. И тот день поведал мне, что слухи об убийстве одной из Мар уже распространились. Вероятно, не все служительницы держат язык за зубами, посещая ближайшие деревни, чтобы пополнить наши запасы продуктов. В деревне до этого я украла чёрный плащ, а свою алую мантию убрала в одну из сумок у седла. Поэтому люди перестали обращать на меня внимание, когда я сидела в тавернах, бездумно забывая желудок едой, зная, что мне нужны силы.

А люди, не осознавая, что я всё слушала, говорили и говорили о смерти моей сестры, даже не стараясь понижать голос до шёпота.

Столица Серата встречает меня сумерками и зажжёнными факелами, которые освещают жителям вечерний путь. Ориентируясь на возвышающиеся шпили дворца, я скачу туда так быстро, что не обращаю ни малейшего внимания на вид города, много ли тут садов, украшены ли чем-нибудь дома, много ли магазинчиков работают до столь позднего часа.

Я запоминаю только стук копыт своего коня по мощённому камнем мосту через широкую реку, которая делит город на северную и южную части. Выбравшись на главную площадь перед дворцом, я впервые замедляюсь, поднимая взгляд на мрачное здание, облицованное серым мрамором. Хотя сейчас в темноте оно кажется тёмным, почти чёрным, и только оранжевые огни в высоких окнах придают ему немного жизни. Дворец высокий, острыми шпилями тянется к небу. А перед входом уже выстраивается отряд из десяти охранников.

– Дворец закрыт! Его величество больше не принимает, следующая аудиенция через несколько дней. Приходите в начале следующей недели.

Я спешиваюсь в пятнадцати метрах перед ними и, не обращая внимания на их предупреждение, снимаю седельную сумку с коня, а потом несильно бью его по крупу, чтобы животное отошло в безопасное место. На площади почти нет случайных прохожих, а кто есть, те отходят подальше, чувствуя странное напряжение, но

не уходят, а толпой собираются у противоположного края.

– Ты не слышала?! – повышает голос капитан стражи, с некоторым недоумением следя за моими движениями. – Дворец закрыт!

Я развязываю завязки на чёрном плаще и сбрасываю его на землю, потом вытаскиваю другую одежду и ногой пинаю сумку подальше.

– Если ты не уйдёшь, нам придётся...

Капитан растерянно замолкает, когда я одним движением набрасываю себе на плечи алую мантию Мары. Эта накидка не простая, я взяла парадную. С вышитыми серебряными нитями – отличительными знаками богини – на плечах и почти всей спине. Я вытаскиваю чёрные волосы, чтобы у них не осталось ни единого сомнения, кто к ним пришёл.

– Мара... – одно это слово как вздох идёт по толпе за моей спиной и среди солдат передо мной.

– Его величество... не принимает... – теперь неуверенно лепечет капитан, когда я медленно вытаскиваю меч и один кинжал.

– ПРИНЦ УБИЛ МОЮ СЕСТРУ! – зло рявкаю я. Так, чтобы слышали как можно больше людей, чтобы они знали, кого будут защищать.

– Не может...

– ВАШ ПРИНЦ ПЫТАЛСЯ ИЗНАСИЛОВАТЬ ОДНУ ИЗ МАР! А КОГДА ОНА СОПРОТИВЛЯЛАСЬ, ОН... её убил, – последнее я выдавливаю с искренней ненавистью. – Убирайтесь. С моей. Дороги.

– Он тронул Мару?

- Как он мог? Они же...
- ...отмечены самой богиней.
- Он навлёк на нас её гнев!
- Что, если они не будут нас защищать?
- Кто поможет с нечистью?
- Мару пытались... обесчестить?!

Капитан и солдаты столбенеют и не знают, что делать, слыша возмущённый шёпот толпы, который всё растёт позади меня. Из дворца быстрым маршем выходят ещё двадцать солдат и новым строем встают позади первой линии.

– ОТДАЙТЕ МНЕ ПРИНЦА! – кричу я в окна второго этажа, где горит свет. Я начинаю расхаживать взад-вперёд, как хищник перед добычей, которой удалось ускользнуть в нору. – ТОТ, КТО ПОСМЕЛ ТРОНУТЬ МОЮ СЕСТРУ, ДОЛЖЕН ЗАПЛАТИТЬ!

– Ты не можешь войти, а его высочество не выйдет. Уходи, Мара! – капитан вновь расправляет плечи, чувствуя себя увереннее благодаря подобному численному превосходству.

Я уже поняла, что выстоять против этой толпы в одиночку шансов у меня мало, но, прокрутив меч в руке, я решаю, что если они не отступят, то я хотя бы заберу с собой так много, как смогу. Уходить я не собираюсь. Стражи вытаскивают мечи, а я отбрасываю края мантии назад, открывая руки и плечи для большей манёвренности.

Сзади раздаётся крик. Вначале один, потом второй более испуганный, а затем вся толпа идёт волнами, и даже в свете факелов я замечаю, как капитан бледнеет,

глядя куда-то мне за спину. Когда я оборачиваюсь назад, через толпу, как сквозь воду, в ярко-алых плащах идут мои сёстры, Мары. Все, кто остался. Все пятеро. Во главе с самой старшей, Кирой, и моей наставницей Ириной. Я ошеломлённо смотрю на них, опуская лезвие меча вниз, когда они встают рядом и позади меня. На них также парадные одежды, лучшие, что у нас есть. И у каждой сбоку висит по мечу. Они пришли поддержать моё решение. В блеске их глаз и тенях на лицах я вижу то, что не разглядела до отъезда.

Злость на свою судьбу и желание отомстить.

Кусок варёной картошки плюхается обратно в суп, когда Аарон замечает меня и забывает донести ложку до рта.

– Ты ходишь как призрак! – возмущённо говорит он, вытирая салфеткой бульон, капли которого попали ему на рубашку.

Мы вернулись с Мороком во дворец сразу после заката. Слуга Тени во дворец не пошёл, а я, после того как отнесла покупки в свою комнату, решила пройтись по окрестностям. Я планировала тихо изучить дворец, пока никто не следит, и, может, найти оружейную, чтобы стащить хоть небольшой кинжал. Но нашла только кухню. Тогда я решила, что кухонный нож лучше, чем ничего, но, войдя, наткнулась на Аарона, который в одиночестве за высоким столом ест свой скромный ужин. На нём простая белая рубашка и чёрные штаны.

– Почему ты тут один? – Мне стоило бы уйти и продолжить поиски, но я устала, поэтому присаживаюсь прямо напротив него.

Стулья тоже высокие, скорее всего, здесь нарезают овощи и фрукты – на столе имеются борозды от ножа. Сейчас на нём стоят несколько мисок с едой, столовые приборы, кувшин с водой и стаканы.

– Люблю поесть в одиночестве, – отвечает он, возвращаясь к еде.

– Мне уйти?

Отхлёбывая суп, молодой человек поднимает на меня взгляд зелёных глаз.

Сестра мне часто говорила, что её сердце забилося быстрее, когда Ариан ей впервые улыбнулся. Говорила, что он весь был как тёплый свет с белоснежной улыбкой и блеском золота в волосах.

– Когда-нибудь и ты, Агата, не сможешь оторвать взгляд от мужской улыбки, – смеялась тогда Анна, пихая меня локтем под рёбра.

Мне это было непонятно до сих пор, потому что я легко отворачивалась от мягкой улыбки Даниила. Но теперь почему-то не могу оторвать глаз от хмурого, излишне пристального взгляда своего же охранника.

Да и о каком учащённом сердцебиении может идти речь? Моё сердце не бьётся вовсе.

– Нет, – поразмыслив, отвечает Аарон и вновь утыкается в тарелку.

– Я думала, ты будешь караулить каждый мой шаг.

Он пожимает плечами и нагибается к ложке, отчего его длинные чёрные волосы спадают вперёд.

– Мне не нужно ходить за тобой по пятам, чтобы заметить, как ты пытаешься стащить нож.

Мои брови взлетают вверх. Сейчас он на меня не смотрит, и до этого, я видела, он смотрел мне в глаза, не обращая внимания на руки. Аарон допивает бульон и ставит пустую миску обратно на стол. Он улыбается мне такой ласковой улыбкой с огромной долей жалости, что я недовольно сжимаю губы.

– Агата, если ты не знаешь, то у тебя в руке десертный нож. Он тупой.

Я фыркаю, со звоном возвращая серебряный столовый прибор на стол, который запихала в рукав, думая, что он не видит. Молодой человек кивает.

– Хорошая девочка. Не хотелось насильно проверять, куда ты его спрятала.

– Может, он тупой, но в глаз, думаю, войдёт легко, – нарочито равнодушно бросаю ему я.

Собеседник молча отклоняется на спинку стула и складывает руки на груди.

– Когда ты поедешь за остальными ингредиентами? – меняет он тему.

– Завтра или послезавтра. Со мной поедет Морок.

Аарон вновь кивает, и теперь я вспоминаю, что Морок не успел ответить на мой вопрос.

– Что не так с пограничным лесом?

Молодой человек закусывает губу, раздумывая над ответом. Я складываю руки в замок на столе, дожидаясь, когда он заговорит.

– Когда Мары умерли. Ни одна из вас не переродилась. И даже хуже. Ваши тела не разлагались. Тело Анны тоже. Его нашли в храме. Служительницы, узнав, что все Мары погибли, разбежались. Её тело осталось ле-

жать там, так никем и не погребённое. Лежало дольше всех, но осталось таким же.

Аарон говорит ровно, излагая всё как сухие факты, но я до скрипа сжимаю зубы, пытаясь в очередной раз не представлять себе Анну на больничной койке. Не вспоминать, как ей зашивали ту рану.

– По рассказам, которые я слышал, люди решили, что богиня зла, что её посредников посмели тронуть, и забирать вас к себе она не собиралась. И тогда люди в панике, боясь, что вы встанете как нечисть, закопали вас в безымянные могилы по всем двум странам, никак не отмечая места захоронений. Они надеялись, что толщи земли удержат вас. Поэтому найти тебя было непросто.

– А Анна? Ты знаешь, где её могила?

– Нет, – тихо отвечает Аарон. – Как я понял, Даниил ещё задолго до отравления Николая начал искать твою могилу. Его будоражили сказки о вас и Мороках. Поэтому он изначально собирался тебя поднять, но не было весомой причины, чтобы убедить отца, да и найти Морока – это непростая задача. А ещё тяжелее убедить его поднять кого-то из могилы.

– Что было дальше?

– После смерти всех Мар Аракен объявил Серату войну за то, что их принц посмел опозорить твою сестру, а их солдаты позже убили и вас. Ведь теперь обе страны остались беззащитны перед тварями. Мары исчезли. Не осталось ни одной. Оставшуюся надежду возложили на Мороков, люди надеялись, что они возьмут на себя заботу об упокоении нечисти. Но тут произошло то, чего никто не ждал. Слуги Тени восстали.

– Не может быть, – едва выдыхаю я.

– Озлобленные, что с вами так поступили, они бросили всё и ушли, оставляя людей самих разбираться с их проблемами. В первое время солдаты обеих стран пытались их задержать, просить или умолять. Но стоило солдатам встать на их пути, как те рубили головы и обрывали жизни людей, даже не желая дослушивать предложения.

Я качаю головой, не в силах поверить, что слуги Тени не просто что-то чувствуют, но и встали на нашу сторону, пытаюсь отомстить за ту боль, что нам причинили. Я непроизвольно оборачиваюсь на тёмный проём двери, в который вошла, словно Морок может там стоять. Мне хочется расспросить его, что он знает об этом и правда ли это.

Я вновь поворачиваюсь к Аарону, когда он встаёт, чтобы налить себе ягодный морс из кувшина. Он наполняет один стакан, а потом, помявшись, наливает немного во второй и протягивает мне.

– Это не обязательно, – неуверенно отказываюсь я, но он продолжает протягивать, пока я не беру стакан в руки.

Принюхавшись, я понимаю, что он клюквенный.

– Это мой любимый, – удивлённо говорю я, делая первый глоток – Как ты узнал?

Вместо ответа он неопределённо пожимает плечами и вновь садится за стол. Хотя глупый вопрос, такие вещи вряд ли передают в легендах. Об этом знали только мои сёстры. Аарон продолжает, пока я молча допиваю напиток:

– В тот момент началась настоящая война, и войска сталкивались в основном в пограничном лесу. А ты лучше меня знаешь, что происходит в местах, где насильственной смертью умирают многие.

– Появляются неупокоенные.

– Верно. И их было множество. Упыри, утопленники, призраки. Лес буквально кишел ими, и солдаты больше сражались с нечистью, чем против друг друга. Тогда Аракен потребовал смерти принца Ариана, говоря, что после его казни они прекратят нападения и война будет закончена. Это стало их условием.

– И Серат пошёл на это?

– Нет. Но принца это не спасло. Аракен отправил наёмных убийц, и до Ариана они всё-таки добрались, хотя он до самого конца утверждал, что и пальцем ни одну из Мар не тронул. И даже говорили больше... – Аарон нагибается вперёд, понижая голос, я подаюсь навстречу и внимательно слушаю. – Поговаривают, что принц настаивал, что он никогда и не был знаком с Анной, до самой смерти стоял на своём. Говорил, что это заговор и его подставили. Серат до сих пор настаивает на этом, поэтому отношения уже пару сотен лет такие натянутые.

Я фыркаю, с шумом опуская металлический стакан на стол. К счастью, морс я весь допила, а то всё бы расплескалось.

– Вот же мерзавцы! Двести лет, а они всё не могут хотя бы признаться! Сестра мне лично рассказала об их отношениях!

Аарон хмурится и напряжённо сжимает челюсти, переводя взгляд на стол. Мне вдруг очень хочется уз-

нать, что он думает о Ласнецовых. Не любит ли он Серат точно так же, как и я, или ему всё равно?

– Вот вы где! – Мы вздрагиваем от голоса Елены.

Аарон и я откидываемся на спинки стульев, заметив, что всё так же продолжали опираться на стол, наклоняясь ближе друг к другу. Хотя из-за того, что мы теперь отстраняемся столь поспешно и одновременно, выглядит это ещё более странным. Принцесса делает вид, что ничего не замечает, но, когда она огибаёт стол с его стороны и останавливается рядом, её тонкие пальцы пробегают по плечам парня, зарываясь в его волосах. Моё выражение лица так и остаётся равнодушным, но мне хочется встать и уйти. Как-то неловко наблюдать за этим жестом, он кажется мне слишком личным.

– Агата, ты нашла всё, что нужно? – улыбается мне девушка.

– Почти. Сейчас мы обсуждаем мою поездку в лес за остальными ингредиентами. – Я вновь смотрю на Аарона, который не скидывает руку принцессы, но сидит напряжённый. – Лес очистили?

– Нет. Мороки только недавно вновь начали появляться на этих землях. Как я и сказал, они больше людям не помогают. Они до сих пор ничего не забыли и не простили и работают разве что за деньги, если их удастся уговорить.

Значит, в лесу действительно опасно и нужно быть внимательнее, а желательно не заходить далеко вглубь. Я согласно киваю, получив все ответы, и встаю с места.

– Спасибо. А теперь я пойду к себе, – прощаюсь я.

Уже подхожу к двери, как раздаётся скрип отодвигаемого стула. Аарон вскакивает на ноги, и я оборачиваюсь.

– Я пойду с тобой.

– Куда? В мою комнату? – Мои брови удивлённо приподнимаются, принцесса тоже с недоумением смотрит на молодого человека.

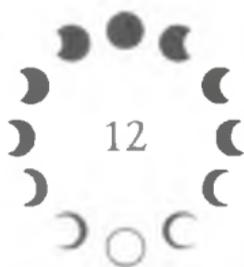
– Нет. В лес.

– Ты с ума сошёл! – восклицает Елена, хватая Аарона за руку. – Она – Мара, а ты в таком лесу погибнешь.

Я наклоняю голову набок. Глупец, совсем ведь мальчишка. Я одна не смогу его защитить. Губы сами растягиваются в снисходительной улыбке.

– Нет. Я поеду с Мороком. Принцесса права, тебе там опасно.

И, прежде чем он что-то успевает ответить, я выхожу из кухни.

– Зачем? – со стоном вырывается у меня при взгляде на Ирину.

– Я разбудила Киру, как только ты уехала, а она подняла всех остальных, – мягко улыбаясь, отвечает наставница.

– Это же конец. Должен быть только мой конец.

– Мы никого не просили и тем более не принуждали, дитя, – отвечает Кира, сверкнув зелёными глазами. Несмотря на её возраст, они всё такие же яркие. – Каждой был дан выбор, и каждая из нас сама решила пойти за тобой.

– И это не только твой конец, Агата, – отвечает сестра Яна. – Это наш общий конец.

– Ты всегда слишком жадная, Агата, – хмыкает Лилиан, – даже конец хочешь забрать себе.

– Анна была и нашей сестрой, и сегодня пусть они запомнят, что не смеют с нами так обращаться, – отвечает последняя, Лада, в отличие от других она не улыбается, но она всегда такая. Спокойная и немного хмурая.

Лада первая отбрасывает плащ назад и открывает руки, чтобы было легче сражаться. Все остальные делают точно так же, толпа и охранники вздрагивают от шороха мантий, а я хмыкаю, наблюдая за упорством своих сестёр, скрывая, как сбивается моё дыхание от чувства их поддержки.

Анна и вправду особенная. Та, ради которой все Мары падут.

Я набираю в грудь воздуха, чтобы вновь потребовать выдать принца на наш суд, но не успеваю произнести и слова, как один из охранников вдалеке от самых дверей стреляет в нас из арбалета. Он планировал сделать предупредительный выстрел, но у самых ног я замечаю опасность и делаю шаг в сторону. Однако арбалетный болт неудачно рикошетит от каменной плиты и едва не входит Яне в бок. В последнюю секунду я успеваю перехватить его своим мечом, ломая.

Мы все в немом удивлении таращимся на обломки, которые почти стоили нам второй сестры. Нам дан ясный ответ. Сёстры с тихим звоном вытаскивают оружие.

– Пришло твоё время доказать, почему я считаю тебя своей лучшей ученицей. – Ирина откидывает длинные волосы назад.

– Мы возьмём этих на себя, а ты с Ириной пробивайся сразу внутрь. Она знает замок, следуй за ней, – тихо командует Кира, сжимая рукоять меча.

– А вы?

– О нас больше не думай. И не оборачивайся, Агата. Не оборачивайся.

Кира хоть и выглядит женщиной под пятьдесят, но по-прежнему стройная, с привлекательным лицом, хоть у неё и появились морщины вокруг рта и глаз. Поэтому мы не удивляемся, когда она делает несколько стремительных шагов, лёгкий разворот, широкое движение руки, и тонкое лезвие кинжала втыкается ровно в горло лучнику, который всё это начал.

Стражники бросаются на нас, а мы на них. Впереди, прочищая путь, идут Кира и Лилиан, дальше мы с Ириной, остальные сзади. Мы с Ириной лишь защищаемся и лавируем между противниками, пробираясь к входу, делая, как и сказала старшая. Уклоняясь от рук и лезвий, я успеваю замечать, как стремительно работают Мары, с какой лёгкостью они отбивают атаки, и даже мантии не мешают им двигаться проворно.

Нас учили быть воинами, держать в руках меч. Однако нас готовили для встречи с нечистью, где мы можем смело резать их нити жизни, потому что они и так мертвы.

Но никто не учил нас безжалостно убивать людей, думая, что нам это не нужно. Поэтому главную ошибку сёстры совершают, после того как успевают удачно отбивать атаки, но теряют драгоценные секунды, застывая в сомнении перед тем, как нанести решающий и смертельный удар. И такой заминки хватило, чтобы враги смогли достать двоих из сестёр.

Добежав до входа, я ослушиваюсь и оборачиваюсь назад, перед тем как скрыться в глубине дворца. Оглядываюсь и замечаю, что ранена Лилиан, а Яна мертва.

Ярость застревает в горле злым воплем, который вырывается наружу в одном из коридоров, когда на нас с

Ириной набрасываются новые стражники. И я уже без колебаний рублю всех, кто попадает на нашем пути. Через пять минут рука с кинжалом вся в чужой крови и рукоять постоянно скользит. Моя мантия порезана в нескольких местах, а подол намок и потяжелел. Ирина, принимая на себя большую часть нападающих, ранена в левое бедро.

– Главный зал! – кричит мне она, добивая ещё двоих. – Прямо по этому коридору в самом конце!

Я киваю и лишь на мгновение оборачиваюсь назад, чтобы заметить, что за собой мы оставили дорогу из трупов, а коридор наполнился криками и стонами. Но с другого конца к нам бегут ещё, и их слишком много, больше того количества, что мы уже убили.

Мы заворачиваем за угол, и я едва не падаю на плохо закреплённом красном ковре, которым покрыт весь пол. В конце коридора, наконец, вижу нашу цель – высокие двери, украшенные золотыми растительными мотивами. Двери в главный тронный зал. Мы выбили эту информацию у одного из стражников пару минут назад. Принц находится там вместе с королём. Услышав о нашем требовании выдать принца, они собрались там, решая, что делать.

– Агата, доберись до него! – Ирина подталкивает меня вперёд, а сама остаётся встретить толпу, чтобы дать мне несколько лишних секунд.

Неуверенная, я делаю несколько неловких шагов.

– ИДИ!

Я вздрагиваю, в последний раз замечая ласковую улыбку на лице наставницы. Мы все знаем, что наше расстава-

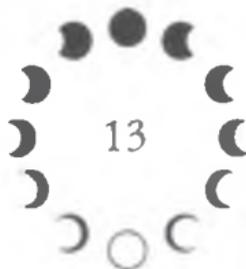
ние не будет долгим. совсем скоро мы вновь встретимся, но уже после смерти, у богини, которая отправит нас в новую, возможно лучшую, жизнь. Может, другие сёстры умрут чуть раньше меня, но и я свой конец встречу в этом дворце, поэтому оставляю Ирину и бегу.

Я бегу так быстро, что не успеваю остановиться и врезаюсь в двери, которые лишь дёргаются под моим напором. Замок. С губ срывается стон от боли в руке, куда меня успели ранить. Заношу меч и опускаю его на массивные золотые ручки один раз, морщась от оглушительного звона. Металл искривляется и немного смещается, и я опускаю меч ещё и ещё, наблюдая, как замок медленно выходит, как трещит дерево.

Ещё один или два раза.

Краем глаза я вижу, как Ирина падает, и её алая мантия, что выделяется ярким пятном, пропадает из вида, потерянная среди тел и людей, бегущих ко мне.

Зарывав, я бью со всей силы, и замок почти целиком выпадает. Дёргаю на себя правую часть двери. Она едва успевает распахнуться, прежде чем первый меч входит в моё тело, протыкая насквозь и застревая в дереве второй двери, что позади меня. А потом я чувствую второе лезвие и третье. Я едва понимаю эту незнакомую боль, хотя отлично чувствую кровь, стремительно наполняющую рот, её так много, что она льётся по подбородку и шее, обильно стекая на пол, заставляя меня давиться и хрипеть. Становится так удивительно тихо. Когда я поднимаю уже мутный взгляд на своих убийц, никто из них не смеётся и не радуется, все в ужасе и отшатываются от меня подальше, боясь стоять рядом. И тогда я понимаю, что умираю. В шаге от своей цели.

- Госпожа, когда вы уезжаете? – спрашивает Инна, заканчивая делать мою причёску. Верхнюю часть волос она заплетает в свободные косы, кольцами укладывая на затылке, а нижнюю половину оставляет распущенными.

– Сегодня вечером, – отвечаю я.

– Я слышала, вы отправляетесь в сторону пограничного леса, это опасные места!

– Ничего страшного, меня будет сопровождать Морок.

Марина резко выглядывает из-за раскрытой дверцы шкафа.

– Вас сопровождает это жуткое существо?! – восклицает она, прижимая к груди кафтан, который нашла для меня. – Это правда, что у него череп вместо лица?

– Глупая! Откуда госпоже знать?! Все знают, что если увидишь лицо Морока – умрёшь! – возражает Инна, а я прячу улыбку, вспоминая, насколько слуга Тени недоволен такими слухами.

– Всё нормально, он просто для охраны, – успокаиваю я их.

– Но логично ли отправляться в путешествие так поздно? Ночью совсем темно, – качает головой Инна.

– С учётом отдыха дорога займёт один день и две ночи, мы как раз прибудем к лесу после рассвета. Находиться рядом с подобным местом лучше всего в светлое время суток, – с улыбкой поясняю я.

– Мы приготовим вам одежду и запасы еды, оставим всё это здесь.

Я киваю, думая, стоит ли отказаться от еды, но вспоминаю, что, возможно, Мороку нужно чем-то питаться.

– Вы выглядите намного лучше, госпожа, – отмечает Марина, помогая мне надеть тёмно-красный кафтан на чёрную рубашку. – Раньше ваша кожа была совсем бледной. Когда мы уйдём, попробуйте доесть завтрак, вам нужны силы. Сегодня господин Аарон подсказал, что вам принести.

Я бросаю взгляд на поднос. Сегодня они принесли мне варёные яйца, румяный хлеб с яблочным вареньем и клюквенный морс. Про морс он уже знает, а вот с яблочным вареньем парень опять угадал. Его я тоже любила при жизни.

– Также он попросил напомнить вам о тренировке, на которую вы обещали прийти, – улыбается Инна. – Вас проводить?

– Не стоит, просто скажите, где находится зал для тренировок? – отказываюсь я.

– На первом этаже средний коридор. Прямо, а потом налево. Дальше, уверена, вы найдёте, обычно они достаточно шумные.

Девушки делают реверанс и покидают комнату. Я беру стакан с морсом и, прежде чем отпить глоток, глупо улыбаюсь своим мыслям, что давно ни с кем не тренировалась. Мне вдруг становится интересно, и вправду ли Аарон лучше меня? Или насколько силён Морок? Станет ли он тренировать меня, если я попрошу? О технике Морока в бою я не знаю вообще ничего.

Хоть моё тело и не разлагается, но оно истоцилось за двести лет. Я неплохо справилась в тот один из первых дней на опушке леса, но лишь неплохо. Я допустила оплошность, и меня серьёзно ранили, а могли бы и убить, не будь я уже мёртвой. Ирина когда-то называла меня своей лучшей ученицей за усердие, с которым я тренировалась каждый день. И я помню, как упорно повторяла одни и те же удары и развороты, пока пот не заливал глаза. Я делала это, уже тогда зная, что мне нужно уметь защищать не только себя, но и Анну. Однако в итоге все эти тренировки ничем мне не помогли перед лицом опасности, которая неожиданно появилась в виде влюблённости в принца. Теперь могу лишь надеяться, что Морок был прав, и сейчас моё тело окрепло по сравнению с первой неделей.

Я направляюсь на первый этаж, там сворачиваю налево, как и сказали служанки. И они оказались полностью правы, с каждым моим шагом я всё отчётливее слышу стук деревянных мечей и крики. Судя по голосам и ехидным замечаниям, Аарон тренируется с Данилом.

Я сворачиваю на шум и оказываюсь в просторном зале с высокими потолками и огромными окнами, завешанными полупрозрачными занавесками, которые

едва ли приглушали солнечный свет. Помещение практически пустое, если не считать нескольких стоек в конце с тренировочным и настоящим оружием. А из-за высоких потолков все крики и удары эхом расползаются по залу. Я замираю на пороге, когда Аарон воспользовался открытостью принца и ударяет его ногой в грудь. Тот падает и с неприятным скрипом скользит по лакированному деревянному полу. Его тренировочный меч отлетает в мою сторону и ударяется о мои сапоги.

– Агата! – восклицает Даниил, вскакивая на ноги.

Он широко улыбается мне своей очаровательной улыбкой, ни капли не смущаясь, что ещё несколько секунд назад позорно рухнул на пол. Принц подходит ближе и поднимает свой меч. А я оглядываю его тёмно-серую рубашку, которая начала липнуть к телу от пота.

– Я уже начал скучать по тебе, – тихо шепчет он, целуя мою кисть, а я почему-то столбенею, смущённая.

– Даниил! Уже можно принять твою задержку за проигрыш? – усмехается Аарон, стоя метрах в семи от нас.

Я поднимаю глаза на него. Мы пересекаемся взглядами лишь на мгновение, и молодой человек вновь смотрит на принца.

– Будь у тебя хоть капля манер, Аарон, ты бы знал, что когда девушка входит в комнату, её нужно поприветствовать, – весело бросает принц, вновь вставая напротив партнёра по спаррингу.

Аарон снова внимательно оглядывает меня, оценивая. Почти так же, как и в первую нашу встречу. Едва

заметно улыбается мне и возвращает внимание к собеседнику.

– Корона платит мне не за поцелуи, а за регулярное надирание твоей королевской задницы. И на сегодня мы ещё не закончили.

– Агата! – Я только теперь обращаю внимание на Елену, которая, подобрав под себя ноги, в нежном лиловом платье сидит с книгой на мягком диванчике у стены. – Иди ко мне, они болтают дольше, чем тренируются.

Я хмыкаю, садясь на предложенное место. Принцесса права: молодые люди словесно препираются ещё несколько минут и только потом возвращаются к спаррингу. Я внимательно наблюдаю, отмечая, что оба хороши. Быстрые, легко уклоняются и наносят удары, даже несмотря на усталость. Если бы я встретила таких на поле боя с настоящей сталью в руках, то победить каждого было бы непросто. Хотя Даниил всё-таки заметно слабее Аарона, но и в защите у Аарона много трещин. Мне почти всё ясно, как вдруг я приглядываюсь внимательнее, уголки губ Аарона дёргаются в улыбке в то время, как он оставляет заметные дыры в своей атаке, а принц пользуется этим. Я напрягаюсь больше, замечая, что моё наблюдение верно. Аарон видит если не все, то большинство ошибок принца, иногда инстинктивно дёргается, чтобы воспользоваться ими, но потом сдерживает себя, а иногда сам специально открывается.

Он поддаётся. Заметно снижает свой настоящий уровень. Вначале меня это настораживает, но потом я

вспоминаю, что он дерётся с одним из принцев Аракена. И даже у их дружбы есть границы в дозволенности, вероятно, Аарон не желает калечить Даниила.

– Что ты думаешь о моём брате? – вдруг спрашивает принцесса, прерывая мои мысли.

Я поворачиваюсь к девушке, которая откидывает волосы назад. Кулаком она подпирает лицо, облачаясь на подлокотник, вероятно, наблюдая за мной уже какое-то время.

– Принц кажется хорошим человеком, – спокойно отвечаю я.

Елена громко фыркает, явно неудовлетворённая моим ответом.

– Я спросила: находишь ли ты его привлекательным? – улыбается она, демонстрируя аккуратные зубы.

– Он... хм... очаровательный молодой мужчина.

– По сути, ты наша ровесница. Ты же умерла в девятнадцать лет?

– Верно.

– И тебе совсем нечего больше сказать о Данииле?

– Он кажется очень... добрым, – неуверенно выдавливаю я, не зная, какой именно ответ её устроит.

Елена прыскает в кулак и тихо смеётся.

– А ты, Елена, любишь Северина?

Смех прекращается, но злости на лице девушки я не замечаю. Она выглядит задумчивой.

– Я видела его лишь несколько раз, и то лет пять назад. И да, наверное, я была влюблена в него. Он очень красивый молодой человек, но так как мы почти не общались, я смогла успеть полюбить только его внеш-

ность да манеры, – она равнодушно пожимает плечами.

– То есть сердце своим отказом он тебе не разбил?

– Нет, но обидел. Северин с лёгкостью променял меня на какую-то неизвестную девушку, которая появилась бог знает откуда, – Елена раздражённо захлопывает книгу. – Может, встретил какую-то ведьму, которая его приворожила? Как ещё объяснить его столь глупый поступок, я не знаю. Я давила в себе любые чувства к другим и не позволяла себе даже думать о ком-то помимо него, зная, что такова моя судьба. Что мой брак может послужить долгожданному миру между двумя странами.

Девушка опускает ноги на пол, раздражённо поправляя платье.

– Конечно, я отчасти надеялась, что после свадьбы, может со временем, мы действительно полюбим друг друга. Хотя ты наверняка знаешь, что брак по любви – это роскошь для таких, как я.

Я киваю, действительно зная, что главное в подобных браках – политическая выгода, особенно когда дело касается принцесс. И мне жаль девушку. Возможно, пока она избежала участи разменной монеты, но неизвестно, надолго ли.

– Северин же наплевал на мир в угоду своему эгоистичному желанию, – жалуется Елена, чувствуя мою поддержку.

– О его невесте ничего не известно? – уточняю я.

– Нет, она вроде как королева Серата теперь, – почти выплёвывает девушка. – Но Северин оберегает её

как настоящее сокровище, ни один из наших шпионов так и не выяснил ни её имя, ни как она выглядит. Точно ведьма какая-то, а если нет, то Северин полнейший глупец, который променял мир между нашими странами на какую-то девицу.

– Рада, что ты в него больше не влюблена.

– Почему? – удивляется она.

– Я не буду чувствовать ни грамма угрызения совести, когда перережу его глотку и оборву род Ласнецовых. Наконец завершу то, ради чего умерли мои сёстры.

Елена удовлетворённо кивает и сжимает мою руку.

– А я буду рада, если после этого ты серьёзнее подумаешь о моём брате, – хитро улыбается девушка, понижая голос и слегка наклоняясь ко мне.

– Не составишь мне компанию, Агата, а то принц совсем притомился, – криво улыбается Аарон, кивая на Даниила, который и вправду уже слишком устал.

Я снимаю кафтан и, выходя в центр, принимаю меч из рук Даниила.

– Ты уверен, что готов продолжать? – машу я острым концом в его сторону, отмечая, как его тёмные пряди липнут к вспотевшему лбу и шее. – Ты тоже выглядишь усталым.

– Хм... тогда, вероятно, у тебя есть шанс меня одолеть.

Он атакует первым, но недостаточно стремительно, скорее просто проверяя. Я с лёгкостью ухожу от одной атаки, второй рубящий удар отражаю.

– Ты и вправду считаешь Даниила добрым и очаровательным? А что тогда скажешь обо мне? – тихо спрашивает Аарон, когда наши мечи скрестились.

На мгновение мой удивлённый взгляд замирает на его лице. *Он ещё и подслушивал.*

– Ты с первой минуты показался мне занозой в заднице, – фыркаю я, расслабленно уходя по кругу.

– Приятно слышать, что я настолько глубоко задел твои чувства с первой минуты, – мрачно улыбается парень.

Я нападаю, сделав несколько ложных выпадов, и пытаюсь сделать подсечку по ногам, но он умело уворачивается. Аарон отвечает колющим ударом, я отклоняюсь, перекладывая меч в левую руку, поворачиваюсь вокруг своей оси, и, развернув лезвие плашмя, ощути-мо бью его по плечу.

– Неплохой трюк, – удивлённо бубнит Аарон, хватаясь за болезненный участок. Уверена, синяк будет крупный.

Он пытается обмануть меня ложным выпадом, но я успеваю отбить его меч в последний момент. Мы продолжаем лениво кружить вокруг друг друга, выискивая слабые места.

– У Мар, оказывается, хорошая техника, – хвалит меня противник.

– Если бы мы встретились при моей жизни, скорее всего, ты бы уже лежал на спине.

– Вот как? – притворно удивляется он, а в его глазах вспыхивает азарт.

Он стремительно дёргается в мою сторону, намного быстрее, чем раньше, и я с трудом ухожу из-под меча, понимая, что до этого он тоже притворялся и только сейчас показывает своё настоящее умение. Я пригибаюсь, а его меч проносится у меня над головой, и тогда я

бью его кулаком в торс. Аарон несколько раз кашляет, а я с шипением трясу кистью, отходя назад на пару шагов. Вроде это я его ударила, но мне почему-то кажется, что из-за его пресса я пострадала сильнее. Мне вдруг хочется попросить его приподнять рубашку, чтобы я могла удостовериться, что он не жульничает и не прячет там деревяшку. Я отвлекаюсь, разглядывая его живот, Аарон наносит несколько стремительных ударов, и последний достаёт меня по бедру, отчего я едва не спотыкаюсь, а он приставляет меч к моему горлу.

– Ты была невнимательной, – это не вопрос.

– Нет, просто недостаточно быстрой. Не хотела потеть и ущемлять твою гордость моей победой, – усмехаясь, вру я.

– Судя по всему, ты также хотела мне польстить, разглядывая мой торс, – поддевает он, забирая мой тренировочный меч.

– Скорее, подсчитывала количество следов от ботинка принца на твоей рубашке.

Даниил и Елена смеются, и я вспоминаю о них.

– Может, в спарринге победа за тобой, Аарон. Но в словесной перепалке Агата уложила тебя на лопатки. – Принц поднимается с места, протягивая мне мой кафтан.

– С гордостью принимаю поражение как мужчина, – насмешливо бросает Аарон.

Стараюсь не показывать, но меня смущают и радуют их слова. Я никогда не думала о своей привычке бросать едкие ответы как о чём-то хорошем. Из-за этой черты моего характера сёстры не любили со мной

спорить, называя ворчуньей. Только Лилиана и Анна временами поддерживали мои короткие обмены колкостями.

– Ты поучишь меня? – Елена поднимается на ноги и обхватывает руку Аарона, прижимаясь к нему неприлично близко. Парень напрягается, но высвободить руку не стремится.

– Если принцесса хочет, то я научу.

– Тогда я пойду, мне нужно ещё раз осмотреть Николая и приготовить купленные травы перед отъездом. – Я застёгиваю одежду.

– Подожди, я пойду с тобой, – отвечает Аарон, собираясь убрать мечи.

– Не нужно, – останавливает его Даниил. – Я провожу Агату к брату, а потом к целителям. Остайся с Еленой, поучи её немного.

Я замечаю, как брат с сестрой переглядываются. Даниил специально пытается оставить их наедине. Видя, как Елена цепляется за руку Аарона, я понимаю, что слова принцессы о том, что она больше не влюблена в Северина, – правда. Похоже, что её сердце нашло новый объект обожания, и она решила больше не сдерживаться и найти молодого человека, которого сможет полюбить. В этом плане Аарон выглядит хорошим вариантом для неё.

– Тогда увидимся через несколько дней. Аарон, – напоследок киваю я своему охраннику, тот ничего не говорит, но кивает в ответ.

Я так громко выдыхаю с облегчением, что Морок поворачивает голову в мою сторону.

– Всё в порядке, – поспешно заверяю я, не желая его тревожить. – Просто чувство, что я выбралась из клетки. Здесь даже дышать легче. Хотя это глупо, мне же не нужно дышать.

– Не глупо, – мотает он головой, и лучи солнца отражаются от золота на его маске.

Почти три часа назад мы выехали из дворца и отправились по дороге на север в сторону пограничного леса. В городе из-за большого количества людей мы двигались медленно, не в состоянии пустить лошадей галопом. Там мы не разговаривали и чувствовали постоянное напряжение от беспрестанного внимания и недоверчивых взглядов горожан. И, наконец, час назад мы вышли за черту города и ускорились, давая животным возможность размяться. Мимо нас проносились поля и деревья. Мы выбрали главный тракт, что соединяет Аракен и Серат. Я помню, что раньше это была широкая, оживлённая дорога, но теперь она в некоторых местах заросла травой, да на глаза попались только трое путников, которые замерли и отошли в сторону, заметив наше приближение.

До заката остаётся около двух часов. Воздух по-осеннему холодный, но благодаря солнечным лучам ещё достаточно тепло, чтобы снять капюшон и не пытаться закутаться в утеплённый плащ, пряча нос в меху. Я радуюсь, что Морок напомнил о перчатках, которые я чуть не забыла, а то к этому моменту мои пальцы бы посинели.

Когда кони немного устают, мы возвращаемся к спокойному шагу.

– Что ты думаешь о Рахмановых? – спрашиваю я, устав от тишины.

– То же самое, что и о любых других королевских семьях. Мне они не нравятся.

– Почему ты на них работаешь?

Я жду тридцать секунд, потом минуту, а когда проходит две, то решаю, что он не ответит. Однако мужчина вновь начинает говорить спустя пять минут.

– До меня дошли слухи, что принц собирается поднять одну из Мар. Услышал, что ему удалось найти твою могилу, которую я не смог найти сам. Поэтому пришёл и предложил свои услуги.

– Зачем ты собирался поднять одну из Мар?

– Есть причины.

Я жду, что он скажет что-то ещё, но, встретив тишину, поджимаю губы, чувствуя, что не добьюсь подробного ответа на этот вопрос.

– А я слышала, что Мороки восстали после нашей смерти. Это правда? – выдаю я спустя пятнадцать минут.

– Да.

– Почему?

– Ты из нового поколения Мар, к твоему рождению вам уже больше нескольких сотен лет, если не тысячу, не рассказывали правды, пытаясь от неё отстраниться. Но наши наставники продолжают рассказывать нам всё.

– О какой правде ты говоришь? – Я тяну поводья Вьюги в сторону, чтобы она обошла глубокую яму.

– Ты никогда не задумывалась, почему среди Мар только девушки, а среди Мороков исключительно мужчины?

– Задумывалась.

И даже задавала вопросы наставницам, они не знали точного ответа, сводили всё к идее, что Морана олицетворяет женское начало, а Тень – мужское, поэтому и пол отмеченных делится столь категорически.

– Изначально Мары и Мороки были как братья и сёстры, – удивляет меня Морок, – мы были дружны и поддерживали друг друга. Хоть наши способности и отличаются, но делаем мы одно и то же. Однако люди боятся Тени, боятся самого упоминания о ней и сторонятся таких, как я. Мары же хотели любви, хотели, чтобы к ним относились с уважением, и тогда сёстры решили отстраниться от нас. Порвать связь с мрачными братьями, что, собственно, и сделали твои предшественницы. Но мы не забыли, поэтому обозлились, и до сих пор злы, что люди посмели так с вами обращаться.

Я опускаю голову, пристыженная, стараясь собрать разбегающиеся мысли. Хоть не было ни одного случая, когда Морок навредил Маре, но всю жизнь я опасалась их. Мне, как и всем остальным, они внушают страх своей связью с Тенью, а оказывается, нам никогда не нужно было их сторониться. И даже больше – мы давно связаны.

Среди всех мыслей я раздумываю, стоит ли ему доверять в этом вопросе. Но какой смысл Мороку врать и выдумывать подобное?

– Тогда ты мой надзиратель или мой... защитник? – неуверенно спрашиваю я.

– Защитник.

– Даниил угрожал мне в самом начале, что прикажет тебе отправить меня в Тень...

В ответ Морок смеётся. И этот смех мрачный и низкий, у меня вся спина покрывается мурашками, но не от страха, а от низкой вибрации, что создаёт его маска. Если под маской действительно человек, то она искажает его смех до неузнаваемости. Морок меня больше не пугает, но это словно слушать смех со дна невообразимо глубокого колодца.

Когда смех стихает, он вновь удивляет меня своим ответом.

– Если бы в тот день он и вправду приказал мне такое, то в ту же секунду я бы раздавил его голову своими руками, а потом убил бы каждого его солдата.

Я вздрагиваю, когда моё сердце делает один слабый удар. Он действительно слабый, как лёгкий спазм, но я настолько отвыкла от этого, что мне кажется, будто всё моё тело содрогнулось. А потом я чувствую второй удар.

Третий.

Четвёртый.

– В чём дело? – спрашивает Морок, смотря, как я прикладываю руку к своей груди.

Пятый.

И вновь наступает тишина.

Я разочарованно тру грудь напротив сердца, надеясь завести его вновь, но ничего не происходит.

– Мне показалось, что сердце заработало. Но потом всё прекратилось.

– Это нормально. Такое может произойти несколько раз. Однажды оно заработает полноценно. Оживить можно только полностью функционирующее тело.

– То есть если моё сердце не заработает, ты не сможешь вновь сделать меня живой?

– Верно.

– Откуда ты всё знаешь? Уже поднимал кого-то?

– Да. Был один опыт.

Времени у нас впритык, а надвигающиеся тяжёлые светло-серые тучи за нашей спиной могут сильно усложнить путь. А ещё хуже, если они принесут не дождь, а снег. Из-за него мы не просто застрянем на дороге, но и можем не успеть собрать нужные ингредиенты в лесу. Дальше мы проделывали путь почти всё время в тишине, пуская лошадей во весь опор. Останавливались только тогда, когда животным требовался отдых или мы сами уже не могли сидеть в седле. К нашему счастью, дождь так и не начался, а после заката не настолько холодно, чтобы искать деревню и постоянный двор, поэтому мы расположились недалеко от дороги в окружении малочисленных деревьев. Мы развели костёр, и Морок дал мне один из спальных мешков, что он взял с собой. А я протянула ему корзину с едой, которую для меня приготовили Инна и Марина.

– Я не ем. Но ты утверждаешь, что под маской у тебя есть лицо, значит, должен быть и рот, – поддеваю его я.

Морок усмехается, но корзинку принимает.

– Ты снимешь маску? – Я придаю голосу как можно больше равнодушия, расстилая своё спальное место поближе к костру.

– Ещё никто не видел, как я снимаю маску. Не боишься умереть?

– Ты сам сказал, что защитишь меня. – Я с сомнением перевожу на него взгляд.

– Именно поэтому маску при тебе я снимать не буду.

Я только киваю и не настаиваю. Он и так относится ко мне хорошо, возможно, лучше, чем я или любая другая Мара заслуживаем, после того как с пренебрежением отвернулись от своих так называемых братьев. Если бы я знала... если бы Мары и Мороки продолжали быть вместе, то, я уверена, в тот день мы бы одержали победу. Мои сёстры бы не погибли, а я своими руками придушила бы принца.

С этими мыслями, кутаясь в своём плаще, я заворачиваюсь в покрывало. Специально ложусь спиной к костру и к Мороку, давая ему время спокойно поесть. Хотя даже если бы я решила подглядеть, то не смогла бы: едва я принимаю удобное положение и расслабляюсь, как тут же проваливаюсь в сон.

Мы провели в пути ещё день и одну ночь, а прибыли к линии пограничного леса точно через два часа после рассвета.

– Богиня... Что здесь произошло? – ошарашенно выдыхаю я, поднимая взгляд на стену леса.

– Война, – просто отвечает Морок, натягивая поводья, заставляя своего Сахарка остановиться рядом со мной.

Лес совсем не такой, каким я его помню. Тот лес был хвойным и таинственным, с прохладным туманом по утрам, что стелился по земле. Тот лес был глубокого зелёного цвета почти круглый год, только зимой он покрывался белым снегом, по которому мы любили ходить с сёстрами, довольно часто встречая жителей соседних деревень из Серата и Аракена, которые собирали в лесу ягоды калины или боярышника. Зимой красные ягоды особенно выделялись на фоне белоснежной чистоты.

Этот же лес похож на место трагедии, по которому стремительно прошёл страшный пожар. Больше половины елей и сосен искорёжены, стволы почернели или приобрели серый оттенок. Но деревья не надломались, а стойко продолжают стоять, охраняя свою территорию. Они стали такими высокими, что мне пришлось задрать голову, а растут так плотно, что через десять метров вглубь я уже с трудом могу что-то увидеть. Земля под ногами усыпана покрывалом из старых иголок и потемневших шишек. В этот лес не хочется заходить, но другого выбора у нас нет. Я знаю, в каком направлении мы можем найти вереск и боярышник, поэтому рассчитываю, что на всё уйдёт пара часов. Уверена, и Морок хочет войти и выйти без встречи с лишними проблемами.

Я смотрю направо, а потом налево. Полоса леса идёт почти неестественно ровной линией, которой не видно конца ни в одну, ни в другую сторону, недаром его называли Бесконечный лес.

– Насколько там опасно? – спрашиваю я, слезая с лошади.

Вьюга упирается, топает копытами и раздражённо мотает головой, не желая идти к деревьям ближе. Я решаю не мучить животное и отвести её к нескольким одиноким берёзам, что голыми стоят подальше от полосы леса. Сахарок Морока ведёт себя ничуть не лучше, и мой спутник берёт коня под узды и ведёт за мной.

– Опасно. Но проблема не только в нечисти. Там также могут быть солдаты Серата.

– Тогда будем надеяться, что нечисть встретит именно их, – равнодушно отвечаю я.

– Ты всегда была такой злой или смерть тебя так скрасила? – хмыкает мужчина.

– Не могу понять. Твоё чувство юмора меня пугает или удивляет, что ты вообще способен шутить, – отвечаю я ему в тон.

– Если ты считаешь это чувством юмора, то ты ещё не видела, как ради забавы я давлю людям глаза и топлю котят.

Замечая ужас с каплей отвращения в моих широко раскрытых глазах, Морок вновь смеётся тем же жутким смехом со дна колодца.

– Подобные слова больше соответствуют моему образу, Мара? – насмешливо добавляет он, когда я отворачиваюсь, чтобы привязать лошадь к дереву.

Мне немного стыдно, что ненадолго я поверила его словам, воспринимая их всерьёз. Мне пора перестать думать о нём как о чудовище. Внезапно мужчина протягивает мне средний меч и длинный кинжал.

– Разве Даниил разрешил давать мне оружие?

– Ты всё ещё думаешь, что этот мальчишка – мой хозяин, который смеет мне приказывать? – Его тон сочится иронией.

Улыбаясь, я принимаю оружие и закрепляю его на поясных ремнях. Морок вешает себе за спину тяжёлый меч и два длинных кинжала закрепляет на бедрах с обеих сторон. Вспомнив истории о слугах Тени, я с интересом разглядываю его меч. С виду достаточно простой, прямой клинок в потрёпанных чёрных ножнах. Кожаная оплётка тоже поизносилась и теперь у неё скорее тёмно-серый оттенок, чем чёрный. Даже навершие рукояти простое. Однако, по рассказам, у них особенное оружие, которое они передают из поколения в поколение. Их мечи покрыты серебром, что отлично работает против призраков и других тварей, а письмена, которые выкованы на этих мечах, способны не просто убивать, но сразу резать нити жизни, потому что в отличие от нас Мороки эти нити не видят, но знают, где они находятся.

Мыдвигаемся в сторону леса, и я на пару шагов отстаю от своего спутника, пристальнее рассматривая его плащ, который раньше казался мне просто поношенной накидкой. Замечая что-то странное в этой материи, я, не задумываясь, тяну руку, чтобы её коснуться.

– Я слышал истории, что вначале ты в одиночку пришла к дворцу Ласнецовых, готовая добраться до принца и умереть. Ты знала, что идёшь на смерть. Это правда? – Мрачный голос из-под маски заставляет меня вздрогнуть и опомниться, я быстро отдёргиваю руку, пока он ничего не заметил.

– О да! Я была готова схватить Ариана за светлые волосы и разбить его голову об его же трон.

Морок резко тормозит на полпути и поворачивается ко мне.

– Что ты сказала?

– Сказала, что сама бы выдавила мерзавцу глаза и выдрала бы его светлые патлы, слушая, как он кричит. Но раз я не могу добраться до Ариана, то оборву род Ласнецовых. К счастью, Северин – последний, и много времени это не займёт.

В этот раз Морок ничего не отвечает, и мы вступаем под тень деревьев, пересекая линию леса. Мы договорились в лесу говорить как можно меньше, чтобы не привлекать внимание того, что теперь живёт под этим покрывалом из пожухлых листьев, мха и старых иголок. Так как я знаю, где растёт то, что мы ищем, мужчина молча следует за мной по пятам. Несмотря на его вес и броню, Морок идёт так тихо, что я часто нервно оборачиваюсь, проверяя, рядом ли он.

Мне здесь не нравится. У меня всё внутри напряжённо сжимается от неестественной тишины и отсутствия какого-то привычного запаха, свойственного лесу. Раньше здесь пахло свежестью, а теперь, шумно втягивая носом воздух, я чувствую скорее плесень и старость, хотя чем дальше мы углубляемся, тем реже встречаются искорёженные деревья. В глубине лес более живой, тёмно-зелёный, но мрачный и заросший, будто одичал настолько, что хочет сам себя оградить от любого человека, что пожелает сюда сунуться. Спустя полчаса мы входим в нетронутую огнём часть леса,

но ветки закрывают большинство солнечных лучей, оставляя нас в неестественном сумраке. Здесь намного теплее, чем за пределами леса. И только преодолев эту заросшую часть, мы попадаем в сосновый лес, где идти становится легче, а между деревьями расстояние больше и местность кажется просторнее.

Первым мы находим вереск. К моему удивлению, нам встречается небольшая поляна, покрытая невысокими кустами с лавандовыми цветами. Здесь его достаточно, чтобы хватило на всё. Я подбираю мантию и опускаюсь на колени, чтобы собрать нужное количество, а Морок молча ставит рядом со мной небольшую сумку, куда я могу сложить растения, и оглядывается вокруг. В спокойной тишине я слышу, как несколько раз ухает сова. Кинжалом срезаю больше, чем мне надо, но лучше иметь про запас. Неизвестно, сколько отвара понадобится Николаю.

Чтобы найти боярышник, уходит больше времени. Мы натываемся на него только через час. То место, к которому я шла изначально, больше почти не существует. Там осталась лишь пара кустов с красными ягодами. Я собрала, что было, в специальную корзину, но этого недостаточно, и я повела Морока дальше в глубь леса к следующему месту. К счастью, тут четыре небольших дерева и несколько кустов. Чтобы ускориться, Морок помогает мне собирать ягоды. Я тихо смеюсь, когда он, вначале не рассчитав силы, случайно давит их в руке и ругается от того, что сок течёт по чёрным перчаткам. Он продолжает тихо ругаться, стряхивая жидкость и ошмётки ягод, но это вызывает у меня лишь новые приступы смеха.

– Прекрати смеяться. Это не смешно, – ворчит он.

– Ещё как смешно, – не сдерживаюсь я. – Мой смех тебя обижает?

– Нет, он мне нравится.

Смешки застревают у меня в горле, и я начинаю кашлять. Морок, как ни в чём не бывало, вытирает руку о мох и продолжает собирать ягоды, пока я смотрю на него. *Может, если попросить, он поможет мне сбегать? Может, прямо сейчас?*

Я встряхиваю головой, выкидывая эти непрощенные мысли.

Мне нужна не свобода, а месть. Втягивать ещё и Морoka, рисковать его жизнью я не хочу. И так пять моих сестёр двести лет назад отдали свои жизни ради того, что я не смогла закончить. Не хочу, чтобы и Морок стал очередной жертвой в этом списке.

Через час мы уже возвращаемся. Слуга Тени теперь идёт впереди, а я расслабляюсь, переставая оглядываться на каждую тень и поворачивать голову на треск веток. Поэтому Морок, будучи сосредоточенным, замечает их первым. Он хватается за запястье и тянет в сторону, стараясь обогнуть опасность, уйти незамеченными, но твари слишком близко и сразу поворачивают свои головы к нам.

Среди деревьев я успеваю разглядеть трёх упырей, но уверена, что их больше.

– Приготовься, – тихо бросает мне мужчина, отставляя корзину и сумку в безопасное место.

Я достаю оба длинных кинжала, не решаясь использовать меч, который случайно может застрять в дере-

ве. Я пытаюсь выйти вперёд, но Морок дёргает меня за плечо назад.

– Я уже мертва, будет лучше, если я разберусь, – упираюсь я.

– Не глупи.

– Если ты умрёшь – умру и я.

– Ещё недавно ты тряслась от страха, когда я был рядом, а теперь думаешь, что я с какими-то упырями не могу справиться?

– Справедливо, – недовольно бурчу я, а он с тихим звоном достаёт меч и усмехается, когда мой рот открывается от удивления.

Может, ножны и рукоять выглядят простыми, однако само лезвие сверкает как произведение искусства. Оно чёрное, обидно покрытое серебряным узором, а по центру – руны, среди которых я даже нахожу символы нашей богини Мораны, что лишний раз доказывает правдивость слов Морока. Мы связаны.

– Не волнуйся за меня, маленькая Мара, умирать я не собираюсь, – он насмешливо треплет меня по волосам.

Чтобы скрыть смущение, я упираюсь взглядом в упырей, которые медленно приближаются к нам, и недовольно бормочу:

– Надеюсь, это не та рука, в которой ты ещё недавно ягоды раздавил.

Ответить он не успевает, первая тварь прыгает, и мужчина делает лишь два широких шага и один косяк удар. Голова твари отлетает в сторону в тот момент, когда тело приземляется на мох. Он так же быстро разбирается со вторым и двигается к третьему

упырю. А я, выйдя из оцепенения, чувствую движение сзади и только чудом успеваю повернуться и вогнать лезвие упырю между шеей и плечом, а потом дёргаю рукоять, разрезая ему глотку. Подняв взгляд, я подсчитываю семь мертвецов, которые несутся к Мороку во весь опор, чувствуя его живую кровь и лавируя между деревьями.

Они подошли к нам сзади.

Я высвобождаю кинжал и ногой пинаю тварь от себя подальше, на время она будет безобидной. Я встаю на пути первых двоих, и они сразу на меня накидываются, от скрюченных пальцев одного я уклоняюсь, вгоняя второму кинжал в глаз. Мне приходится лавировать между упырями, которые пытаются обогнуть меня и добраться до моего спутника. Я убиваю четверых, один кинжал я теряю, кинув в пятого, а второй застревает в теле шестого упыря. Пыталась вогнать лезвие ему в сердце, но промахнулась на несколько сантиметров. Я дёргаю оружие на себя, но то зацепилось о рёбра, и тварь успевает вогнать мне свои когти в предплечье правой руки. Мне не удаётся подавить стон, когда упырь разрывает рукав кафтана вместе с моей кожей, травмируя мышцы. У меня остался только меч, но я не могу вытащить его левой рукой, а тварь как безумная хватается за мою руку, пытаюсь зубами достать до моего горла.

– Нет уж! – сквозь зубы вырывается у меня.

Я могу пнуть его в живот, но тогда сильнее разорву себе руку, потому что когти упыря всё ещё внутри мышц, но времени на выбор не остаётся, когда послед-

няя нечисть двигается ко мне. Приготовившись к боли, поднимаю ногу, но сзади одной рукой мои плечи обхватывает Морок, а левой рукой он втыкает длинный кинжал упырю через подбородок в голову, тот перестаёт клацать зубами и затихает. А седьмого слуга Тени убивает голыми руками: когда тварь подскакивает к нам, мужчина хватается его голову и резко ломает шею вплоть до того, что кожа на шее рвётся.

Я оседаю на землю вслед за заваливающимся телом упыря, пока Морок добивает ещё троих, которые появились из-за деревьев. Он двигается легко и чётко, но без излишней грации и красоты. То, что он делает, – это не искусство, а его обычная работа. Когда наступает тишина, своим мечом мужчина отрубает головы тем, которых убила я, потому что перерезать нити я ещё не успела и они могут подняться.

Когда он подходит ко мне, я с недовольным ворчанием вытаскиваю второй длинный коготь из своей руки.

– Тебе помочь, маленькая Мара?

– Спасибо, но я лучше сама, – сквозь зубы цежу я, резко вырывая последние два ногтя. – Ты теперь мне и прозвища даёшь?

– Ты же самая младшая из Мар.

Я нащупываю нити жизни вдоль позвоночника у мертвеца, от чьей руки, наконец, избавилась, и, схватив в кулак, вытягиваю их наружу. Морок молча следит, как я натягиваю и перерезаю нити его кинжалом, которой вытащила из головы упыря.

– Вообще-то моя сестра самая младшая, – поправляю я.

Морок ничего не отвечает, а я поднимаюсь на ноги, благодарно опираясь на предложенную руку, и оглядываю слугу Тени. На нём ни царапины, он сработал так чисто, что на его плащ или броню не попало и капли крови, только на перчатки. Гордость не позволяет мне обернуться и посмотреть, скольких он уложил, раз так долго не замечал, как к нам подобралась со спины.

– Эй! – Я дёргаюсь, когда он с треском отрывает кусок от моего алого плаща у подола и начинает заматывать мою раненую руку.

– Если занесёшь заразу – заживать будет дольше и болеть будет сильнее.

– Это новый плащ, не мог оторвать от своего? Он всё равно поношенный.

Морок хмыкает.

– От моего плаща невозможно что-то оторвать. Он продолжение маски, чтобы мы могли скрывать не только свои лица, но и волосы и тела, если надо.

Я забываю о боли, с удивлением приглядываясь к материи.

– Это тени, просто очень плотные, сшитые как ткань. Можешь потрогать.

С недоверием и долей страха я протягиваю руку, но сразу отдёргиваю, когда пальцы касаются чего-то невообразимо мягкого, больше похожего на густой туман. Пальцы не провалились в тени, но материя прогнулась, словно воздушная. Я прижимаю руку к груди, не смея касаться теней ещё раз.

– Почему тогда он выглядит таким потрёпанным? – недоумеваю я.

– Не все тени чёрные.

– У каждого Морока разная маска; правда, что их делают специально для каждого?

– Да. Маска отражает то, что прячется под ней.

Его ответ остаётся мне непонятен, но я перестаю спрашивать, вспоминая, что мы ещё в лесу, а встречаться с новой нечистью у меня нет желания. Её и вправду тут много. Морок помогает мне собрать мои кинжалы, потом берёт сумку и корзинку, и мы продолжаем двигаться вперёд к выходу из леса. Больше я не расслабляюсь, а баюкаю свою ноющую от боли руку и вслушиваюсь в посторонние звуки.

Я непроизвольно выдыхаю и начинаю улыбаться, когда нам удаётся покинуть лес без новых приключений. Мы укладываем всё собранное по седельным сумкам, отвязываем лошадей и решаем передохнуть где-нибудь подальше. Ни мне, ни Мороку не хочется отдыхать рядом с лесом, из которого в любой момент могут вылезти новые твари.

На обратном пути в Ярат, оба уставшие, мы говорим мало. В первую ночь я уснула, стоило мне только прилечь, а проснулась на рассвете от того, что меня тряс Морок, предлагая ехать дальше. Весь следующий день и ночь прошли почти так же, и только на последнее наше совместное утро я не спешу вернуться обратно во дворец. К моей радости, Морок меня не торопит, если я пускаю Выюгу спокойным шагом, он не задаёт вопросов и просто подстраивается.

– Ты в самом начале спрашивала меня про Рахмановых. Останешься ли ты с ними, после того как помо-

жешь Николаю? – спрашивает Морок, вероятно, пытаюсь развеять напряжённую тишину, когда до столицы остались считанные минуты.

– Не знаю. Может, они ещё прикажут тебе меня упокоить, когда я не справлюсь, – равнодушно пожимаю я плечами. – А если честно, я мало о них знаю. Тебе есть что рассказать?

– Я тоже знаю немного. Только то, что Дмитрий был хорошим королём, но теперь он слишком стар. Его старший сын – Николай, рождён от первой жены и, говорят, очень похож характером на отца. Простой люд возлагает надежды, что он восстановит мир между двумя странами, закончит то, что не удалось его отцу и вычистит Бесконечный лес, который ты видела, от нечисти.

– Николай и Даниил не родные братья? – уточняю я.
– Единокровные по отцу. Матери у них разные.

Я вспоминаю, что внешне Николай и вправду отличается от Елены и Даниила.

– В какой-то момент был слух, что двойню зачала фаворитка Дмитрия, когда его жена была ещё жива. Правда, вскоре она умерла. И тут до сих пор никто не установил: умерла она своей смертью или её убила та фаворитка, которая пожелала, чтобы её дети не родились бастардами. И так король женился во второй раз.

Я киваю, слушая рассказ, и поправляю повязку на раненой руке. Раны постепенно затягиваются, но пальцы пока слушаются плохо, а вести лошадь левой рукой не столь удобно.

– Но потом, спустя пять лет, и мать Даниила и Елены, которая к тому моменту была королевой, тоже умерла. Лихорадка.

– Незавидная участь у королев Аракена, – подвожу итог я.

Мы замолкаем, потому что впереди в вечерней дымке показывается Ярат. А уже в сумерках у дворца нас, к счастью, никто не встречает, помимо стражи. Морок передаёт мне сумки с вереском и боярышником, забирает данное мне ранее оружие, но прежде чем отвести лошадей в конюшню, он ухватывает меня за локоть и заставляет повернуться к нему.

– Я должен уехать по делам. Возможно, на месяц или чуть больше.

Я поджимаю губы, чувствуя, что не хотела бы вновь оставаться одна. Особенно теперь, зная, что Морок на моей стороне. Но могу лишь понимающе кивнуть.

– Пока меня не будет, постарайся не попадать в неприятности, маленькая Мара.

Вначале я ничего не отвечаю, но когда он разворачивается, чтобы уйти, я вдруг поспешно говорю ему в спину:

– Ничего не могу обещать, поэтому тебе лучше вернуться быстрее!

Как только последнее слово повисает в воздухе, я сжимаю губы, смущаясь, насколько двусмысленно это прозвучало. Мужчина замирает и едва оборачивается, так что я могу увидеть край его маски шакала, а потом кивает.

Ещё недостаточно поздно, чтобы надеяться, что все готовятся ко сну, поэтому по замку я передвигаюсь тихо, почти крадучись, не желая столкнуться с Даниилом. Сейчас я слишком устала, чтобы слушать его сладкие речи, и тем более не в настроении вежливо отвечать. Вначале я отношу вереск и ягоды к лекарю, завтра я приготовлю отвар. А после воровато выглядываю в коридор и, не заметив никого, кроме нескольких стражей, направляюсь в свою комнату.

Оказавшись у себя, я прикрываю дверь и приваливаюсь к ней спиной, закрывая глаза на какое-то время, давая себе время передохнуть. Затем зажигаю свечи, прямо на пол сбрасываю с себя верхний плащ и с трудом стягиваю кафтан, стараясь не тревожить руку. Оставшись в одной рубашке и штанах, я с сожалением смотрю на одежду, лежащую на полу. Три дня назад это были красивые наряды, но теперь у кафтана нужно перешивать рукав, а плащ вообще вряд ли можно спасти.

Я присаживаюсь на край мягкой кровати, чтобы снять повязку и заняться повреждённой рукой, как

дверь комнаты резко распахивается, и я вздрагиваю.

– Прости, не хотел тебя пугать, – Аарон уже тише прикрывает дверь, замечая моё нервное движение.

– И не напугал бы, если бы ты помнил о манерах и сперва постучал.

Парень резко замирает на пути ко мне и потом с недоумением оборачивается на дверь, будто впервые слышит, что в неё нужно стучать. У него в руках миска с водой и чистые куски материи.

– Что ты мне принёс?

– Для твоей руки, – он кивает на моё предплечье, которое всё замотано куском моей мантии. За время путешествия ткань стала грязной, на ней появились пятна земли и крови. Морок несколько раз предлагал перебинтовать руку, но мне не хотелось этим заниматься, поэтому я всегда отказывалась. К тому же раны нужно было промыть и почистить, а тратить воду Морока я не хотела, её и так оставалось немного.

– Как ты узнал?

Аарон хлопает ладонью по мягкому стулу, прося меня пересесть.

– Нам доложили. Ты, может, и крадёшься по коридорам, но королю, Даниилу и мне солдаты рассказали, что ты вернулась. Один из стражей сказал, что видел у тебя перевязанную руку.

Я пересаживаюсь и протягиваю ему руку, позволяя заняться ранами. Сама я собиралась просто снять старую повязку и в лучшем случае промыть руку водой, но раз Аарон предлагает помощь, то не вижу смысла от-

казываться. Парень ставит миску на столик и для себя подтягивает второй стул поближе ко мне. Он садится так близко, что одно моё колено оказывается заперто между его ногами. И куда бы я ни пыталась его переместить, оно постоянно соприкасается то с одной его ногой, то с другой.

– Не дёргайся, – заметив мои метания, Аарон просто сжимает мою ногу коленями, лишая меня выбора.

Я открываю рот, чтобы как-нибудь его задеть, но только шиплю, когда он отдирает кусок ткани, что прилипла к ране.

– Вас в храме не учили, что нужно менять повязки? – недовольно встряхивает головой парень, швыряя первый кусок грязной ткани на стол.

– Решила не отнимать работу у своей няньки. А то ради чего Даниил тебя ко мне приставил?

Невольно у меня вырывается ругань, когда он резко дёргает последний прилипший край. Хочу вырвать руку, но Аарон сильно сжимает пальцами запястье, не отпуская.

– Всё не так плохо. Ты, как всегда, заживаешь, но, похоже, в твоём теле стало больше крови. – Он крутит мою руку, осматривая некрасивые рваные раны.

Он прав, в прошлый раз, несколько недель назад, повязки так не прилипали. Аарон смывает запёкшуюся кровь и грязь, а потом молча перевязывает руку чистой тканью.

– Даниил с отцом на собрании Сената. Он попросил привести тебя в кабинет на встречу с королём, – говорит парень, когда затягивает последний узел.

Я громко и недовольно вздыхаю, понимая, что мой заслуженный отдых опять откладывается. Аарон тихо смеётся, протягивая мне новый кафтан, на который я тоже смотрю с недовольством, но накидываю на себя для вида. Хорошо, что он не предлагает переодеться в какое-нибудь платье, а то я специально пошла бы в своей грязной рубашке.

– Я бы пошутила про свой отдых в могиле, но меня и оттуда подняли, – с недовольным стоном поднимаюсь я и выхожу из своей комнаты вслед за Аароном.

Парень приводит меня в небольшой кабинет, вдоль стен которого стоят книжные полки из тёмного дерева, заставленные фолиантами. В комнате также есть несколько мягких кресел и небольшой столик. Самый внушительный предмет мебели здесь – массивный стол из красного дерева, за которым сейчас сидит король, устало склонив голову над бумагами. Король Дмитрий едва приподнимает взгляд, когда я вхожу. Аарон остаётся за дверью, а Даниил, завидев меня, подходит, чтобы проверить мою руку.

– Ты должна быть аккуратнее, Агата. Не заставляй меня волноваться. – Он натянуто улыбается, сжимая мою ладонь.

Я открываю рот, чтобы ответить, но мою мысль обрывает голос короля.

– Я рад, что ты вернулась целой, Мара. Но мне нужны результаты. Когда Николай проснётся?

Вспоминая, где мы находимся, я забираю руку из ладони Даниила и прохожу вперёд, ближе к столу короля. Принц, небрежно расстегнув свой кафтан, присаживается на одно из кресел, закинув ногу на ногу.

– Завтра я приготовлю отвар, который поможет телу принца набраться сил и хоть немного восстановиться. И вечером попробую укрепить его жизнь. Дальше каждый день нужно будет продолжать поить его отваром и ждать, пока он проснётся, – чеканю я, надеясь, что это единственное, ради чего меня позвали.

– Ты не можешь просто его разбудить?

– Нет, если не хочу, чтобы он умер.

– Проклятие! – Король разочарованно роняет руку на стол, и чернильницы дребезжат. – Мы старались как можно дольше скрывать отравление моего сына от Сената. Как я тебе уже сказал, я не хочу отправлять людей на войну! Но чёртовы сератианцы сделали новую вылазку, их видели на нашей земле. Впервые за долгое время.

– И, кстати, близко к тому месту, где вы были с Моромком. Вам повезло уйти, не встретившись с ними. Гонец принёс весть буквально за час до вашего прибытия, – встречает принц.

– Верно, – продолжает король, – я надеялся, что лес пугает их так же, как и наших солдат. Однако Северин что-то задумал! Мне нужно, чтобы ты разобралась с ним как можно быстрее.

– Я разберусь, но у Николая осталось совсем мало времени. Сейчас я не могу его оставить, – недовольно отзываюсь я и аккуратно двигаю плечом – мышцы спины начали нещадно ныть, прося об отдыхе.

– Через сколько дней он проснётся?

– Если он выживет, то, возможно, через неделю.

– НЕДЕЛЮ?! – ревет король, приподнимаясь со стула, но потом устало падает обратно. – Через неделю у

нас праздник во дворце. 255 лет со дня основания Сената, все его члены будут здесь. Я не могу его отменить...

– Если повезёт, пять дней, – сжалась я, но сокращать срок больше не стану. Лучше не обещать монархам слишком много, а то в итоге достанется именно мне.

– Будем молиться, что так и будет. Мы должны показать Сенату, что Николай жив, а то слухи уже поползли. И если они решат, что в его отравлении и вправду виноват Серат, то я эту войну сдерживать больше не смогу. Можешь идти, – махнул он мне рукой и повернулся к принцу: – Сын! А ты сообщай мне о любом изменении. Если Николай проснётся, я хочу тотчас об этом узнать.

На следующий день утром у дверей меня встречает Аарон, который приготовился мне помогать во всём, даже в чистке ягод. Аарон достаточно спокойный и тихий, когда надо, поэтому я не особо против его компании. Но буквально через полчаса из-за приказа короля к нам присоединяется Даниил, а потом, ещё через час, и Елена, которая узнала, что Даниил и Аарон от меня не отходят.

И теперь трое стали скорее обузой и камнем на моей шее. Они беспрерывно болтают, мешаются под ногами на небольшой кухне, которую я заняла в глубине дворца, чтобы приготовить как можно больше отвара. Отвернувшись от закипающей воды в большом котле, я вижу, что Аарон единственный, кто закончил выполнять порученное задание – отбирать хорошие ягоды от раздавленных – и приступил к нарезанию кореньев острым ножом. Мне такой нож они явно не собираются доверять, поэтому я возложила это задание

на своего охранника. В отличие от него принц и принцесса давно заскучали. Я бы с радостью их выпроводила, но вряд ли они меня послушают, поэтому всё, что мне остаётся, это молча продолжать работать и ловить понимающий взгляд Аарона.

– Тебе чем-нибудь помочь, Агата? – в очередной раз Даниил задаёт бессмысленный вопрос, вставая рядом со мной, и кладёт ладонь мне на спину.

Я едва вздрагиваю, слушая, с каким грохотом Аарон опускает нож, выполняя моё задание, уже хочу повернуться и проверить, не отрубил ли он себе там пальцы случайно, но меня вновь отвлекает рука Даниила, которая опускается ниже.

– Да, я бы не отказалась, чтобы ваше высочество убрал руки подальше от горячего котла и с моей поясицы. – Я добавляю очищенный вереск и мяту, продолжая помешивать. – И то, и другое может быть опасно для вашего здоровья.

Я говорю всё достаточно громко и за спиной слышу смешок Аарона и тихий смех Елены.

– Я говорила тебе, Даниил, что твои ухаживания годятся лишь для тех девиц, что уже сами готовы прыгнуть к тебе в постель.

Принц не просто не убирает руку, но подходит ближе. Встаёт за моей спиной и теперь кладёт подбородок мне на плечо.

– Сестра намекает, что я отвратительно ухаживаю. Тебе неприятно, Агата?

Он шепчет это тихо, прямо на ухо, и по моей спине проходит дрожь. За мной ухаживали лишь несколько

раз: это был совсем простой флирт, переглядывания, меня держали за руки и дарили цветы. Но ни один мужчина не позволял себе придвинуться ко мне так близко. Внутри я разрываюсь между желанием оставить всё как есть и треснуть ему горячей ложкой по голове. Будь мы одни, возможно, я бы позволила ему остаться стоять ко мне так близко. Однако сейчас мне не нравится, что он делает всё это в присутствии Аарона и Елены.

– Мне неудобно, принц.

Даниил сокрушённо кивает и отходит чуть подальше, плечом опираясь на шкаф со специями.

Ближе к полудню отвар почти готов, и я предлагаю своим помощникам, чтобы они пошли и пообедали. Принц и принцесса сразу соглашаются, покидая кухню, Аарон встаёт последний. И он единственный, кого я искренне благодарю за помощь.

Наконец, в тишине я успеваю закончить приготовление, перелить немного отвара в стакан и в одиночку отправиться в комнату Николая. Меня встречают двое стражников у его дверей, но многие во дворце знают, кто я, и мужчины открывают мне двери без лишних вопросов. Николай выглядит не лучше, но, к счастью, и не хуже, чем раньше. Я осматриваю его спину, чувствуя запах шалфея, значит, лекари делали всё, как я просила. Вспоминая рассказ Морока о том, что Николай и Даниил братья лишь по отцу, внимательнее разглядываю его внешность, находя всё больше отличий старшего брата от младшего. Я сама запрокидываю голову принца и вливаю ему в горло отвара, следя, чтобы процесс происходил медленно и он инстинктивно глотал.

Когда я заканчиваю, в комнату приходят мои помощники. Даниила и Аарона я вновь прошу усадить Николая, а сама сажусь за его спиной.

– Аарон, продолжай держать Николая. Даниил и Елена, отойдите немного, чтобы мне было светлее.

– Что ты собираешься делать? – спрашивает Даниил, отходя подальше, как я и просила.

Принцесса следует примеру брата и явно начинает нервничать, хватаясь за рукав его кафтана. Она тербит ворот своего бледно-голубого платья и закусывает нижнюю губу, прижимаясь поближе к Даниилу.

– Укреплять его нити. Это займёт время, поэтому, что бы вам ни показалось и что бы вам ни хотелось сделать или сказать... – я намеренно делаю паузу, обводя всех троих взглядом, останавливаясь на зелёных глазах Аарона, – не делайте и не говорите.

– Я думал, ты будешь делать всё вечером, – вновь начинает принц.

– Да, но я ожидала, что Николаю может быть хуже. Сейчас выглядит он неплохо, поэтому не вижу смысла откладывать. И если повезёт, он проснётся раньше встречи Сената.

– Приступай, – разрешает Даниил.

Аккуратно я прощупываю шею и позвоночник Николая, заставляя нити светиться под моим прикосновением. Здесь тоже ничего не изменилось, две нити всё так же едва мерцают. Очень медленно я поддеваю среднюю, тусклую нить пальцем и слегка тяну на себя, вытаскивая её из тела принца. Вытягиваю лишь немного, чтобы обхватить, сжать её в кулак. Краем глаза

я замечаю, как все напрягаются вместе со мной, одно неверное движение, и я могу её случайно порвать. Но нить, к счастью, остаётся эластичной и, сжав её в кулаке, я тяжело сглатываю, зная то, что решила им не рассказывать. Для меня этот процесс будет не из приятных, потому что совсем скоро она станет горячей, а отпускать нельзя. Я прикрываю глаза, неуверенно и тихо начинаю напевать молитву.

Прошло так много времени, с тех пор как я пела её в последний раз, что сейчас мне приходится выискивать слова из памяти почти вслепую, надеясь, что правильные сами начнут всплывать на поверхность.

Даниил уже слышал, как я пою, и не роняет ни звука. Елена резко зажимает свой рот ладонью, когда слишком громко ахает. Аарон продолжает сидеть молча. Завершив молитву один раз, я открываю глаза и теперь увереннее продолжаю и продолжаю её напевать, растягивая минорные ноты. С каждым разом нить светится всё ярче, всё больше становится похожей на самую правую, ту, что остаётся здоровой. Я морщусь, когда руку начинает жечь, а в воздухе появляется запах горелой плоти. Первым его начинает чувствовать Аарон, замечая, как у меня на лбу появляются капельки пота. Он открывает рот, но тут же закрывает, сжимая челюсти. Я обрываю мотив на середине, когда кожа на моей руке шипит, а толщина нити становится такой же, как и у здоровой, и я аккуратно возвращаю её на место. Повисает тишина, и мои губы дёргаются в слабой улыбке, когда я понимаю, что они продолжают молчать только потому, что не знают, что уже можно говорить.

– Уже можно ругаться.

– Дура! – Аарон зло и быстрее всех реагирует, когда Даниил успеваает лишь рот раскрыть.

– Это всё? – фыркаю я.

– Нет!

Но, к моему удивлению, больше он ничего не добавляет, лишь раздражённо сжимает губы. Даниил опускается на одно колено рядом, осматривая мою ладонь.

– Аарон правильно сказал. – Принц также недоволен и рассержен. – Только вчера я сказал тебе быть аккуратней и не волновать меня.

– Тогда будет лучше, если вы покинете комнату, потому что осталась ещё одна нить.

– Как с такой рукой ты планируешь продолжать, Агата? – шокированно выдыхает Елена, когда подходит ближе, но она сразу отворачивается, заметив почти чёрную полосу вдоль ладони и множество красных волдырей.

Рука выглядит и вправду отвратительно, а пахнет ещё неприятнее. Я пробую сжать или разжать пальцы, но кожа в некоторых местах лопается, и выступает кровь.

– В моей комнате приготовлена специальная мазь и чистая ткань, поэтому буду благодарна, если кто-нибудь обработает и замотает мне руку после того, как я закончу. Аарон, поможешь?

– Помогу.

– А закончу я с помощью своей левой руки. К счастью, у меня их две.

Даниил разочарованно стонет в ответ на мою глупую попытку пошутить и отходит подальше, а Елена предпо-

читает выйти, потому что от запаха её начинает мутить. Аарон не двигается, продолжая поддерживать Николая. Я выдыхаю, собираясь с силами, и аккуратно вытягиваю последнюю нить. Её я также захватываю в кулак, сглатываю ком, который встал в горле от ожидания боли, и вновь затягиваю молитву. В этот раз почему-то требуется больше времени, под конец я цежу слова сквозь зубы, морщась от отвратительного запаха и боли. Кожа шипит, а моя левая рука трясётся. Аарон, наблюдая за мной, напряжённо сжимает пальцы на плечах Николая и расслабляется, только когда я замолкаю. Я возвращаю нить на место и со стоном опускаю левую руку на колени. Пальцы продолжают нервно дёргаться, когда я напоследок оглядываю работу. Теперь все три нити жизни Николая кажутся живыми, сильными и одинаково прочными.

– Я закончила. Аарон, уложи обратно Николая. – Встаю, стараясь сохранять безразличное лицо и не тревожить руки. – Ваше высочество, расскажите королю, что всё прошло успешно. Теперь я буду проверять его каждый день, и всё что нам остаётся, – это ждать.

Принц кивает, а потом поворачивается к своему другу, который укладывает Николая на место и накрывает одеялом. Состояние старшего наследника пока не изменилось, но цвет лица стал чуть лучше, да и дыхание ровнее и глубже.

– Аарон, позаботься об Агате, – это звучит как недовольный приказ, Даниил выходит из комнаты, а я и мой охранник выходим последними.

Молодой человек открывает мне дверь, потому что я ни к чему не могу прикоснуться без приступа боли, и

мы вместе идём в сторону моей комнаты. Всю дорогу мы шагаем молча, хотя я отчётливо чувствую раздражение спутника. Говорить Аарон начинает только после того, как прикрывает дверь моей комнаты и успевает подхватить меня, когда я, привалившись к стене, стала заваливаться набок.

– Я думал, ты в порядке!

На самом деле нет. Боль в ладонях пульсирует так сильно, что у меня нестерпимо болят виски. Хочется плакать и выть от этих ощущений.

– Никогда не показывай слабости перед монаршими особами, – кисло улыбаюсь я, опираясь плечом на его грудь. – Так меня учила наставница, которая, к слову, тоже не любила наследников королевской крови.

– Значит ли это, что мой статус достаточно низок, чтобы мне доверять? – Аарон пытается перейти на наши привычные вопросы с ироничным подтекстом, но сейчас это не походит на шутку из-за его слишком серьёзного лица.

– Ты не светловолосый и не принц, уже целых два пункта в твою пользу.

Парень вновь усаживает меня в кресло и находит на туалетном столике заранее приготовленную миску с чистой водой, чтобы промыть раны, куски ткани и мазь.

– У тебя какая-то особая ненависть к светлым волосам? – интересуется он.

– Что-то вроде того... шш... аккуратнее!

Я болезненно закусываю нижнюю губу, когда он распрямляет мне пальцы на правой руке и кожа вновь

трескается. Ничего не говоря, он встаёт, проходит в маленькую дверь, что ведёт в мою умывальню, и возвращается с ещё одним тазиком с водой. Ставит его передо мной, так же молча хватая меня за запястья и суёт мои руки в ледяную воду. Ладони словно обжигает вновь.

Вначале я кричу, пытаюсь вырваться из его хватки, потом шиплю проклятия, вою и даже прошу отпустить, но Аарон, не меняясь в лице, продолжает держать мои и свои руки под водой. Он вынимает их только тогда, когда моя боль становится тупой, а его собственные руки идут красно-белыми пятнами от холода.

– Нужно было сразу так сделать, – оправдывается он, аккуратно вытирая мои ладони полотенцем.

И опять он прав. Когда в первый раз я делала укрепление нитей, после этого Ирина выволокла меня из дома того человека и так же насильно запихала мои руки в ближайший сугроб. Тогда стояла середина зимы, и я смотрела, как тает снег вокруг моих ладоней, окрашиваясь в красный, и я скулила, прося её меня отпустить.

Я слабо киваю в ответ на его слова, и мои волосы падают вперёд.

– Ты делала такое раньше? – спрашивает Аарон, словно читая мои мысли, но, как мне кажется, он просто пытается меня отвлечь, чтобы продолжить обрабатывать ожоги.

– Да. Один раз. Это болезненный процесс, поэтому мы делаем такое очень редко. К тому же не каждая способна вытерпеть эту боль, а попытка укрепить нити есть лишь одна.

– Как это одна?

– Процесс нельзя прерывать до завершения. Если ошибёшься, остановишься или отпустишь нить раньше времени, то во второй раз это не сработает, сколько бы ты ни пытался.

Он раскрывает баночку с мазью, и в нос мне ударяет запах алоэ. Я дёргаюсь, когда парень начинает размазывать прохладную мазь по повреждённой коже на правой руке. Его левая ладонь, которой он поддерживает мою руку снизу, кажется такой тёплой, что невольно я расслабляюсь и продолжаю рассказывать:

– Мне было пятнадцать, за окном стоял морозный январь. Недалеко от храма был город Зарич. Небольшой такой, скорее даже деревня. Не знаю, существует ли он до сих пор.

– Существует. Теперь это и вправду город, – сразу отвечает Аарон.

Я киваю, чувствуя, как внутри разливается тепло, что он внимательно слушает, хотя занят перевязкой.

– На всю деревню был только один лекарь Алексей. Ему было около сорока, но почти все его волосы к тому времени поседели. Мары не раз к нему обращались, а я знала его с тех самых пор, как стала одной из них. Он был добр ко мне, относился как к любому другому ребёнку, несмотря на алый плащ. А яблочный пирог его жены был лучшим из тех, что я пробовала.

Заметив, как губы Аарона растягиваются в улыбке, я смущаюсь своей откровенности и возвращаюсь к более простому рассказу без этих эмоциональных подробностей.

– Он был добрым человеком и лечил всех, кому мог помочь, даже если ему не могли заплатить. Той зимой

он сам подхватил тяжёлый грипп от одного из своих пациентов. С болезнью Алексей справился, но это подкосило его здоровье так, что он с трудом передвигался. Среди Мар только самая старшая, Кира, и моя наставница, Ирина, могли укрепить нити, но почему-то Ирина решила, что я тоже смогу. А нет способа проверить... кроме практики.

На последних словах я спотыкаюсь, вспоминая страх, что не удержу нити Алексея и он умрёт из-за меня. Только тот ужас, охвативший всё моё сознание, помог забыть о боли и держаться до самого конца.

– Ты справилась?

– Да.

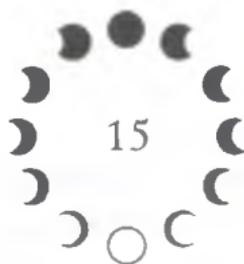
– Он прожил долгую жизнь? – Аарон бережно замахивает мою вторую руку.

– Надеюсь, – он поднимает на меня взгляд, удивлённый моим неуверенным ответом, а я грустно улыбаюсь, пожимая плечами, – я умерла раньше.

– Готово, – парень укладывает мои забинтованные руки мне на колени. – С Николаем ты закончила, меч ещё какое-то время точно держать не сможешь, Морок уехал, и впереди у тебя свободная неделя, – задумчиво перечисляет он, а я с недоумением смотрю на собеседника, не понимая, к чему он ведёт.

– Значит, тебе ничего не остаётся, кроме как наслаждаться моей компанией всю неделю.

Смотря, как его губы медленно растягиваются в наглой улыбке, обнажая белоснежные зубы, я вспоминаю о словах сестры про улыбку, от которой тяжело оторвать взгляд.

Как оказалось, Аарон не пошутил о своём намерении быть всё время рядом и развлекать меня всю неделю. На следующий же день прямо с утра он ждал меня за дверью моей спальни, я столкнулась с ним нос к носу, когда выходила.

– Готова?

Служанки, которые вышли вслед за мной, испуганно подскочили от голоса молодого человека. Заметив их, парень улыбнулся и кивнул в знак приветствия.

– Разве ты не завтракаешь в это время с Даниилом и Еленой? – приподнимаю я бровь.

– Завтракаю, – согласно кивает он, – но сегодня Даниил занят, поэтому я решил, что тебе захочется составить мне компанию.

– Я уже немного поела, – аккуратно отвечаю я, зная, что Инна и Марина всё ещё рядом.

– Тогда можешь посмотреть, как ем я, – не уступает тот и, игнорируя мой возмущённый вид, взмахивает рукой в знак, чтобы я следовала за ним.

Я открываю рот, чтобы отказаться от его приглашения, которое таковым и не является, но Инна ненавязчиво подталкивает меня в поясницу, заставляя сделать несколько шагов.

– Идите, госпожа! Аарон добрее, чем кажется.

Я с удивлением оборачиваюсь к ней.

– Откуда ты знаешь?

– Он хоть и друг принца, но вежлив со всеми из прислуги. Многих знает по именам.

Положившись на мнение девушки, я иду вслед за молодым человеком. Из-за забинтованных рук утром я не смогла нормально справиться с пуговицами рубашки, поэтому служанки надели на меня платье с длинными, широкими рукавами. К моему удивлению, весь верх, включая корсет в золотой вышивке и кружевах, и только юбка алая.

– Расскажи мне о себе, раз приходится сидеть с тобой, – начинаю я, когда мы вновь садимся за уже знакомый стол на небольшой кухне.

В этот раз помимо нас здесь ещё несколько служанок, которые подают Аарону завтрак. Сегодня он в чёрной рубашке и чёрном кафтане, обильно украшенном серебряной вышивкой. Разглядывая его одежду, отмечаю, что несколько верхних пуговиц на рубашке он, как всегда, не застегнул. После моего вопроса Аарон запускает руку в свои тёмные волосы, задумчиво разглядывая кашу с фруктами перед собой.

– У тебя есть конкретные вопросы или мне начать с самого начала?

Он берёт ложку в руку и дожидается, пока слуги покинут кухню, оставляя нас одних. Я не давлю, понимая, что он не желает делиться всем при свидетелях.

– Расскажи о чём хочешь. Может, у тебя тоже есть младшая сестра? – ненавязчиво начинаю я.

– Есть. Только не сестра, а брат. – Парень быстро заглатывает несколько ложек каши.

– Вы с ним близки? – Я упираю локти в стол и кладу подбородок на руки, мило улыбаясь, всем видом показывая, что готова выслушать увлекательную историю, раз уж мне отсюда не уйти, пока он не доест.

Аарон поднимает на меня растерянный взгляд и начинает неловко кашлять, прикрывая рот рукой. Не знаю, что его так удивило, но я ещё больше расплываюсь в улыбке.

– Не... не особо, – выдавливает он, когда кашель прекращается. – С десяти лет я виделся с ним мало. Родители хотели, чтобы я стал ближе ко двору, считали, что моё место возле короны, поэтому всегда отправляли учиться в столицу. Домой я возвращался раз в несколько лет, и то на короткий срок.

– Твои родители погибли?

– Да.

– А брат?

– Брат жив и живёт в нашем поместье под присмотром дяди. В последний раз я виделся с ним, когда Даниил ездил за тобой, а еще год назад я на четыре месяца уезжал домой. Слышал вести, что дядя захворал. До этого я виделся с ним сразу после смерти родителей, приезжал его проверять.

– Ты любишь своего брата? Или вы слишком отдалились?

– Люблю, он и дядя – единственная семья, что у меня осталась.

– А какой у тебя дядя? – тут же задаю я новый вопрос.

Молодой человек внезапно криво улыбается, вновь принимаясь за еду. Я терпеливо жду, пока он всё прожует.

– Дядя у меня хороший человек, но несколько лет своей молодости жил на широкую ногу, ни в чём себе не отказывая. К счастью, денег у нас достаточно, но, когда я понял, что мне придётся оставить брата на попечение такого разгильдяя, я начал переживать. Но, к моему удивлению, наше поместье всё ещё цело, а он оказался достойным опекуном. Долгое время он был одиночкой, семью так и не завёл.

– Ты ведь завершил обучение в академии. Почему не вернёшься к брату?

– Пока не могу, у меня есть причины задержаться в Ярате.

Аарон замолкает, продолжая завтракать. Я ещё какое-то время пристально наблюдаю за ним, ожидая продолжения, но он делает вид, что не замечает моего внимания. История у него вышла скучная, я ожидала что-нибудь поподробнее, но не рискую расспрашивать ещё больше. Всё-таки мы не друзья, это его жизнь, и я не имею права в неё лезть. Ко мне с расспросами он тоже не лезет. Но почему-то внутри поднимается разочарование, я откидываюсь назад на спинку стула, задавая вопрос, который не планировала когда-либо задать. По крайней мере, не в той форме, в которой он вырвался из моего рта:

– У этой причины, случайно, не карие глаза и приятный смех?

Аарон опять не доносит ложку до рта и с недоумением поднимает на меня взгляд. Глаза бегают по моему лицу, вижу, как он усиленно пытается понять, о ком я говорю. Ему требуется около десяти секунд, и только потом появляется осознанность в глазах. Парень медленно опускает ложку в почти пустую миску.

– Что скажешь, если у этой причины милый смех и светло-голубые, почти прозрачные глаза? – уголки его губ дёргаются вверх.

– Скажу, что это бред.

– Вот и на твоё предположение я отвечу тем же. Но мне приятно.

Он так быстро доедает кашу, запивая её чаем, что я успеваю задать следующий вопрос, только когда он уже встаёт на ноги:

– Что приятно?

– Твоя маленькая, но ревность.

– Я не... – возмущённо начинаю я.

– Шшш! – Он прикладывает палец к губам, и я замолкаю, напряжённо оборачиваюсь и прислушиваюсь к слабому шуму, который доносится из коридора.

Где-то во дворце слуги и стражи занимаются своими делами, ничего необычного, а когда вновь поворачиваюсь к Аарону, тот хитро улыбается, что ему так легко удалось перевести тему и сбить меня с толку.

Одним завтраком всё не ограничивается. Аарон таскает меня с собой повсюду последующие три дня. Я составляю ему компанию за завтраком и ужином. В

обед я проверяю Николая, а мой охранник проводит время с принцем и принцессой. Временами я смотрю, как Аарон и Даниил тренируются. Так же Аарон проводит мне подробную экскурсию по всему дворцу. Он показывает мне длинную галерею семейных портретов Рахмановых, где к середине я уже устаю смотреть на похожих друг на друга родственников. У большинства либо голубые, либо карие глаза, волосы от очень светлых до русых, за редким исключением кто-то обладал каштановыми волосами. Немало родственников Даниила имели такие же аккуратные черты лица, как он и его сестра. Потом мне наскучивает, и Аарон показывает мне сады. Сейчас, на пороге зимы, они выглядят совсем скудно, без яркой зелени и цветов, а фонтаны и вовсе молчат, высушенные.

Иногда я сбегаю от своего охранника, сворачивая в один из многочисленных коридоров, пока он идёт впереди, увлечённый собственным рассказом. Но каждый раз Аарон достаточно быстро меня находит, ориентируясь во дворце как у себя дома. А если даже от компании Аарона мне удаётся отдохнуть ближе к вечеру, то эстафету сразу принимает Даниил, принося подарки или продолжая свои уже привычные ухаживания.

На четвёртый день Аарон вновь с лёгкостью находит меня в библиотеке, где я скрываюсь от него среди многочисленных полок. В тот момент я сижу за одним из длинных столов, медленно листая книгу с легендами о Марах, которую нашла на полке. От книги пахнет старостью и пылью, страницы пожелтели, хотя алый оттенок краски на иллюстрациях, где изображали Мар

в плащах, остаётся всё таким же насыщенным. Заметив красный корешок с выведенным на нём золотыми буквами названием, я вначале прошла мимо, не желая вспоминать о своём конце, но, сделав всего пять шагов, замедлилась и, помявшись на месте, вернулась за книгой. Мне стало интересно, что такого Даниил нашёл в историях о нас. Что писали о моих сёстрах? Как свидетели рассказали потомкам историю моей сестры и предательство принца Серата? Но начала я с самого начала, пытаюсь найти что-то о связи между Марами и Мороками. Есть ли какие-то упоминания о том, как Морана связана с Тенью? Хотя эта книга больше напоминает собрание легенд или сказок, чем сборник реальных фактов.

– Вот ты где, – Аарон садится напротив меня. – Нашла что-нибудь интересное?

А когда я ничего не отвечаю, продолжая аккуратно листать книгу, лежащую передо мной, парень наклоняется через стол, пытаюсь прочитать текст.

– Ах! Книга о Марах. Та, что так любит Даниил. Уверен, он каждую историю наизусть знает. А я почти не читал.

– Почему? – Я поднимаю на него взгляд.

– Хм... ты права. Давай посмотрим, что написали о тебе! – Расплываясь в улыбке, он резко дергает книгу на себя. Я пытаюсь схватить её, но не успеваю и вою, когда слишком сильно бью ранеными руками по столу, где ещё секунду назад лежала книга.

– Аккуратнее, дорогая Агата, – тянет Аарон с приторным беспокойством, подражая Даниилу, и в от-

вет получает от меня ругань, но его улыбка становится лишь шире.

– Не волнуйся. Я прочитаю вслух. – Он начинает активно листать страницу за страницей, уходя всё дальше к концу книги. – Так. Легенда об Ольге, Диана, единственная среди Мар с другим оттенком волос, знаменитая Сильвия, Мара по имени Аделя... здесь про то, как она продлила жизнь одного из королей Серата, – Аарон перечисляет без остановки, а я слабо киваю, зная эти истории. – Хм... здесь история про Мару и... Морока.

– Что? – прихожу в себя я.

– Они... любили друг друга.

– Как это любили?! – Я тяну руку, пытаюсь выхватить у него книгу, но Аарон отклоняется, не прерывая чтения.

– *«...Мара по имени Дана нашла тяжело раненного Морока в лесу, и не смогла она пройти мимо, сожалея о судьбе его, ведь у Мары всегда есть сёстры, а Мороки, закончив обучение, остаются одни. Сняла с него маску Дана, чтобы осмотреть рану, что была на шее, и вылечила она его втайне от своих сестёр, не зная, как те воспримут. Но полюбил Морок Мару и не захотел с ней расставаться, а Дана, хоть и полюбила его в ответ, но помнила о запрете на семью. Не хотела она лишать Морока шанса на будущее с кем-то, потому что у Мороков такого запрета нет. Пыталась она его прогнать, но тот не отступал, став её тенью, что защищала её не только от тварей, но даже от дождя и печали. Не выдержала Дана, готовая ради Морока бежать от судьбы своей, отмеченной богиней. Одна-*

ко вспомнила о доле сестёр своих, что решила оставить позади, и рассказала Дана им всю правду, всё как есть, решаясь выйти на свет перед судом её семьи. А сёстры её...»

Аарон хмурится и задумчиво закусывает нижнюю губу, продолжая увлечённо читать про себя. Я вновь в нетерпении дёргаюсь за книгой, но парень снова уклоняется.

– Что они сказали?

– Они разрешили. Потому что «... не было ранее такого, чтобы Мара и Морок захотели быть вместе. Оба они не простые люди, а особенные. И сёстры не отказали Дана в благословении, а дали его охотно, радуясь, что хоть одна из них нашла счастье в их непростой доле. С тех пор тот Морок обрёл дом, жил вместе с Марами и охранял их всех, как своих собственных сестёр. Так, спустя десять лет, он и погиб, защищая нескольких Мар, и оплакивали они его словно родного брата, а Дана ушла вслед за ним».

Я немигающим взглядом смотрю в лакированную столешницу, внимательно разглядываю узор на поверхности, созданный из разных сортов дерева. Мои мысли далеко, а во рту появляется неприятный привкус пепла. Дана повезло, так как везло лишь единицам из Мар, десять лет счастья. Для нас это так много, но, несмотря на всё, это и слишком мало.

– Кажется, вот это про тебя... Глава «Последние Мары».

Я вновь возвращаюсь в действительность, когда Аарон перелистывает ближе к концу книги.

Почему-то внутри у меня всё сжимается от смущения, что там может быть написано что-то личное, хотя в моей биографии нет ничего, чего я могла бы стыдиться. Но всё равно напрягаюсь, ожидая, что он может узнать что-то, чем я бы не хотела делиться.

– Здесь небольшая сводка вначале. Вот и ты: *«Агата, чёрные волосы, светло-голубые глаза, стала Марой после смерти предшественницы Анастасии, что умерла по естественным причинам от старости. Кровная и старшая сестра следующей и самой последней когда-либо жившей Мары – Анны. Бывшие служительницы храма описали Агату как красивую девушку с упрямым сердцем, что усердно училась, занимаясь каждый день, чтобы стать лучше ради защиты своей собственной сестры.*

Поговаривают, что первых своих упырей она убила в одиночку в возрасте тринадцати лет, это рассказали дети, что заблудились в Бесконечном лесу. Они поведали о том, как наткнулись на двух мертвецов и бежали куда глаза глядят, пока не наткнулись на Мару, собирающую грибы. По их описанию, она была едва ли старше их самих и при ней был только небольшой нож. Марам запрещают сражаться до шестнадцати лет, считая их неготовыми. Но та не убежала, а защитила деревенских детей, которые клянутся, что видели, как...»

На лбу Аарона появляется несколько морщин, пока он читает дальше про себя. Я закусываю щёку изнутри.

– *«...как одному из нежити она разорвала нити своими руками, потому что потеряла нож после*

убийства первого. Мара рассказала детям, в каком направлении идти, чтобы выйти в ближайшую деревню, но имени своего она так и не раскрыла, хотя позже было установлено, что к тому моменту лишь одна из Мар была подходящего возраста и имя её – Агата». Это всё – правда?

Рассказчик описал всё достойно и сухо, но там, конечно же, ни слова о том, что стоило детям уйти, и меня стошнило от смрада крови упырей, что покрывала мои руки. А потом я плакала от боли в разорванной руке из-за нитей и скулила, когда мне зашивали ладони служительницы в храме.

Но я всё равно удивлённо смотрю на Аарона, слушая, как он читает. Я не рассказала всю историю даже Ирине, потому что нарушила правило. Я должна была убежать, а не драться. Хотя они легко могли догадаться по отметинам на руке.

– Почти. Хотя на деле всё было не так просто.

Я разглядываю забинтованные ладони и только сейчас понимаю, что все мои старые шрамы пропали. После нитей раны всегда аккуратные, хоть и глубокие, заживают они, не оставляя уродливых рубцов, но и не пропадают бесследно. Раньше у меня на ладонях были полосы более светлой кожи, что служило напоминанием, сколько раз я использовала руки вместо стали. После оживления все шрамы пропали, словно моё тело полностью обновилось. Аарон переворачивает несколько страниц и вновь начинает читать:

– *«Рассказывают, что она пришла одна. Скиннула с плеч чёрный плащ, чтобы взамен накинуть алый,*

явив стражам, что встали перед ней, свою настоящую суть. И люди ахнули за её спиной, слушая, как она приказывает им позвать принца, что убил её сестру – одну из отмеченных самой Богиней. Толпа роптала вместе с ней, чувствуя ярость и глубину её горя, пока холодный ветер трепал её тёмные волосы. И вытащила она оружие, получив отказ. Одна против нескольких десятков...» – Аарон вновь замолкает, пробегая глазами моменты моей смерти, я решаю, что дальше вслух он продолжать не станет, но молодой человек вновь тихо начинает читать:

– «...Последняя из Мар – Агата, умерла в шаге от своей мести, смертью столь жуткой, что принц Серата Ариан сам вытащил каждый из трёх мечей, что пригвоздили её тело к дверям. Сам уложил её тело на пол, заворачивая в его же королевскую мантию, и стражи, что стали свидетелями, говорят, что он ещё долго сидел с её телом, прося прощения, и клялся он при всех, что Анны он никогда не трогал...»

Слушая последние строчки, я не злюсь, но и ничего особенного не чувствую, только хмыкаю, а Аарон поднимает на меня взгляд.

– Принцу стоило сказать всё это мне в лицо, до того как все мои сёстры погибли.

– Ты бы ему поверила?

– Я бы его выслушала, а потом убила. Это было бы честно, и остальные мои сёстры остались бы живы, – морщусь я, понимая, что было множество вариантов развития событий, которые могли сохранить им жизнь, но всё произошло так, как произошло.

– Вижу, твоя ненависть ни капли не ослабла, даже спустя столько лет, – Аарон закрывает книгу и с тихим шорохом пододвигает её ко мне по столу.

– Для меня этих двухсот лет словно и не было, – отвечаю я, подтягивая книгу к себе. – Для меня словно всё произошло совсем недавно.

– Неплохая книга, – с долей равнодушия выносит вердикт собеседник. – Но Даниил говорит, что есть особенная.

– Особенная?

– Да, настоящий сборник с самой достоверной информацией о Марах и Мороках, – серьёзно кивает Аарон. – Книгу эту написал некий Малахий Зотов спустя сто лет после вашего исчезновения. Называется она «Забытое о Марах и Мороках», и Даниил узнал, что в ней содержится множество действительно достоверной информации, но найти труды Зотова ему так и не удалось. Автор написал лишь пару экземпляров, и кто знает... может, они давно сгинули.

– ГОСПОЖА! Госпожа! – запыхавшись, Марина ударяется об угол нашего стола.

Служанка тяжело опирается рукой на столешницу, мы терпеливо ждём, пока она сможет выдать из себя слова. Судя по всему, она уже давно бежит в наших поисках.

– Его высочество... очнулся! Вас зовут! Нигде не могут найти.

Мы с Аароном переглядываемся, и, скрипя стульями, оба вскакиваем на ноги, понимая, что она говорит о Николае.

– Что с ним такое, Мара? – сразу накидывается на меня король, как только я вхожу в комнату принца. – Он очнулся, но сонный, бормочет что-то!

В комнате собралась целая толпа, король с тремя стражами, няня и лекарь, Даниил и Елена, а теперь ещё я и Аарон. Проигнорировав вопрос, я присаживаюсь на кровать, чтобы осмотреть Николая. Он вяло реагирует на всё происходящее, но его зрачки сужаются и расширяются, хотя принц недовольно мычит, когда я касаюсь его века.

– Прикройте шторы, принесите воды и жидкой еды вроде каши, – прошу я няню, а потом кричу ей вслед, когда она уже была у дверей, – не горячей!

Потом я вновь проверяю Николая, его пульс, состояние мышц. Говорит он с трудом, но это нормально. Все в напряжении ожидают моего вердикта, и я поворачиваюсь к королю.

– Принц здоров, но сразу вскочить с кровати он не сможет. Ему нужно время, чтобы оправиться и прийти в себя. Сейчас в лучшем случае мы успеем его напоить, и он снова уснёт. Однако с каждым пробуждением ему будет всё лучше.

Я приподнимаю голову принца и подношу к его губам свой отвар, не сразу, но он делает несколько глотков.

– Через два дня здесь соберётся Сенат. Он будет готов к этому моменту? – упрямится Дмитрий.

– Встать вряд ли. Говорить, возможно, он сможет. Если повезёт, будет сидеть. Если вам нужно доказать, что он жив, расскажите Сенату, что он заболел, и при-

ведите сюда кого-то одного для демонстрации. Не стоит приводить всех.

– Это хорошая идея, отец, – поддерживает меня Даниил.

Николай ещё какое-то время бессвязно бормочет, а потом затихает, вновь проваливаясь в сон.

– Хорошо, так и поступим! Мара, ты тоже приглашена на праздник. Я хочу показать Сенату, что ты реальна, и обсудить с ними наш план на Северина, – бросает король, не спрашивая моего мнения. Он поправляет мундир и выходит из комнаты вместе со своими двумя стражами.

– Бедный наш старший брат, – Елена присаживается на край кровати, откидывает назад светлые волосы и берёт руку брата в свои, – но теперь он очнётся, и всё станет как прежде.

– Удвойте стражу у дверей этой комнаты, – приказывает Аарон оставшемуся стражу, и тот уходит исполнять.

– Верно, – задумчиво подтверждает Даниил, а потом обращается к девушке-лекарю, что осталась тихо стоять в углу: – Позаботьтесь о моём брате, следите, чтобы в комнате всегда кто-то был и чтобы здесь всегда была еда и вода на случай, если он проснётся. Чтобы было всё, что может понадобиться. Если что-то пойдёт не так, сразу зовите меня или Агату.

– Хорошо, ваше высочество.

– Тебе нужно ещё что-то сделать? – поворачивается ко мне принц.

Сегодня его волосы убраны назад, а мундир наглухо застёгнут, он непривычно серьёзен, но стоит ему улыбнуться, и лицо вновь становится мягче.

– Нет, теперь ему нужно лишь время.

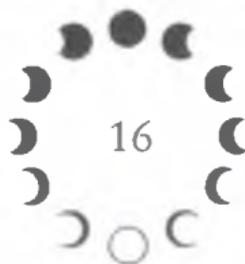
– Аарон, раз Агата будет на празднике, то и тебе нужно будет пойти. Составишь компанию Елене?

Аарон с полным спокойствием быстро кидает взгляд на принцессу и кивает, соглашаясь.

– Конечно.

– Замечательно, тогда, Агата, ты не возражаешь против моей компании? – Даниил подходит ближе, но подобный вопрос от королевского отпрыска и не вопрос вовсе, также как и фраза Аарону, сказанная ранее, не была просьбой вовсе.

– Нет, ваше высочество, не возражаю.

Следующей ночью мне снится, как вместо меня Анна врывается во дворец в Ашоре и рыщет по коридорам в жажде найти Ариана и отомстить за меня. Я вижу, как она умирает, так же, как я, с тремя мечами в теле, прибитая к двери парадного зала, а кровь льётся из её рта на ковёр. Она всё ещё в сознании, когда из этого же зала выходит принц, так похожий на Даниила. На его лице столько боли и отчаяния, когда он дёргает один из мечей, но ему удаётся вытащить его только с третьего раза. Никто из стражи не решается ему помочь, пока он разбирается с остальными мечами. Потеряв опору, тело моей сестры грузно валится на пол, и никто не успевает его подхватить. А принц заворачивает её в свою королевскую мантию и клянётся, что никогда её не трогал.

Я просыпаюсь от этого кошмара, ворочаюсь, жду, пока остатки сна сгинут из моей памяти, но стоит закрыть глаза, как я вновь оказываюсь рядом с мёртвой сестрой.

Судя по высоко стоящему серпу луны, сейчас лишь первая половина ночи и до рассвета ещё далеко. Поверх ночной сорочки я накидываю тёплый халат и выхожу в коридор. Сейчас в темноте эти стены ещё сильнее напоминают о дворце в Ашоре и о моём сне. Я иду вперёд в поисках любой террасы или балкона, на который можно выйти и проветрить голову, а потом вспоминаю о картинной галерее, где Аарон показал мне балкон. Я нахожу её достаточно быстро на третьем этаже, но замираю на пороге, когда чувствую, как холодно в помещении. Здесь темно, горят лишь несколько массивных подсвечников в центре комнаты на мраморных столах, а балконная дверь распахнута. Я плотнее кутаюсь в халат и замечаю человека, сидящего ко мне спиной на одном из диванов в центре комнаты.

Даниил сидит напротив портрета своего старшего брата, но не смотрит на него, а, наклонившись вперёд, упирается локтями в колени. Он свесил голову вниз, так что его растрёпанные светлые волосы скрывают большую часть лица. Он замечает моё присутствие, только когда я тихо прохожу в другой конец и закрываю балконные двери. Я от такого холода не умру, а вот принц может слечь с серьёзной простудой или чем по-серьёзней.

– Это ты, Агата. – Он слабо улыбается, откидываясь на спинку дивана с бархатной обивкой.

Даниил в простых чёрных штанах и наполовину расстёгнутой белой рубашке. Вероятно, он сам поднялся с кровати после плохого сна или не ложился вовсе. Я стараюсь не смотреть на его неприкрытую кожу груди и сама сажусь рядом.

– Здесь слишком холодно для вас, принц.

– Зови меня уже просто по имени, – с разочарованием выдыхает он.

– Что вы здесь делаете, Даниил? – Я не упрямлюсь и перехожу на его имя.

– Думаю. А что ты делаешь так поздно?

– Мне приснился кошмар. – Я тоже откидываюсь на спинку и смотрю на огромный портрет Николая в парадном мундире.

Старший принц изображён до пояса, его русые волосы аккуратно забраны назад, вокруг глаз собрались едва заметные морщинки, и он сдержанно улыбается художнику и всем будущим зрителям.

– Мне стоит поблагодарить тебя за возвращение моего брата. Ты и вправду смогла его спасти, – Даниил, как и я, смотрит вперёд на портрет, однако в его голосе больше усталости и какой-то печали.

– Но вы планировали меня оживить задолго до того, как Николай был отравлен, верно?

Я понимаю, что он удивлён, только по длительной заминке перед ответом. Вероятно, принц думает о том, стоит ли соврать или сказать правду. К счастью, выбрал второе.

– Да.

– Зачем?

– Может, Елена права, и я влюбился в тебя, – вымученно хмыкает он, глядя в пол.

Если бы он улыбнулся и посмотрел мне в глаза, как делал это всегда. Если бы взял мою руку в свою при этих словах, я бы, скорее всего, поверила. Но сейчас я чувствую, что это лишь полуправда и там есть что-то ещё.

– В наши первые дни вы обещали стереть Серат с лица земли ради меня.

Даниил тихо и натянуто смеётся.

– Удивлён, что ты помнишь. Теперь у меня нет никакого выбора, кроме как выполнить обещание за твою боль и за моего брата. После того как ты насладишься своей мстью, убив Северина, мы сделаем Серат частью Аракена. Правление Ласнецовых будет окончено. – Он описывает мне свой план без былой бравады и хвастовства, скорее как повседневные и порядком утомительные дела, которые нужно выполнить.

Я киваю, но после сна в голове и в сердце так пусто, что и я не чувствую былого удовольствия от будущей мести.

– В чём ваша ненависть, принц? Почему вы против мира с Сератом?

Молодой человек расслабленно укладывает одну руку вдоль спинки диванчика, он шумно и медленно выдыхает, обводя взглядом помещение. Раздумывает над ответом.

– Ласнецовым удивительно всё легко даётся, а в ответ... они всё ломают, – начинает он, возвращая своё внимание ко мне. – Они убили Мар, оставив людей беззащитными перед нечистью, с которой теперь некому справиться. Но сератианцы если и не простили своих правителей, то не восстали против них. Серату было дано выгодное условие – казнь одного Ариана взамен на мир, но они и тут отказались, решая ввергнуть обе страны в войну. Северину была предложена Елена – са-

мая красивая принцесса в качестве невесты, а он так просто отмахнулся. Иногда я думаю... получили ли они хоть немного по заслугам за то, что сделали, или рок обошёл их стороной? Заслужили ли они такую удачливую судьбу, разрушив старый мир, где среди простых людей ходили отмеченные самой Богиней?

Сейчас принц выглядит удивительно молодо, на свой девятнадцатилетний возраст. Он словно молодой человек, что верит в рассказы о былых днях, наполняя их каким-то сокровенным и загадочным смыслом. Проблема в том, что он слышал лишь о легендарных Марах и таинственных подвигах. Слышал о девушках с особенными судьбами и красивыми лицами. Я помню найденную книгу, и там ни слова о десятках Мар, погибших неизвестными под когтями жутких тварей, от одного вида которых уже тошнит. Никто, даже я, не знает, сколько нас погибло просто так, потому что мы были недостаточно быстры. За свои девять лет в храме я так ни разу не решилась спросить у Ирины и Киры, сколько же сестёр они успели потерять до того, как я присоединилась к Марам.

– Вы, принц, действительно считаете, что раньше было лучше? – без какой-либо насмешки спрашиваю я, но продолжаю, не дожидаясь его ответа. – В своей жизни я не помню подвигов или восхитительных побед, но я помню запах упырей, вкус застоявшейся воды в озере, в котором меня однажды чуть не утопили мертвецы. Помню одинаковые, похожие друг на друга дни в храме за тренировками и обучением, а также мысли, что впереди у меня вся жизнь такая.

Даже тень улыбки исчезает с лица Даниила, он слушает внимательно, но я благодарна тому, что не вижу жалости на его лице. Жалость – это последнее, что мне нужно.

– Думали ли вы, сколько Мар погибли бесславно, без какой-либо великой цели? Кто знает... может, я бы стала одной из них.

– Может быть, но в итоге твоё имя знают все, – тихо отвечает молодой человек.

– Но какой ценой? Пять моих сестёр погибли из-за моего решения отомстить. Если бы я не отправилась к дворцу Ласнецовых, то они бы прожили свои жизни. И... может быть, были бы счастливы.

– А возможно, погибли бы чуть позже, – возражает Даниил.

– Возможно, – соглашаюсь я.

– Однако ты никогда этого не сможешь узнать, потому что время не повернуть вспять. Так же, как и я не узнаю, как бы выглядел мой мир, будь Мары живы.

Я едва заметно улыбаюсь, замечая упорство в его взгляде. Может, мои слова и посеяли хоть небольшую долю сомнения, но он из тех, кто не поверит всей душой, пока не увидит.

– Останешься ли ты, Агата, со мной, чтобы посмотреть, как я разрушу их дворец? Как отомщу за всё?

Я резко поворачиваюсь к Даниилу, когда он подсаживается ближе и берёт меня за руку. Аккуратно, чтобы не тревожить ладонь. Он так внимательно смотрит на меня, а в глубине глаз надежда на желанный ответ. Её так много, что мне хочется сказать «да» и утешить

его, пообещать, что я останусь. Но я не знаю пока, чего именно хочу. Иногда я раздумываю попросить Морока не возрождать меня, а вернуть в могилу после моей мести. Дать мне, наконец, отдохнуть, потому что все, кого я любила, давно в земле. *Ради кого мне жить?*

– Ради кого мне жить? – этот вопрос так потрясает меня, что я неосознанно повторяю его вслух, тихо, но принц слышит.

– Живи ради меня, Агата. Дай мне стать тебе для начала другом, а потом, возможно, кем-то больше. Прошу, дай мне этот шанс. Хотя бы попробуй. – Меня трогает его тихая мольба, такая искренняя беззащитность. Никто никогда не просил меня о таком, никто никогда не искал моего внимания. Поэтому я не отстраняюсь, когда Даниил обнимает меня за талию и утыкается лбом мне в плечо. Я даже наслаждаюсь этой незнакомой мне близостью и усталым откровением, которое он может себе позволить наедине посреди ночи, пока никто не смотрит.

Я вспоминаю, с каким напускным безразличием он говорил своему отцу, что Серат не воспринимает его всерьёз. Как притворялся спокойным, когда Северин отверг сердце его сестры. Как остаётся ко мне добрым, даже если я отталкиваю его раз за разом. Принц, что рос в тени своего старшего брата, как я жила в тени красоты своей сестры, и никто не обращал на меня внимания, если мы шли с ней вместе.

– Ты всё так же пахнешь лавандовым мылом, что я тебе подарил, – тихо выдыхает он, а потом касается губами моей шеи, оставляя несколько поцелуев.

Меня бросает в жар, а потом в холод, я каменею от этого приятного чувства, а в горле всё сохнет так, что я не могу даже сглотнуть. Я вновь могу дышать, когда Даниил сам отстраняется. Его щёки покрываются слабым румянцем, пока он просит прощения. Возможно, он думает, что я злюсь, потому что продолжает избегать моего взгляда, когда помогает мне подняться и ведёт меня в мою комнату. А я не сопротивляюсь, не в состоянии выдавить и слова из-за странного и незнакомого тепла во всём теле. Оно меня немного пугает, и я вспоминаю о Мороке. Вдруг мне кажется, что я могла бы спрятаться от всех этих незнакомых чувств в спокойствии его плаща из теней. А потом вспоминаю Аарона, пока первого во всём дворце, кому я хоть немного доверяю, который ничего от меня не ждёт. Но в первую очередь он друг Даниила, подчиняется короне, и я не уверена, что могу на него положиться.

В день юбилея основания Сената я стараюсь не выходить из комнаты. Меня нервирует суета в коридорах, которые полны слуг и стражи, готовящихся к празднику. Я вышла только утром, чтобы проверить Николая, который просыпается всё чаще, проводит в сознании не меньше четырёх часов и только потом засыпает. Время его бодрствования всё увеличивается. Он узнаёт родных, может связно говорить, есть лёгкую пищу и даже сам сидит. Мы с ним много разговариваем о разном и незначительном: будь то погода, еда или какие-то события во дворце.

– Никогда бы не подумал, что брат так отреагирует на сказки, что я ему рассказывал, – со слабой

улыбкой качает головой Николай, когда я, сидя рядом, протягиваю ему ложку с кашей. Его пальцы ещё слишком слабы, чтобы держать ложку самому, а служанок я отпустила на завтрак, оставаясь с принцем сама.

– А именно?

– Раньше я читал о тебе истории, а сейчас ты кормишь меня с ложки, но при этом остаёшься мёртвой. Вначале я даже решил, что и сам умер. – У него тёплый голос, а благодаря искреннему изумлению я не обижаюсь на его слова.

– Жизнь – непредсказуемая штука, ваше высочество. Я тоже не думала, что через двести лет, будучи мёртвой, стану нянчить старшего принца Аракена.

Принц усмехается и проглатывает кашу.

– Спасибо, что спасла меня.

– Пожалуйста, – спокойно отвечаю я и протягиваю очередную ложку с едой.

Я помогаю Николаю подняться с кровати, проверить, может ли он стоять, но ноги принца подгибаются, и он наваливается на меня всем весом, после чего я с трудом укладываю его обратно на кровать, заверяя, что это всё поправимо, но потребует время. Он не спорит, вновь сдержанно кивает и благодарит. С ним удивительно легко. Я ожидала капризного больного, но Николай стоически терпит постельный режим, не спорит о выборе еды и без нытья пьёт даже кислый отвар, который я ему приношу.

Закончив со старшим принцем, я заглядываю в библиотеку, утаскиваю оттуда несколько книг и вновь

сбегаю в свою комнату, ожидая наступления праздника. Мысли о толпе и бесконечных светских разговорах, которые мне предстоят, портят настроение, и мне уже хочется, чтобы этот день поскорее закончился. За два часа до праздника я раздражённо захопываю книгу, вспоминая, что за весь день Аарон ни разу ко мне не пришёл. Именно в день, когда мне бы не помешала его компания, чтобы ускорить медленно ползущее время, он не пришёл и вообще никак не дал о себе знать. Вероятно, занят Еленой. Я зло сталкиваю книгу с кровати на пол. Фолиант толстый и падает с грохотом, от чего Марина и Инна, подготавливающие мой наряд, вздрагивают, поворачиваясь ко мне.

– Что-то не так, госпожа?

– Помимо моего скверного настроения – ничего, – бурчу я в ответ на вопрос Марины.

– Вы не любите праздники?

– Не люблю, когда вокруг много людей.

– Вам нечего опасаться, рядом всегда будет его высочество и Аарон.

Я рассеянно киваю.

– А Морок ещё не вернулся? – вновь спрашиваю я.

Служанки поднимают на меня удивлённый взгляд.

– Нет, госпожа. Но разве он вас не пугает? – Марина обхватывает руками свои плечи, будто в комнате стало холоднее при одном упоминании его имени.

– Раньше пугал. Сейчас нет. Разве вы до сих пор не знаете, кто я? Я вас не пугаю?

Девушки смущённо потупили взгляды, делая вид, что платье ещё недостаточно разглажено.

– Мы узнали не сразу. Поэтому когда стало известно, что вы – Мара, мы уже знали вас и не боялись, – отвечает Инна.

Это радует.

– А что насчёт вас? Вам нравится работать во дворце? – интересуюсь я, пытаюсь отвлечься на разговоры.

– Да, к нам хорошо относятся, – кивает Марина с улыбкой. – Мы хоть и прислуга, но во дворце всем хорошо платят. К счастью, в последние годы и война поутихла, и голодных зим стало меньше, а в суровые времена только работа здесь и помогла нам заботиться о младших братьях и сёстрах. У меня две младшие сестры, а у Инны сестра и братишка.

Я согласно киваю, радуясь, что Рахмановы хорошо относятся к людям, которые на них работают.

– Что вы можете мне рассказать про Аарона?

Раз этот балван проигнорировал меня сегодня, то ничто не помешает мне перемыть ему кости за его стеной.

– Он стал появляться при дворе три года назад, – начала Инна, встряхивая платье, которое я надену. – Все сразу обратили внимание на молодого, перспективного вельможу. Да и внешностью он выделяется. Тогда, правда, волосы у него были короткие. Мы слышали, что в академии, в самом начале, с принцем он не ладил, но потом они сошлись на интересе к военному искусству и старых легендах.

– Каких легендах?

– О Марах и Мороках, госпожа, – отвечает Марина.

– Хотите сказать, что Аарон тоже давно интересуется таким?

– Не знаю, насколько давно, но он был первым, кто поддержал интерес принца Даниила. Так они и сдружились. По крайней мере, такие слухи ходят среди служанок.

Вот же лжец. А мне врал, что о Марах не читал и ничего не знает. Я скриплю зубами, размышляя, как использовать эту информацию против него. Натягиваю улыбку и прошу девушек продолжать. Однако моя улыбка становится слишком кровожадной, Инна и Марина поглядывают на меня с некоторым беспокойством.

– Через год он уже стал приближённым принца и частью его личной охраны. Сейчас он является главой личной охраны принца Даниила и принцессы Елены.

– Его брат когда-либо приезжал?

– Мы слышали, что у него есть младший брат, но нет. Он никогда не приезжал, – поясняет Марина.

– Аарон сам к нему ездил вроде не так давно, до вашего появления, – добавляет Инна.

Я вновь киваю и поднимаюсь с кровати, когда девушки говорят, что пора готовиться. В этот раз мне не требуется спрашивать, чтобы понять, что это платье вновь приготовил Даниил. Платье под стать первому, роскошное и богато украшенное, с пышной юбкой. Вновь глубокое декольте, открытые плечи и корсет. Платье алого оттенка, правда, весь корсет, рукава и часть юбки покрыты полупрозрачной, сверкающей чёрной тканью, что придаёт платью мрачности, и на

юбке оттенок медленно из тёмного перетекает в более яркий алый. Я с наслаждением провожу рукой по дорогим материалам и позволяю себе слабую улыбку ровно до того момента, как Инна начинает затягивать корсет, напоминая мне, что у любой красоты есть цена. Из-за откровенности платья моя метка воскрешения вновь видна, поэтому служанки без лишних вопросов оставляют волосы распущенными, лишь с помощью горячих щипцов завивают их в мягкие локоны. Закончив с макияжем, Марина приносит мне бархатную коробочку, которую я раньше не видела.

– Его высочество настаивал, чтобы... – уже на этом моменте я хмурюсь, а потом девушка раскрывает коробку, показывая мне дорогое и массивное кольцо с рубинами.

– Я понимаю.

Мне ничего не остаётся, кроме как приподнять волосы, позволяя им надеть на меня своего рода красивый ошейник, который по тяжести напоминает кандалы на моей шее в первые дни. Надо будет рассказать принцу, что я не люблю подобные украшения и не хочу, чтобы он покупал мою дружбу.

Рассматриваю себя в зеркале, мне кажется, я вижу незнакомку. Я никогда не носила подобных платьев и украшений. Никто не завивал мне волосы в красивые волны, и были они чёрного, а не серого цвета, как сейчас. Моё лицо было мягче, скулы никогда так не выделялись, и я никогда не была так привлекательна, как сейчас. Эта красота странная, пугающая и неживая, но каким-то образом эти девушки смогли сделать из меня

куклу, которой недостаёт только здорового румянца и бьющегося сердца, которое до сих пор упрямо молчит.

Я благодарю Марину и Инну, девушки выходят, оставляя меня одну, а я так и продолжаю сидеть перед зеркалом, размышляя, что Даниилу нужно было возродить мою сестру. Ей бы пошли все эти наряды и украшения, праздники и танцы. Ей бы пошла новая жизнь рядом с принцем, который хотел бы быть её другом и, может, чем-то больше. Легко касаясь пальцами рубинов на шее, я понимаю, что это всё должно быть у неё, а не у меня. Анна, младшая из нас, достойна новой жизни, в которой будет счастлива.

Я вздрагиваю, когда тёплая ладонь ложится на моё голое плечо, и это прикосновение возвращает меня в реальность. За моей спиной стоит Аарон. Он впервые так строго одет, в наглухо застёгнутую чёрную рубашку, камзол и кафтан, такие же чёрные, но богато украшенные серебряной вышивкой. На поясе у него длинный кинжал, вероятно, больше для украшения, чем в качестве настоящего оружия. Только недавно аккуратно уложенные волосы уже в лёгком беспорядке, потому что он по привычке запустил в них руку, и в его зелёных глазах, которые я встречаю в зеркале, беспокойство.

– В чём дело, Агата? Ты выглядишь так, словно готова расплакаться. Твои руки всё ещё болят? – он опускается рядом на колени и оглядывает мои ладони.

Они почти зажили. Кожа новая, розовая, а пальцы я сгибаю медленно, но не осталось ни крови, ни ожогов. Даже перевязка уже не требуется.

– Как ты думаешь, Аарон, Даниил сможет найти могилу Анны?

Молодой человек поднимает на меня взгляд, задумывается, понимая, что моё настроение не связано с болью в ладонях.

– Для чего тебе это? – осторожно спрашивает он.

– Я хочу изменить условия сделки с королём.

– Как?

Его выражение лица становится жёстче и мрачнеет, хоть он и пытается сохранять спокойствие, но слова произносит отрывисто.

– Я выполняю часть своей сделки. Я уже вылечила Николая и убью Северина, но взамен хочу, чтобы они нашли могилу моей сестры и чтобы Морок оживил её. Поднял, а потом оживил.

– Это означает, что ты вновь ляжешь в могилу.

– Да. Но так будет правильнее.

Аарон поднимается на ноги под звук колокола, который означает, что к уже собравшимся гостям присоединились члены Сената, а значит, праздник начинается.

– Тебе пора к Елене, опаздывать к принцессе непростительно невежливо, но и опасно. – Я выдавливаю слабую улыбку, на которую парень никак не отвечает, продолжая смотреть на меня с долей то ли разочарования, то ли злости.

Он молча уходит, а я, подождав пару минут, выхожу следом, чтобы почти нос к носу столкнуться с Даниилом. Принц специально подобрал оттенок мундира в точности под моё платье. Он также во всём чёрном и алом, за исключением золотых эполетов и завязок.

– Пришло время праздновать, дорогая Агата.

Я с трудом выдавливаю ответную улыбку и хватаюсь за предложенную руку, согнутую в локте. Всё, что мне остаётся, – это надеяться, что Даниил не любит танцевать и я смогу сбежать с этого праздника через пару часов.

— Сейчас напал на один из наших отрядов! Они посмели прийти на нашу территорию, вырезать больше двадцати наших солдат, а потом вновь скрыться в Бесконечном лесу, — шипит мне на ухо король Дмитрий, как только мы оказываемся в главном зале. В том же, в который меня привели в самый первый вечер.

Сейчас здесь полно людей, в конце зала и вдоль левой стены установили длинные столы с вином и различными угощениями для всех желающих, центр оставили пустым для танцующих, а музыканты расположились по левую сторону от возвышения, на котором всё так же стоит один большой трон и три поменьше. И все они сейчас пустыют. В воздухе висит запах еды, тихая музыка и гул голосов. Гости разбились на группы и, держа бокалы с вином, обсуждают проблемы, последние новости и делятся мнением.

Король подхватывает меня под локоть и оттаскивает в сторону, Даниил остаётся чуть в стороне, чтобы не привлекать к нам ещё больше внимания.

– Нам нужно будет как можно скорее покончить с Северином, Мара.

– Я знаю, ваше величество. И теперь это возможно, потому что Николай очнулся и я могу уехать. Однако я не пройду через пограничный лес сквозь толпы тварей и отрядов Серата в одиночку.

– Дать армию я тебе не могу. Нам нужна смерть Северина, а не вторжение. Я не желаю масштабной войны, а для этого надо, чтобы жители Серата не знали, что мы как-то причастны к гибели их монарха.

Заметив, что на нас стали оборачиваться, Дмитрий отводит меня к столу с едой, притворяясь, что проголодался.

– Мне нужен Морок, – отвечаю я, перебирая фрукты.

– Только он один?

– Да. Морок, как и я, не принадлежит ни одной из стран, поэтому даже если узнают, то никто не сможет обвинить именно Аракен в покушении. К тому же, Морок легко поможет разобраться с нечистью.

– Но Морок вернётся только через несколько недель.

– Значит, нет другого выбора, кроме как подождать.

Король упирается в меня прямым и недовольным взглядом. Он поспешно наливает вина в бокал и вкладывает его мне в руки, а потом наливает себе и половину выпивает почти залпом. Я просто смотрю, дожидаясь ответа от короля.

– Хорошо, – соглашается он, с грохотом опуская металлический бокал на стол. – Будем надеяться, что слуга Тени вернётся до того, как Северин предпримет что-то новое.

– Что от меня требуется сказать Сенату? – поддавшись странному желанию, я отпиваю несколько глотков вина и кривлюсь от кислого вкуса.

– Ничего, сейчас они развлекаются, я тебя им представлю, а там уже моя забота. После ты можешь развлекаться с моим сыном и вернуться к себе, когда пожелаешь.

Мне не нравится фраза про развлечение с его сыном, и чтобы сдержать раздражение, я делаю ещё несколько больших глотков из бокала. Иногда Дмитрий кажется мне справедливым королём, который желает добра для своего народа, но одновременно он такой же заносчивый и высокомерный, как и все прочие правители.

Понимая, что мне предстоит провести в его компании ещё какое-то время, свой уже полупустой бокал я предпочитаю не выпускать из рук, не зная, сколько ещё раз ему удастся вывести меня из себя неаккуратными словами. Будь на моём месте Ирина, она бы с лёгкостью разобралась с ситуацией, но я никогда не славилась терпеливостью, поэтому уроки танцев и дипломатия давались мне намного хуже, чем спарринги и занятия с оружием, где я могла выпускать всё своё раздражение.

– Господа, это та самая знаменитая Мара по имени Агата. И теперь настоящая легенда, потому что благодаря моему сыну Даниилу она последняя из существующих! – представляет меня король группе уже немолодых мужчин в парадных мундирах.

Их около десяти, почти у всех большая часть волос тронута сединой, кто-то остался в здоровом теле, а некоторые располнели от чрезмерной еды и вина. Они

все оценивающе оглядывают меня с головы до ног в тишине, а потом те, кто стоит сзади, начинают перешёптываться между собой, пока ближайшие трое обращаются непосредственно ко мне. Король отпускает мою руку, которую до этого галантно придерживал, что позволяет мне расслабиться.

– Значит, ты и есть та самая Агата, что пыталась убить принца Серата? – спрашивает один.

– Да.

– Но тебе действительно не удалось? – говорит второй.

– Не удалось.

– Так это твоя сестра была опозорена?

– Она была убита, а не опозорена. – Я изо всех сил стараюсь не плюнуть этому напыщенному индюку в лицо.

– Я слышал, что все Мары до одной погибли из-за твоей сестры, – слышится голос откуда-то сзади, это не вопрос, поэтому я сжимаю губы и молчу.

Одни продолжают задавать бестактные вопросы, другие просто бросают, как им кажется, ничего не значащие замечания. На что-то я отвечаю, что-то намеренно игнорирую, но внутри растёт уверенность в том, что я выдержу эту пытку, потому что теперь я решила, что хочу получить взамен. А оскорбления Сената и короля на руку мне не сыграют. Хотя король Дмитрий уже потерял ко мне интерес и обсуждает какие-то дела чуть в стороне с двумя из советников.

– Прошу прощения, господа. – Я чувствую, как ладонь ложится мне между лопатками, и я инстинктивно на неё опираюсь.

– Аарон! Как тебе служба у Даниила? Говорят, младший принц привередлив и за ним тяжело уследить, – хохотнул один из моих неприятных собеседников.

– К моему счастью, принц всегда уступал мне в беге, поэтому сбежать из-под моего надзора не так-то просто, – усмехается Аарон, и несколько членов Сената согласно кивают, улыбаясь. – Кстати, эта Мара обещала мне рассказать, как они режут глотки тем, кто их оскорбляет, так что вы не будете против, если я заберу её и мы это обсудим?

Его намёк и доброжелательная улыбка настолько тонкие, что мужчины даже не понимают его скрытого подтекста, а лишь взмахивают руками и едва склоняют головы, отпуская меня.

Аарон, обхватив мою талию, оттаскивает меня в сторону, но не успеваю я его поблагодарить, как он наклоняется к самому моему уху:

– Я сказал Елене, что отлучусь лишь на минуту, чтобы принести вина. Я не смог продолжать слушать то, что они тебе говорят. Но моя минута закончилась, поэтому иди к Даниилу.

Я задерживаю дыхание, когда его губы касаются моих волос слишком близко к уху. Со мной он говорит всё так же сухо и отстранённо, как немного ранее в моей комнате. Я не могу ничего ответить, когда он подталкивает меня в сторону принца, а сам исчезает среди толпы людей.

Я делаю ещё пару глотков вина и оставляю бокал на ближайшем столе, чувствуя незнакомую лёгкость в теле. Когда подхожу к Даниилу, то уже привычным движением хватаюсь за предложенную руку и, по со-

вету Аарона, больше от принца стараюсь не отходить, надеюсь, что рядом с ним мне нужно только улыбаться его собеседникам и спокойно ждать, когда эта пытка закончится.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спрашивает Даниил, поглаживая мою руку, когда мы отходим от очередного собеседника. – Ты такая молчаливая.

– Вполне, ваше высочество. Просто распробовала вина, но, как оказалось, алкоголь на меня хоть немного, но действует.

– Обычно от алкоголя веселеют, а у тебя вид, будто тебя сейчас стошнит.

Я отвечаю кислой улыбкой, удивляясь его догадливости.

– Пожалуй, стоит хоть немного развлечься, это же праздник, хоть и достаточно скверный, – намекает принц.

– Поверьте, танцую я даже хуже, чем готовлю! – упираюсь я, когда принц уже вытягивает меня на странство для танцев.

Даниил тихо смеётся, притягивая меня ближе. Мои глаза расширяются, когда я понимаю, что он не шутит и на полном серьёзе собирается со мной танцевать. Я успеваю заметить удивлённые взгляды Аарона и Елены, которые кружат недалеко. У них всё получается красиво. Они двигаются плавно, будто едва касаются пола, а танец для них естественен, как дыхание. И их вид заставляет меня смутиться ещё больше.

– Небеса! Неужели ты, Агата, боишься?

Даниил начинает двигаться плавно, но я уже задерживаю дыхание, чувствуя, как всё тело напрягается, а ноги становятся деревянными. В голове сразу всплывают уроки Лилианы, которая была лучшая по танцам. Она всегда меня ругала за недоверие к партнёру, а отсюда и неверные шаги. Анна, как и они все, повторяла мне одно и то же: «Нужно просто доверять ведущему». И я так и делала! Доверяла, расслаблялась, но всё равно совершала ошибки.

Принц никак не реагирует, когда я в очередной раз ошибаюсь с шагом и наступаю ему на ногу, но в голове я всё равно веду счёт своим ошибкам.

Пять.

А ещё лишь половина песни.

Один круг, и уже шесть.

Семь.

Даниил едва сдерживает смех.

– Вероятно, тебе не по нраву моя обувь, – предполагает он.

– Я не... простите, ваше высочество.

– Ты просишь прощения у моей обуви?

Я резко отрываю взгляд от пола и смотрю в глаза партнёру, забыв об этом простом правиле не смотреть под ноги.

– Простите, – глупо повторяю я.

– Она ещё и смущается... – тихо, пытаюсь скрыть улыбку, шепчет Даниил, а я смотрю куда угодно, но только не на него, пытаюсь унять смущение и проклиная музыкантов за столь длинную песню, которая не собирается заканчиваться.

– Вам весело, ваше высочество? – недовольно бормочу я, замечая его радость.

– Ещё бы. Стоило начать вечер с этого, а то я провёл почти два часа, слушая скучные рассказы. И насчёт той ночи в галерее...

– Что о той ночи?

– Я всё думал, что должен извиниться за своё поведение... за те прикосновения.

– Я принимаю ваши извинения...

– Я думал, – перебивает меня Даниил с нажимом, – что должен извиниться, но на самом деле я сожалею только об одном.

Он сжимает пальцы на моей пояснице, но, несмотря на корсет, я всё равно чувствую это.

– О чём ты сожалеешь, Даниил? – тихо спрашиваю я, переходя на более близкое обращение, но я не уверена, что мне стоит слышать ответ.

– Сожалею лишь о том, что я остановился, – мягко улыбается он.

Непроизвольно я сама перевожу растерянный взгляд на его губы, и мелодия, наконец, завершается. Мой вздох облегчения настолько громкий и очевидный, что Даниил вновь смеётся. Он решает сжалиться и уводит меня в сторону, позволяя передохнуть. Но моя удача никогда не длится долго, и это мгновение пролетает почти незаметно, когда к нам присоединяются Елена и Аарон. Последний, заложив левую руку за спину, протягивает для меня правую, приглашая на танец. Я испуганно мотаю головой, делая шаг назад, а Даниил улыбается, когда я врезаюсь спиной в его грудь.

– Я видел, как ты пытаешься покалечить принца, отдавив ему все ноги, – с насмешливой улыбкой говорит Аарон. – Поэтому, ради его же безопасности, это моя работа – проверить, насколько ты в этом опасна, и если успею, то научу чему-нибудь за одну песню.

Елена прячет улыбку в бокале с вином. На ней летящее платье бледно-голубого оттенка, а с распущенными волосами она как нежный цветок или глоток свежего воздуха среди строгих мундиров.

– К сожалению, у тебя нет выбора, Агата. Он уже предложил тебе руку, и отказываться нельзя. – подбрасывает дров в огонь Даниил и подталкивает меня обратно к Аарону.

Я вкладываю свою руку в его с такой опаской, словно кладу ладонь в пасть волку. Аарон моментально сжимает мои пальцы и утягивает за собой. Он кладёт правую руку мне на спину, притягивая к себе, а в левой несильно сжимает мою ладонь.

– Расслабься и смотри мне в глаза.

Я слушаюсь, надеясь, что если буду выполнять все его указания, то Аарон ограничится одной песней. Ведёт он удивительно легко и ненавязчиво. Либо танец с Даниилом немного освежил мою память, либо Аарон действительно хорош и в этом, потому что ошибок я делаю меньше.

– Как тебе праздник? – вновь начинает молодой человек.

– Отвратительно.

Его брови приподнимаются от удивления.

– Удивительно... честно, – хмыкает он.

– Скажи я, что всё прекрасно, ты бы всё равно мне не поверил.

– Не поверил бы, – согласно кивает он.

Мы молчим, тишина затягивается и становится почти неловкой. Поэтому я с облегчением выдыхаю, когда партнёр сам предлагает тему для разговора.

– После я прочитал всю ту книгу о Марах, что мы с тобой нашли...

Лжец. Я едва не бросаю ему это в лицо, зная теперь, что такими, как я, он интересуется давно.

– ...и узнал, что вы учите этикет, манеры и даже танцы. Узнал, что раньше Мары часто бывали при дворе и были потрясающими советниками, если это было необходимым. Но почему тогда ты, Агата, так плохо танцуешь?

Я специально наступаю партнёру на ногу, Аарон делает ошибку и едва заметно сбивается с такта.

– В глаза, Агата. – Я опять возвращаю взгляд к его зелёным глазам. К моему удивлению, он не улыбается, а большую часть времени остаётся серьёзен.

Но не я одна в ловушке до конца этой мелодии, он вместе со мной. Я сильнее обхватываю его ладонь, расслабляюсь, позволяя ему целиком и полностью вести меня в танце, но Аарон чувствует, что неспроста стало идти легче лёгкого, и в его глазах, в которые я теперь смотрю не отрываясь, – сомнение.

– Ты врёшь.

Этой фразы хватает, чтобы по его маске пошла тонкая трещина. Он почти сразу берёт себя в руки, но Ирина всегда мне говорила, чтобы я забрасывала на-

живку абстрактно, намёками. И так можно вытащить куда большую правду, чем рассчитывал изначально.

– О чём ты?

– Ты знаешь о Марах больше, чем говоришь.

– Конечно, – расслабляется он. – Я же прочитал ту книгу.

– Ты давно знаешь.

Он не отвечает.

– Что тебя так интересует? – не отступаю я, а его зрачки сужаются.

Он сильнее прижимает меня к себе, а его движения уже не столь плавные. Аарон пытается взять себя в руки, но ему это удаётся не сразу. На его лицо медленно возвращается улыбка, но глаз она не касается, и я сразу понимаю, что она фальшивая.

– Твои способности. Мне было интересно, как на самом деле выглядят нити жизни. Теперь я знаю.

Хорошая полуправда, но всё ещё лишь половина. Будь всё именно так, он бы не упирался так долго.

– Почему из всех Мар подняли именно меня?

– Даниил с самого начала хотел поднять тебя, поэтому целенаправленно искал твою могилу.

– Ты никак не участвовал в его выборе?

Теперь улыбка настоящая, но мрачная, он приподнимает мою руку, заставляя меня повернуться и прижаться к нему спиной. Ловко уходит от ответа, сбивая мою мысль, когда проводит ладонью по моему плечу вниз и по предплечью. Чувствуя тепло его груди, я замороженно слежу, как мягко двигаются его пальцы по моей коже. Он делает это настолько чувственно, что я

едва слышу музыку за гулом в ушах, этот момент кажется мне слишком интимным для нас, и с губ срывается судорожный вздох. Когда мы возвращаемся в основную позицию, я с трудом вспоминаю о своём вопросе.

– Значит, участвовал. – отвечаю я за него, сглатывая сухость во рту. – Я знаю цели Даниила, но каковы твои? Что ты хочешь от меня, Аарон?

– Ничего.

– Ты врёшь?

– Вероятно.

Этот честный ответ – последнее, что я получаю, потому что музыка замолкает и Аарон уводит меня обратно к принцу и принцессе. Он поступает правильно, зная, что при них я не стану больше расспрашивать, но он ошибается, если думает, что я не сделаю этого позже.

Даниил из вежливости предлагает мне вина, все удивляются, когда я принимаю бокал и выпиваю половину, чувствуя уверенность в своём решении.

– Даниил, я бы хотела поменять условие нашей сделки.

Принц удивляется, но, не задавая лишних вопросов, отводит меня в соседний кабинет. Аарон в качестве охраны для принца идёт с нами.

– Чего ты желаешь, Агата? – спрашивает Даниил, присаживаясь в одно из мягких кресел.

Я дожидаюсь, пока Аарон прикроет за нами дверь. Парень замирает перед ней, отрезая мне путь к выходу.

– Я хочу, чтобы для меня вы нашли могилу моей сестры Анны.

Даниил указывает мне на кресло напротив, и я присаживаюсь на край, но не расслабляюсь, а остаюсь сидеть с прямой спиной. Мы расположились достаточно близко, но Даниил наклоняется вперёд, упираясь локтями в колени, задумчиво трёт ладони, внимательно разглядывая моё лицо.

– Что ты хочешь сделать? – задаёт он новый вопрос.

– Я выполню оставшееся условие моей сделки. Убью Северина. Но после я хочу, чтобы вы нашли могилу Анны, хочу, чтобы Морок поднял её и оживил.

Ладони Даниила замирают, Аарон не издаёт и звука, а комната погружается в звенящую тишину, которую едва ли нарушают отдалённые звуки музыки.

– Ты понимаешь, о чём просишь, Агата? – холодно отзывается принц, в карих глазах проскальзывает разочарование.

– Да.

– Морок не может возродить двоих. Да даже поднять не может! – всё равно начинает объяснять принц, не уверенный, что я и так всё понимаю. – А это значит, дорогая Агата, что тебе вновь придётся умереть...

– Я и так не живая.

– ...снова лечь в холодную землю... – игнорирует принц.

– Ваше высочество...

– ...и ещё одного шанса у тебя не будет.

– Даниил.

– ЧТО?! – рявкает он, выпрямляясь, а я с трудом сдерживаю себя, чтобы не дёрнуться.

Он устало трёт лицо ладонями, раздражённо втягивая воздух. Я оборачиваюсь на Аарона, но он никак не вмешивается и упрямо смотрит вперёд, никак не показывая, что слушает наш разговор.

– Агата, – вновь спокойно начинает Даниил. – Помнишь, о чём я тебя попросил той ночью? А ведь ты мне ничего не ответила, и я решил, что тишина – твоё согласие. А оказывается, ты уже всё решила.

Я продолжаю молчать, хотя это была неправда. В тот момент тишина и вправду была моим согласием, но сегодня днём, смотря на все эти украшения, я передумала.

Принц откидывается в кресле и начинает нервно постукивать пальцем по деревянному подлокотнику, неотрывно глядя на меня. Я сжимаю платье в кулак на колене.

– Ты не отступишь?

– Нет.

– А если я запрю тебя?

Я качаю головой, сомневаясь, что он и вправду так поступит, но он принц, и кто знает, на что он действительно готов ради получения желаемого.

– Если так, тогда то, о чём вы просили той ночью, не сбудется никогда.

В свете зажжённых свечей волосы принца переливаются золотым и оранжевым, мы упрямо сверлим друг друга взглядом, и он сдаётся первым.

– Хорошо. Дай мне возможность подумать. Ты просишь меня найти Анну, но я не уверен, что смогу это сделать, поэтому дай мне время.

Я киваю и поднимаюсь с места. Даниил подскакивает на ноги, придвигается ко мне ближе, чем когда-либо, пальцами обхватывая моё плечо сбоку. Я хочу сделать шаг назад, но ноги упираются в кресло. Продолжая удерживать меня на месте, правой рукой он приподнимает мой подбородок.

– Но тогда наша сделка не равноценна. Если в итоге ты собираешься отказаться от меня и уйти, готова ли ты дать мне ещё что-то взамен?

Он говорит тихо, и я не знаю, слышит ли Аарон. Видит ли, как принц проводит большим пальцем по моей щеке, как мои губы раскрываются на выдохе. Глаза Даниила темнеют, я понимаю, о чём он меня просит, и я не оттолкну его, если он решит меня поцеловать. По телу разливается странная дрожь, и я не понимаю – пугает меня эта мысль или я в нетерпении жду его шага, жду, когда он наклонится ближе. Пока я не знаю, как много я готова ему дать в виде платы за мою сестру, но я узнаю, когда...

– Да. Когда вы найдёте её могилу.

Даниил ласково улыбается, поглаживая мою щеку, замирая в этой близости ещё на какое-то время.

– Аарон, отведи Агату в её комнату. Уверен, она устала за сегодня.

Даниил отодвигается, я отхожу на безопасное расстояние и иду к своему охраннику. Тот открывает передо мной дверь, дожидается, пока я выйду, и выходит следом.

В коридорах больше людей, чем обычно, и мы идём молча. Аарон не говорит мне ни слова с тех пор, как

мы вышли. Я смотрю на его прямую спину и гадаю, как много он слышал. Чем дальше я ухожу от принца и чем дольше остаюсь только с Аароном, тем сильнее внутри беспокойство о том, что он обо мне подумал, что думает о моём решении изменить договорённость и что думает о моей готовности заплатить за сделку собой.

Мы покидаем праздничную часть дворца, заворачивая в сторону спален. Сюда гостям вход запрещён, и внезапно я осознаю, что мы остались в коридоре совсем одни, а шаги Аарона всё более раздражённые, он сжимает руку на длинном кинжале. Парень что-то бормочет, словно в его голове так много мыслей, что они уже не помещаются в ней, вырываясь в растерянное бормотание. Я продолжаю молча наблюдать, когда он дёргает верхние пуговицы на камзоле и рубашке, пытаясь расстегнуть их, будто одежда его душит. Пару раз я слышу своё имя в его бормотании.

– Аарон? – неуверенно спрашиваю я, когда мы подходим ближе к моей комнате.

Он вздрагивает, словно забыл о моём присутствии.

– Чем я тебя разозлила?

– Собой!

Я удивлена этим ответом, не зная, что именно он имеет в виду. Несколько секунд я не могу выдавить из себя ни звука, не в состоянии составить следующий вопрос, который поможет мне понять.

– Проклятие! Столько уже сделано, чтобы теперь вот так всё рухнуло, – выдавливают парень. – А я только и слышу со всех сторон: Агата, Агата, Агата!

– Что ты... – едва успеваю вставить я.

Он распахивает дверь моей спальни, делая жест рукой, чтобы я вошла первой. В комнате почти темно, лишь несколько светильников зажжены, чтобы можно было не удариться о мебель. Я захожу, а из молодого человека продолжает литься поток слов, который он не может остановить.

– Со всех сторон, вначале один! Потом другая! Только твоё имя каждый чёртов день! – закрывая дверь, зло бросает он, а потом хватается меня под локоть, толкая к стене, чтобы я не отворачивалась и не уходила от разговора.

Я не чувствую боли, ударяясь о камень, покрытый изысканными обоями, продолжаю смотреть на Аарона широко раскрытыми глазами, абсолютно не понимая, о чём он говорит.

– Агата то, Агата это! Из года в год, изо дня в день! Агата... – в последний раз он тянет моё имя со стоном, как будто оно причиняет ему боль.

Я с шумом втягиваю воздух, когда он делает шаг ко мне, приближаясь. Его правая рука продолжает лежать на рукояти длинного кинжала, когда левой он обхватывает мою шею, притягивая ближе. На мгновение в его зелёных глазах отражается мучительный выбор, словно он не может решить, хочет меня зарезать или...

– Агата... – выдыхает он мне в губы, прежде чем накрыть их своими.

Мои веки сами собой опускаются, а губы раскрываются ему навстречу. Это не первый мой поцелуй, у меня были другие. Простые и неуклюжие, но этот совсем другой. Моё тело, опережая разум, решает ему от-

ветить, наслаждаясь мягкостью его губ, и поцелуй теряет былую резкость, становясь сладким и пьянящим, как первый глоток вина, и я понимаю, что хочу ещё. А когда моё сердце делает первый мощный удар, я отталкиваю Аарона, вспоминая, что происходит. Сразу отвешиваю ему пощёчину, и она получается сильнее, чем я ожидала. Парень делает несколько неуверенных шагов назад, оглушённый внезапным ударом.

Он вновь поднимает на меня взгляд, прикладывая прохладную ладонь к полыхающей щеке. Мы оба смотрим друг на друга растерянно, не зная, что сказать. И тогда моё сердце делает второй удар. Третий.

Четвёртый.

Сильный, настолько, что я чувствую, как кровь потекла по венам, разгоняясь, а щеки запылали огнём.

Семь.

Восемь.

Аарон замороженно смотрит, как моя кожа розовеет, приобретая живой, здоровый оттенок.

Двенадцать.

Тринадцать.

– Моё сердце...

– Оно работает? – Аарон неуверенно подходит ближе.

– Да. Кажется, да. – Я улыбаюсь, поднимая взгляд на парня, вновь чувствуя тепло во всём теле.

Губы Аарона изгибаются в настоящей радостной улыбке, и, подойдя вновь ко мне, он опускает голову вниз, почти прикладывая ухо к моей груди напротив сердца. Он обхватывает мою талию руками, а его волосы падают мне на голую кожу в районе декольте. Тепло в теле сменяется жаром, а сердце начинает стучать

быстрее, я вжимаюсь в стену. Заметив, что моё дыхание становится тяжелее, Аарон поднимает на меня вначале глаза, которые кажутся такими тёмными в полумраке комнаты, а потом и лицо.

– Можно? – Теперь этот вопрос мне прямо в губы кажется нелепым, но его голос такой глубокий, что мне вовсе не смешно.

– Да. – Мои губы двигаются раньше, чем сознание вспоминает, из каких букв составляют отрицательный ответ.

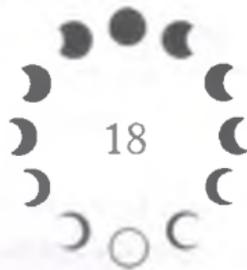
Но он не двигается, не сокращает расстояние, мучаясь очередным, только ему понятным, выбором.

– Однако мне не стоит, – парень упирает руку в стену у моей головы и отталкивается, словно сам отстраниться не мог и ему нужен был толчок.

Вначале он отходит на расстояние вытянутой руки, но, посчитав его недостаточным, делает ещё три шага назад. Я молча наблюдаю за ним с долей разочарования и недоумения. Он сглатывает, несколько раз протяжно выдыхает, успокаивая дыхание, а потом говорит обычным, ровным тоном.

– Уже поздно. Отдыхай, Агата. День был тяжёлый.

Аарон, огибая меня, подходит к двери и хватается за бронзовую ручку. Он замирает на мгновение, но потом уверенно дёргает дверь на себя и выходит, оставляя меня одну. А я, прикладывая руку к груди, с замешательством и пустой головой, чувствую, как сердце продолжает размеренно биться. Теперь моё тело полностью заработало и Морок может меня оживить, однако слишком поздно. Я приняла решение отдать этот шанс сестре.

Мне нужен запасной план.

Утром, когда я просыпаюсь от забытого стука сердца, то понимаю, что не могу полагаться на выбор Даниила. Он может соврать, что ищет могилу Анны. Может соврать, что найти невозможно или её тело сгнуло. Я должна попросить об этом Морoka. Должна убедить его помочь мне найти место, где упокоена сестра. Но король что-то пообещал ему. Какую-то плату, и, вероятно, она неслыханно высока, раз слуга Тени готов отдать часть своей силы ради моего возрождения. То, что Морок не собирается отправлять меня в Тень, не значит, что моя просьба весомее, чем то, что может предложить корона. Будь он целиком на моей стороне, то мог давно освободить меня, отпустить или уйти со мной.

Я должна узнать, что они ему пообещали. И предложить что-то взамен. Служанки смотрят на меня удивлённо, когда я прошу их найти мне какое-нибудь удобное, но достаточно красивое платье. А потом с за-

мешательством начинают искать новое, когда первое я отвергаю из-за слишком закрытого декольте. Марина и Инна уже прекрасно знают, как я не люблю открытые платья. Но единственный мой шанс узнать, что пообещала корона Мороку, – это Даниил. А тому нравятся платья с намёком. И девушки находят мне подходящее: бордовое, достаточно простое, юбка в меру пышная и не будет мешать ходить, полностью открытые плечи, но декольте остаётся прилично прикрытым.

Мне самой неприятно от мыслей, что я буду использовать тягу Даниила ко мне, чтобы вытянуть из него информацию, но всё становится хуже, когда я вхожу в столовую, зная, что Даниил должен быть на завтраке, и вижу за столом Елену и Аарона. Сталкиваясь с внимательными зелёными глазами, я чувствую, как сердце ускоряет бег от нахлынувших воспоминаний о вчерашнем вечере. Пытаясь исправить ошибку, я разворачиваюсь, чтобы притвориться, что ошиблась дверью, но едва не врезаюсь в дверной косяк.

– Агата! – окликает меня Даниил, и мне приходится замереть, держась рукой за резной кусок дерева, о который я чуть не разбила лоб.

Втягивая носом воздух, как ни в чём не бывало, я поворачиваюсь к нему. Принц сидит во главе длинного стола. По правую руку – Аарон, по левую – Елена. И оба смотрят на меня с недоумением, когда Даниил, напротив, расплывается в улыбке.

– Прошу тебя, посиди с нами, раз уж зашла.

У правой и левой стены по три стража, и все внимательно смотрят на меня, оценивая опасность. Стол

огромный. За ним можно усадить ещё не меньше пятнадцати человек. И я всерьёз подумываю, как громко будет смеяться принц, если я сяду в противоположном конце стола как можно дальше от них. После заминки я прохожу вперёд и сажусь прямо рядом с Аароном, решая, что лучше сидеть рядом, чем сесть напротив и постоянно сталкиваться с ним взглядом. Парень никак не реагирует, а молча наливает в бокал морс, ставит передо мной и возвращается к еде в своей тарелке. Елена хмурится, глядя на Аарона. Девушка вообще выглядит непривычно в скверном расположении духа, даже её платье тёмно-серого оттенка из плотной ткани резко отличается от тех нежных расцветок, что она носит обычно. Принцесса прикладывает пальцы к своему виску, массируя.

– Чем обязаны такой честью? – вновь говорит Даниил, разрезая на своей тарелке последний из пышных сырников. Принц макает небольшой кусочек в варенье и отправляет его в рот, я замороженно слежу за ним, вспоминая, как давно их не ела.

– Я ошиблась дверью, – вру я.

– Вот оно как. – Принц учтиво улыбается и вряд ли мне верит.

– Праздник закончился хорошо? – ухожу я от неловкой темы.

– Если бы, – фыркает Елена, а потом морщится от новой волны боли в висках.

Даниил тихо посмеивается, объясняя:

– У сестры, к сожалению, похмелье.

– Его бы не было, если бы вы не ушли так надолго втроём, оставив меня одну. – Принцесса недовольно

поджимает нижнюю губу, тыкая бокалом с водой в сторону Аарона. – А ты вообще обещал вернуться!

– Прошу прощения, Елена, – спокойно отзывается парень с виноватой улыбкой. – К тому моменту от музыки у меня гудела голова, и я ушёл к себе.

Я едва заметно поворачиваю голову в сторону соседа, но Аарон продолжает игнорировать меня, уделяя больше внимания своему завтраку в тарелке.

– Из-за тебя мне пришлось танцевать и общаться с Олегом и Вадимом из Сената! Только вино удерживало меня, чтобы грубо не оборвать на середине их длинные и нудные истории о сельском хозяйстве, – продолжает негодовать принцесса.

– Ох, сестра! Ты единственная, кто в состоянии выдержать их болтовню.

– И это всегда заканчивается головной болью наутро. – Елена с неприязнью смотрит на еду перед собой, к которой едва притронулась.

– Как Николай? Сенат встречался с ним? – перевожу я тему, делая глоток морса.

Клюквенный, мой любимый.

– У него в комнате, брат пока с трудом стоит. Как я слышал: вроде бы Сенат полностью удовлетворён, хотя меня при этом не было.

– Не желаете ли прогуляться по саду после завтрака?

Я смотрю только на Даниила, когда все остальные поднимают глаза на меня. Принц удивлён, я вижу, как он в замешательстве думает, каковы могут быть мои мотивы, но потом улыбается, откладывая вилку.

– С радостью, скажу даже больше. Я уже закончил завтрак.

– Я тоже, – Аарон также откладывает вилку.

– Что ты тоже? – переспрашивает принц у друга.

– Я тоже закончил завтрак и иду. Я всё ещё твой и её охранник. Так даже легче за вами обоими присматривать, когда вы в одном месте, – спокойно разъясняет парень, поднимаясь с места.

– В этом нет необходимости, Аарон. Николаю больше ничто не угрожает, и я вновь не столь важный наследник трона. Ослабь свою цепкую хватку на глотке моей свободы, – холодно улыбается принц, но парень игнорирует предупреждение.

– Мне платит твой отец, Даниил. Я и так давал тебе много свободы в последнее время, я отпустил тебя на другой конец страны за Агатой в одиночку.

– Но сам ты ездил домой, – Елена подпирает рукой подбородок.

– Потому что выдалась возможность, когда Даниил решил взять Морока.

Принц сжимает челюсти, кивает, уступая.

– Хорошо, но, надеюсь, ты успокоишься, когда Николай взойдёт на престол, а я полноценно смогу сбросить с себя весь груз ответственности и твоего кудахтанья.

Я никак не рассчитывала на чужое присутствие, а уж тем более, что это будет Аарон. Когда мы подходим к стеклянным дверям, что позволяют выйти в сад, слуги приносят всем троим тёплую одежду. Я нервно поглядываю, как Аарон поправляет свой меч и кинжал на поясе, пока Даниил кутает меня в тёплый кафтан, словно беспомощную куклу. Но ради своего плана я ни в чём

ему не отказываю и не сопротивляюсь, а наоборот, подыгрываю принцу, показывая, что мне нравится его забота. Даже если на мой вкус она чрезмерная и часто ненужная.

Небо затянуто снежными тучами, и, втягивая носом морозный воздух, я чувствую, что до первого снега остаются считанные часы, а может, и минуты. Благодаря согревающей меня крови я лучше ощущаю холод. Мой нос и щёки почти сразу краснеют, одну руку я прячу в кармане, а второй обхватываю руку Даниила.

– Должен сказать, что на самом деле эти сады выглядят намного лучше, чем сейчас, – заверяет меня принц, с неприязнью оглядывая голые кусты и деревья, молчаливые фонтаны и жухлую траву под ногами. Жизни этому саду пока придают лишь аллеи сосен и елей.

– Когда выпадет снег, уверена, здесь будет лучше, – поддерживаю его я.

– Предложи мне прогуляться кто-то другой, я бы не раздумывая отказал. Погода весьма скверная.

– Почему тогда согласились?

– Потому что это предложила *ты*, а ты никогда ничего не предлагаешь. – Я приподнимаю бровь, мне стоило бы потупить взгляд, изобразить смущение, но я не сильна в этом. Надеюсь, мои покрасневшие от холода щёки сделают дело за меня.

– Вы совсем не хотите стать королём?

– Корона – только с виду красивое украшение, а на деле – это те же кандалы, которые с меня может снять только сама смерть. Зачем мне лишние ограничения, когда у меня уже есть он, – Даниил указывает на Ааро-

на, который тенью следует за нами на расстоянии нескольких метров.

Судя по выражению лица, холод его мало трогает, даже щёки едва порозовели, хотя прохладный ветер треплет его длинные волосы, а горло он и вовсе не прикрыл шарфом. Я прикусываю язык, когда из горла почти вырывается просьба застегнуть кафтан до конца. Мне не стоит с ним сближаться, если я планирую вновь отправиться в могилу. И того поцелуя вовсе не должно было быть.

– Но вы обещали мне, что сотрёте Серат с лица земли?

Даниил задумчиво хмурится.

– Ты права, Агата. Хочешь, я отправлюсь убить Северина вместе с тобой?

– Приятное предложение, но Северин – мой. К тому же со мной будет Морок. Нам будет проще завершить всё быстро, если мы будем вдвоём. Но я буду рада, если вы запишете во все учебники по истории правду о том, что сделал Ариан и почему я оборвала его род. Расскажите, как они отвергли мир ради тщеславия и жадности. Как из-за них пропали Мары и как люди из-за них страдают от нечисти.

Принц кивает со всей серьёзностью, а светлая прядь падает ему на глаза.

– Хорошо, но и от своего обещания я не отказываюсь. Серата больше не будет на картах, это я тебе обещаю. И кстати... ты кажешься другой.

Я растерянно моргаю, не понимая, что он имеет в виду, и принц добавляет:

– Твоё лицо, румянец. Неужели твоё сердце заработало?

– Да. Вчера вечером.

– Интересно, что-то произошло или оно просто само собой вновь забилося? – интересуется Даниил.

– Само собой. – Стараюсь не смотреть в сторону Аарона, а расслабленно пожимаю плечами с улыбкой, которая, надеюсь, не выглядит слишком фальшивой.

– А мне интересно, что вы пообещали Мороку за моё оживление? – тут же меняю я тему, пока принц не решил расспрашивать подробнее.

Я пытаюсь начать невзначай, отвлекая внимание принца тем, что прижимаюсь к его руке, сплетая наши пальцы.

– За поднятие из могилы? – Даниил растерянно смотрит на меня сверху вниз, а потом высвобождает руку, обнимает за плечи, прижимая к себе и наклоняясь к моей щеке. – Очень много денег. Неприлично много.

Я начинаю дышать тяжелее, не желая, чтобы Аарон за всем этим наблюдал, но, к моей удаче, принц списывает это на моё волнение. Я не отстраняюсь, когда холодные губы касаются моей щеки, а прикрываю глаза, пытаясь избавиться от воспоминаний о тёплых губах Аарона. *Негодяй, всё испортил своим поцелуем, завёл моё сердце и заполонил мысли.* Я с недовольством смотрю в его сторону, а тот отвечает мне не менее раздражённым взглядом.

– А за воскрешение? – тихо задаю я новый вопрос.

– За воскрешение? – так же тихо переспрашивает принц, прижимая меня к себе теснее, но отстраняется, слыша, что нас зовут.

– Принц Даниил! Ваше высочество! – Двое стражей останавливаются перед нами. – Король хочет вас видеть!

– Хорошо. Позже.

– Сейчас, ваше высочество! Король сказал, что это срочное собрание.

– Он сказал меня привести? – холодно уточняет Даниил.

– Да.

Хоть я и заранее чувствовала запах снега в воздухе, но это всё равно становится неожиданностью, когда первые пушистые снежинки падают мне на лицо, волосы, а потом на мой кафтан. Мы все на мгновение замираем, поднимая лицо к небу.

– Хорошо, – наконец выдыхает облачко пара Даниил. – Мы обязательно закончим наш разговор вечером, Агата.

Принц напоследок сжимает мои ладони и уходит в сторону дворца вслед за стражами. Я ещё раз поднимаю взгляд к небу, наблюдая, как моя богиня Морана вступает в своё царствование. А потом разворачиваюсь и иду в сторону дворца, проходя мимо Аарона. Парень хватается меня за руку и дёргает назад:

– Стой спокойно!

Он заставляет меня вытянуть ладонь и начинает натягивать мне на покрасневшую руку кожаную перчатку. Вначале на одну, потом на другую. На его лице всё ещё остаётся печать раздражения. Аарон молча заканчивает и поднимает на меня глаза, я делаю шаг к нему навстречу. И так же молча застёгиваю ему все пугови-

цы на кафтане, так чтобы мех прикрыв кожу на шее, согревая. Я делаю это с не меньшим раздражением, как и Аарон ранее, будто забота друг о друге не приносит нам ничего, кроме недовольства.

– Ты в своём уме, Николай?! – опешил король, а потом повернулся к стражам с приказом: – Приведите Мару!

И как удачно для меня, что я зашла в комнату старшего принца именно в этот момент, чтобы увидеть замешательство на лице не только стражника, но и короля, и даже Даниила, который тоже находится здесь. Мы с Аароном расстались на первом этаже, и я решила позаниматься с Николаем ходьбой, но сама не ожидала, что важное собрание проходит в его спальне.

– Что случилось, ваше величество? – прерываю я неловкое молчание, с глухим стуком опуская бокал с отваром на ближайший комод.

– Проверь моего сына ещё раз, я должен быть уверен, что он в своём уме. Пока что он несёт какой-то бред, – король устало опускается на мягкий стул у окна.

– Отец! Я прекрасно осознаю, что говорю!

Николай сидит в постели, он выглядит бодрым, цвет лица здоровый, худоба постепенно уходит, волосы вновь начали блестеть. Я протягиваю ему уже привычный отвар и осматриваю его пальцы, ногти и цвет кожи под пластинами ногтей. Удовлетворённо отпускаю его руку, не замечая ни одного признака болезни. Николай, привыкший к моим прикосновениям, никак не реагирует, когда я проверяю его пульс на запястье и на шее.

– Я не вижу никаких проблем, – говорю я королю. – Принц абсолютно здоров.

– Проверь его нити жизни, они же – главное, – приказывает Дмитрий.

– Я бы не советовала, – пытаюсь уклониться я.

– Что может быть не так? – сразу наседает король.

– Мы предпочитаем не трогать здоровые нити живых людей. Все говорят о странных ощущениях. Это лич...

– Проверь! Он станет следующим королём, и я должен быть уверен, что отдам корону тому, кто в своём уме, – отрезает тот.

Я пытаюсь найти поддержку у Даниила, но тот только кивает, сжимая губы в линию. Николай выпрямляется, позволяя мне сесть сзади.

– Заранее прошу прощения, – тихо шепчу ему я.

– Ничего страшного, Агата, – улыбается он, поворачивая голову ко мне. – Просто проверь.

Мне всё больше нравится Николай, он относится ко мне по-доброму и, похоже, единственный в этом дворце, кто вправду не пытается меня использовать в каком-то хитром плане. Пальцами я пробегаю по его шее, и нити начинают светиться на коже золотистым светом. Они выглядят сильными, крепкими и полностью здоровыми, но раз я начала, то проверю до конца. Как только я поддеваю все три нити пальцами, Николай дёргается, я хватаю его за плечо, заставляя оставаться на месте. Старший принц тихо стонет сквозь зубы, прикрывая глаза. Даниил делает шаг к нам, открывая рот. Возможно, он хочет попросить меня прекратить

делать брату больно, но, удивлённый, отступает назад, когда я тяну нити, проверяя их эластичность, а Николай вновь тяжело выдыхает, и по его улыбке все понимают, что ему вовсе не больно. Я стараюсь закончить как можно быстрее, пытаясь уменьшить неловкость, в конце провожу пальцами по всей длине нитей, Николай слегка выгибается в спине, и я отпускаю их, аккуратно возвращая на место.

Старший принц смущённо отворачивается от меня, а я, понимаяюще улыбаясь, хлопаю пару раз его по плечу.

– Всё в порядке, – повторяю я Дмитрию, обращая внимание, что за окном с новой силой повалил снег.

– Тогда почему он продолжает нести бред, что Северин его не травил?! – разочарованно скидывает руки король.

– Я уже сказал тебе, отец! Северин этого не делал!

– Глупец! Твой брат нашёл доказательства! Был найден сератианец, что признался в этом грехе!

– Как? Под пытками? – фыркает Николай.

– Ты мне не веришь, брат? – холодно отзывается Даниил.

Николай смерил его оценивающим взглядом.

– Я уверен, что Серат меня не травил. А ты планируешь убить Северина и, возможно, развяжешь ещё более страшную войну, чем мы уже имеем! – вновь обращается к отцу старший принц. – Я сказал уже тебе, что давно переписываюсь с Северином, договариваюсь с ним о долгожданном мире, и он всегда шёл мне навстречу, зная, что война губит наши земли. Особенно сейчас, с наступлением зимы!

– И, конечно, твоё доказательство – это мирный договор, – скептически реагирует король.

– Именно! Северин подписал его первым, отец! И отправил мне. Ласнецов сам связал себе руки, поставив подпись под документом. Он поставил себя, своё правление и свою страну под угрозу, отправляя мне этот документ.

– И, конечно, этот документ был утерян! – рявкает король.

– Да! – зло кричит в ответ Николай.

Я делаю несколько шагов назад, к стене, не уверенная, что мне стоит здесь находиться, но и выйти без разрешения короля я не рискую.

– Проклятие! – Николай проводит пальцами по волосам, убирая их назад. – Я видел это соглашение своими глазами, я спрятал его в комнате, а потом меня отравили, и теперь его нет. За время моей болезни здесь побывали все, и нет возможности узнать, кто предатель.

– Северин мог передумать, поэтому и приказал отравить тебя и выкрасть документ, – замечает Даниил.

– Как я понял, единственный сератианец, который попался в Ярате, долго не прожил под твоими пытками, – отвечает Николай. – Так что не знаю, как ему удалось и меня отравить, и документ найти. Хотя схватил ты его, по рассказам, в день моего отравления. Логичнее предположить, что во дворце предатель. Сторонников войны намного больше, чем тех, кто желает мира.

Король раздражённо поднимается на ноги:

– Я бы, может, внял твоим словам, если бы не нападения сератианцев на наши отряды у Бесконечного леса. Именно они недавно в очередной раз пересекли нашу границу!

– Отец!

– Хватит, Николай! Я уже всё решил. Я не хочу, чтобы ты правил, сидя на пороховой бочке Ласнецовых, когда она в любой момент может взорваться. Мара убьёт Северина, и все наши проблемы будут решены.

Николай шокированно поворачивается ко мне.

– Так это ты убийца для Северина?

Я киваю.

– Ты же его не знаешь...

– Его предок Ариан убил мою сестру, а потом его солдаты убили меня и всех Мар, – спокойно парирую я.

– Но это был Ариан, и он поплатился за это своей же жизнью, – Николай разочарованно качает головой. – Нельзя выносить такой приговор Северину только из-за его родства, Агата. Намного проще договориться с одним человеком, чем противостоять целой стране. Неизвестно, как поведут себя сератианцы, оставшись без короля. Теперь у них есть королева, и они могут сплотиться вокруг неё.

– Значит, Мара убьёт и королеву, – отрезает король, чем вызывает во мне негодование – избавляться от не известной мне девушки я не собираюсь.

Николай устало выдыхает, понимая, что борется с упрямой стихией. Устав от этого спора, я забираю пустой стакан и направляюсь к выходу.

– Агата! – окликает меня Николай, когда я уже хватаюсь за ручку, покрытую позолотой. – Ты должна серьёзно подумать над тем, что собираешься сделать.

– Это часть моей сделки, принц. Поэтому я уже подумала, – сухо отвечаю я ему, не поворачиваясь.

Если бы сделка касалась моего возрождения, его слова наверняка поселили бы во мне сомнение. Но теперь я делаю это ради жизни сестры, поэтому у меня нет права на отказ.

В душе я проклиная Николая за его здравомыслие и зудящую правильность, когда на следующий день с позднего утра сажусь в библиотеке за толстые книги. Я вытаскиваю с полок всё, что нахожу о королевских семьях как Серата, так и Аракена. Николай сказал, что я ничего не знаю про Северина. Поэтому, зло чихнув от стоящей в воздухе пыли, раскрываю очередную книгу. В библиотеке дворца удивительно мало о правителях Серата. Ни портретов, ни иллюстраций, ни даже полноценного семейного древа. Похоже, Ласнецовы хорошо держат свои семейные дела в секрете от соседей.

Спустя часы всё, что мне удаётся выяснить о Северине, это то, что его родителей звали Светлана и Алексей. Бывшие король и королева. Светлана Ласнецова умерла рано, через четыре года после рождения своего второго сына – Северина. У Северина был старший брат – Александр. У них разница в два года, но Александр умер в возрасте десяти лет. В итоге в королевской семье Ласнецовых остались только король Алексей и его сын Северин. Когда я дошла до даты смерти Алексея Ласнецова, на какое-то мгновение мне стало жаль Северина.

Примерно два года назад он потерял последнего члена семьи, последнюю опору – своего отца.

Разозлившись на свою жалость к потомку Ариана, я с силой захопываю фолиант, поднимая в воздух новое облачко пыли.

В одной из других книг я вычитываю, что Алексей был замечательным королём, справедливым. Он уменьшил подать с обычных людей, каждую длительную зиму помогал голодающим деревням зерном из королевских запасов, именно Алексей в самом начале своего правления смог более-менее улучшить ситуацию между Сератом и Аракемом, он первым остановил свои войска, прекратив нападения. Дальше они только защищались, но никогда не переходили границы Аракена и не трогали мирных жителей. Судя по слухам, Алексей даже нашёл одного или нескольких Мороков, которые за деньги согласились постепенно избавить Бесконечный лес от нечисти, чтобы те прекратили разорять близко расположенные к нему поселения.

Прочитав всё это, я радуюсь, что Алексей уже мёртв и мне не придётся его убивать. Мне было бы сложнее перерезать глотку тому, кто так заботится о своём народе. Северин только недавно вступил на престол, поэтому о его правлении вообще ничего не известно. Всё, что я нахожу о своей будущей жертве, – это его возраст. Сейчас ему двадцать четыре. Принцесса Елена была права, о его королеве вообще ни слова.

Я с тоской смотрю в окно, на вчерашний снег, что плотным покрывалом укутал землю. Небо так и не расчистилось от туч, и середина дня больше похожа

на начинающиеся сумерки. Хотя, возможно, так оно и есть, ведь зимой световой день намного короче.

Аарона и Даниила я не видела со вчерашнего вечера, с Еленой не сталкивалась с самого вчерашнего завтрака, когда она мучилась головной болью. Я вспоминаю о Мороке, до прибытия которого ещё неделя или даже больше. Слуги Тени живут дольше и путешествуют где вздумается, возможно, он видел Северина и знает что-то о нём. Но спросить его я смогу ещё не скоро.

Вернув книги на свои места, я устало иду к себе в комнату, чтобы переодеться во что-то поудобнее, чем платье, и заняться Николаем. Хотя и его видеть я не хочу, зная, что он будет стараться меня переубедить, относительно моей мести.

Я переодеваюсь в обтягивающие штаны, чёрную рубашку, накидываю приталенный тёмно-алый кафтан, украшенный чёрной вышивкой, и отправляюсь к старшему принцу. Когда я открываю дверь и захожу, за окном медленно начинает темнеть, поэтому в комнате наследного принца уже зажгли свечи. К моей удаче, здесь так же находится принцесса Елена, которая сидит рядом с кроватью брата и читает ему книгу.

– *«Девчонка нужна и поедет с нами», – сказала ведьма своему стражнику. И те, хоть и согласились, но собирались забрать путников с собой, пленить их и увести во вражескую страну. Но ни девчонка, ни её друг не собирались сдаваться и не опустили оружия...* – Елена замолкает и отрывает взгляд от потрёпанной книги, когда я прикрываю за собой дверь.

– Агата, замечательно. Я как раз хотел с тобой поговорить, – Николай мне больше не улыбается, и я устало выдыхаю, зная, о чём он хочет поговорить.

В комнате, кроме нас троих, никого нет.

– Где лекари или служанка? – спрашиваю я у Елены, когда она закрывает книгу и отходит подальше.

– Я отпустила их на ужин.

Я протягиваю принцу бокал, и он, морщась, но без возражений, выпивает очередную порцию отвара. Уверена, что уже завтра мы сможем поднять его на ноги и он вновь будет ходить, пусть для начала медленно. Несмотря на его доброжелательное отношение к правителю Серата и наше разногласие, я искренне радуюсь, что Николай идёт на поправку и что подобный рассудительный человек станет королём.

– Агата, ты подумала о том, что вчера узнала? Ты всё ещё уверена в том, что собираешься сделать?

– Да.

– Твоих сестёр не вернуть! – Его слова бьют не настолько больно, потому что я и так это знаю, но его тон выше, чем обычно, а Николай при мне ещё не злился. – Последствия твоего решения могут унести сотни или даже тысячи жизней! Потери будут не только среди солдат, но и среди мирных жителей! Голод, Агата!

Он всё наседает, подаваясь вперёд, когда я, сидя рядом, проверяю его пульс. Он хватается меня за запястье, не позволяя подняться. В комнату заходит Даниил. Он выглядит озабоченным, и его глаза удивлённо расширяются, когда он замечает меня.

– Что ты здесь делаешь?

– Проверяю принца, как и каждый день до этого.

– Почему сейчас? Ты же делаешь это днём! – нервно бросает он, прикрывая дверь.

– Днём я была в библиотеке, поэтому задержалась, – пожимаю я плечами.

– Не слушай Даниила, Агата, – встряхивает мою руку Николай, который всё ещё цепляется за неё, но я продолжаю упрямо смотреть в карие глаза младшего принца, не понимая, почему он недоволен моим присутствием здесь. – Не смей развязывать вой...ну!

На последнем слове Николай кровью заплёвывает мне половину лица, руки и одежду на груди. Я шокированно поворачиваюсь к старшему принцу, у которого изо рта обильно идёт кровь, пачкая ему горло и белую рубашку. Он хрипит, пытаясь что-то сказать, но у него лишь пузырится кровь на губах. У меня всё плывёт перед глазами, когда Николай опускает взгляд себе на грудь, и мой взгляд следует за ним, замечая небольшой кинжал, что теперь торчит у него в груди. Лезвие прошло ровно между рёбер и вошло ему в сердце. Вскрикивая, я отшатываюсь назад от кровати, врезаясь спиной в резной столбик балдахина. Но не чувствую боли, не моргая наблюдаю, как жизнь покидает Николая. Последнее, что он делает, – это смотрит на равнодушное лицо Елены, которая отходит от кровати с другой стороны. Её руки едва забрызганы кровью.

– ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛА, ДУРА?! – зло ругается Даниил.

– ТО, НА ЧТО У ТЕБЯ СИЛ НЕ ХВАТИЛО! – так же отвечает ему Елена.

Они стоят по разные стороны кровати, где между ними их старший брат испускает последний вздох, а его кровь обильно впитывается в пуховое одеяло. На его лице застыло удивление от предательства, а одна рука всё так же обхватывает кинжал, что торчит из его груди.

Я трясую головой, сердце в панике бьётся в груди, и не могу сделать ни единого вдоха, шаг за шагом пячусь спиной от кровати.

– У нас был план! Зачем ты всё испортила! – Единственная реакция Даниила на то, что его двойняшка только что заколола их брата, – это злость и раздражение, и это выводит меня из равновесия.

Я ничего не понимаю.

– А я тебя предупреждала, – огрызается Елена. – Сказала, чтобы ты убрал её от Аарона!

– Я поставил его как охранника!

– Я видела, как между ними что-то происходит! С Северином я поддержала тебя и оставила идею его вернуть, я оставила тебе причину для войны, но с Аароном я сразу тебе сказала, что он мой!

– Он и есть твой! Я же сказал, что устрою твою свадьбу, как только мы со всем закончим, но нам нужна Агата, а ты что сделала?! – Даниил даже не глядя взмахивает рукой в мою сторону.

– Теперь она нам не нужна!

– ДА ТЫ ХОТЬ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, СКОЛЬКО ТРУДОВ И ДЕНЕГ Я ПОТРАТИЛ, ЧТОБЫ НАЙТИ ЕЁ МОГИЛУ?!

– А ты хоть смог сделать, что нужно, брат? – ехидно парирует девушка.

– Да. Я всё сделал, но ты испортила идеальный план! Зачем ты сделала это при Агате?! Она не должна была здесь быть!

Я пячусь назад, едва замечая момент, когда чуть не падаю, споткнувшись о шкуру убитого зверя на полу. Продолжаю делать шаг за шагом, пока не врезаюсь спиной в край камина, в котором тепло потрескивает огонь. Я слышу всё, что они говорят, но в голове хаос, и я не понимаю, как они могут обсуждать такое. Как они могут переругиваться, стоя над телом своего брата. Мне нужно закричать, нужно позвать стражу и короля, но я всё ещё не могу сделать даже вдох. Комната плывёт и шатается из стороны в сторону, словно при шторме, и я знаю, что мне нужно убраться отсюда, но я всё ещё не могу поверить, что Николай, которого я с трудом вылечила, убит вот так. Убит теми, кто поднял меня из могилы ради него.

Елена презрительно фыркает, потом обходит кровать, приседает рядом с Николаем. Я не могу оторвать глаз, когда она хватает брата за мокрую от крови рубашку, начинает плакать и истошно кричать.

Меня словно ударили плетью по оголённой коже. Я почти уверена, что вновь чувствую, как в моё тело входит первый меч от эгоистичного предательства принцессы. Пронзает моё тело насквозь, как тогда, в день моей смерти.

Потом второе лезвие, когда Даниил смотрит на меня с сожалением, но не останавливает сестру.

В комнату врывается стража, удивительно поздно. После вопля Елены прошло не меньше двадцати се-

кунд, хотя мне кажется, прошла вечность. Среди стражи появляется Аарон. Вначале он смотрит на меня, и его глаза расширяются, когда он замечает кровь на моём лице и одежде, мои руки в крови и трясутся. Аарон делает шаг ко мне, но переводит взгляд на Николая.

– Почему у дверей не было охраны?! – повышает голос Аарон на солдат, и я смутно вспоминаю, что их и вправду не было, когда я пришла.

Всё было спланировано заранее.

– СТРАЖА! – надывается Елена, её лицо вновь красивое и печальное, перед нами снова нежная принцесса Аракена, убитая горем. – Возьмите под стражу убийцу! Она предала нас! Бросьте Мару в темницу!

Мне хочется схватить Аарона за одежду, рассказать правду, вцепиться в его кафтан и плакать, надеясь, что он мне поверит, но я не двигаюсь и не открываю рта. Мне не нужно, чтобы решили, что он мой сообщник.

– Даниил? – неуверенно спрашивает Аарон.

– Возьмите Мару под стражу, – раздражённо бросает принц. – Аарон, проследи.

– Хорошо.

Челюсть Аарона напрягается, когда он смотрит на меня с яростью и недоверием, а рукой почти до скрипа сжимает рукоять своего меча, кивая стражникам. Теперь я чувствую третье лезвие, последний меч, и он самый болезненный, потому что до сознания дошла боль от первых двух одновременно с третьим.

Трое наваливаются на меня, и я не сопротивляюсь, когда они слишком сильно толкают меня к стене. Я уда-

ряюсь лбом о кусок лепнины рядом с камином так, что клацают зубы. Они болезненно заламывают мне руки, пока из глубокой царапины на лбу начинает стекать кровь. Теперь её много из-за моего бьющегося сердца. Я рассеянно чувствую, как капли ползут вдоль лица по веку правого глаза и потом по щеке.

Они связывают мне руки и грубо отрывают от стены. Мы успеваем сделать несколько шагов к выходу под наигранный плач Елены, как вдруг к звукам присоединяется звон колокола. Вначале один, громкий, который наверняка слышат во всём Ярате. Потом второй, третий поменьше и пронзительнее. Мы все замираем, и даже я знаю, что этот звон означает. За годы его мелодия никак не изменилась. Я в недоверии поднимаю взгляд на Даниила, он рассеянно смотрит в окно, за которым наступила ночь. Теперь я понимаю весь их диалог, понимаю, о чём его спрашивала Елена, понимаю, что он не соврал, сказав, что смог выполнить свою часть плана.

– Король мёртв, – тихо шепчет один из охранников.

– Да здравствует король, – тихо повторяет второй, смотря на Даниила.

– Да здравствует король! – уже громко и уверенно поддерживают фразу остальные.

– Уведите Мару в темницу! – Аарон прерывает этот фарс, бросая взгляд на ещё тёплое тело Николая.

Я делаю то же самое, в последний раз смотрю на старшего принца, что нравился мне, хоть наши мнения под конец и разошлись. Я тихо шепчу короткую молитву Богине, прося позаботиться о его душе, а потом меня выволакивают из комнаты.

В коридоре, когда моё оцепенение отступает во тьму, когда хватка шока и разочарования слабеет на моём горле, я начинаю злиться. За злостью поднимается ярость от предательства.

Я была терпеливой и спокойной, делала всё, что они хотели.

Позволила заковать себя в кандалы и играть, как с марионеткой.

Позволяла обнимать меня, наряжать как куклу и кормить меня обещаниями.

Терпела боль и заботилась о Николае, чтобы потом его так глупо зарезали в собственной кровати.

Мои кисти всё ещё обильно покрыты кровью Николая, поэтому я вырываю одну руку, сдирая кожу с запястья. Мне чертовски больно, но ярость сильнее, когда я бью одного охранника локтем в лицо, второго намеренно бью между ног. Специальная защита его спасает от серьёзных увечий, но не от боли, и он сгибается. У третьего я выхватываю кинжал и раню его в руку. Этот коридор недостаточно просторный, чтобы нам раз-

вернуться; вижу, как бежит больше солдат навстречу. Они со всех сторон, я горько усмехаюсь своей повторяющейся судьбе вновь быть убитой во дворце.

Я не могу себя заставить убивать солдат, чьи лица уже запомнила, с кем здоровалась ещё несколько часов назад. Поэтому я уклоняюсь, раню не смертельно, одного бью головой об стену, и он теряет сознание. Я продолжаю бороться, зная, что выйти отсюда мне не удастся. Мне стоит просто остановиться, пусть бросят меня в темницу или пусть вернут меня в могилу, хуже, чем было, со мной уже не случится. Но я не могу остановиться, моё сердце колет и сжимается от разочарования, и я не могу унять эту боль. Кто-то хватает меня сзади, сдавливает мне шею, приподнимает над полом, перекрывая воздух. Кто-то, кто знает меня достаточно хорошо, чтобы знать, что воздух не имеет значения, но я, как и обычный человек, имею чувства. Паника от удушья накрывает меня, и перед глазами пляшут чёрно-жёлтые пятна. Держащий выворачивает мне руку с кинжалом, я роняю его и цепляюсь за сдавливающий моё горло локоть. Из глаз льются злые слёзы, когда я слышу холодный голос Аарона:

– Успокойся. Ты нужна принцу живой.

Я вспоминаю, как он впервые сказал, что мне здесь ничего не угрожает, как массировал мою ладонь, зная о моих приступах паники. И его я ненавижу больше всех, потому что доверилась легче, чем кому-либо в этом дворце. Доверила ему свои слабости. Я тянусь руками назад, желая пальцами выдавить его изумрудные глаза, но успеваю только коснуться его подбородка и

губ, он сдавливает горло сильнее, и тело становится ватным, а я проваливаюсь в темноту.

Я прихожу в сознание, находясь в мрачной темнице, не зная, сколько времени прошло со дня смерти короля и Николая. Со дня, когда Даниил, Аарон и Елена показали свои истинные лица и намерения. Моя камера небольшая, но, к счастью, достаточно чистая и сухая. Холодный каменный пол покрыт свежей соломой, есть узкая койка с покрывалом из грубой шерсти. Они оставили мне небольшой таз с ледяной водой и тряпкой, чтобы я могла смыть с себя кровь. У моей камеры нет охранников, но я слышу их тихие голоса и шаги где-то вдалеке.

Даниил теперь король, и он поместил меня куда-то под землю. Здесь нет ни одного окна, я не могу разобрать, день сейчас или ночь. И чем больше будет проходить времени, тем сильнее я потеряюсь в сутках, а потом и в сезонах. Здесь вообще мало света, за исключением того, что дают одинокие факелы где-то в стороне. Напротив и по бокам меня ещё камеры, но все они пусты.

Они специально посадили меня как можно дальше ото всех. Чтобы я не могла ничего понять или узнать. И неизвестно, сколько они продержат меня здесь. Я холодею, а ладони покрываются потом, когда понимаю, что не старею и Даниил может продержать меня так бесконечность, пока не добьётся от меня полной покорности или пока я не сойду с ума. Уверена, что однажды я начну умолять о солнечном свете. Или меня сюда посадила Елена в качестве мести за мою дружбу

с Аароном. Поставила ли она кого-то следить за мной, чтобы узнать, что мы стали ближе, или просто догадалась?

Я смываю с лица и рук кровь принца, о котором заботилась. Промываю глубокую ссадину на лбу и содранные участки кожи на запястье. Здесь холодно; закончив, я забираюсь на скрипучую кровать и кутаюсь в тонкое одеяло. Я вжимаюсь в угол в самые тёмные тени, вспоминая каждое событие, анализируя, что я упустила. Был ли момент, когда Даниил показывал свои истинные намерения, а я просто не разглядела его плана? Или изначально он не планировал убивать брата, а Елена пошла на поводу у эмоций?

Чем больше я думаю о том, с какой лёгкостью девушка вогнала нож в сердце человеку, что читал ей сказки перед сном, тем больше злости клокочет во мне. Её так много, что меня трясет. Я останавливаю себя, только когда замечаю, что скриплю зубами от жажды сломать хрупкую шею принцессы собственными руками.

Может ли война быть причиной всему этому? Всё шло к убийству Северина. Я хотела этого. Елена хотела этого по той причине, что он её отверг. Даниил тоже хотел, но почему, я не знаю. Какова его причина ненависти к Серату? Король и Николай войны не хотели изначально. И тут на руку отравление старшего наследника, тут как раз нашли сератианца, что признаётся в покушении. И вот король Дмитрий тоже желает смерти Северина и хочет уничтожить Серат.

Но всё рушится, когда в себя приходит Николай, утверждающий, что Северин ни при чём. Николай, ко-

торый категорически против войны. Он был бы в состоянии убедить отца не трогать последнего из рода Ласнецовых. Это ли причина? Яростное желание Даниила стереть Серат с лица земли, пройтись по их землям войной, проливая кровь? Или он так сильно хочет отомстить за то, что Северин отверг Елену?

Я трясу головой, чувствуя, словно в темноте шарю в поисках верного ответа. Он где-то рядом, я чувствую его присутствие, но никак не могу ухватить. Все предположения подходят, но все кажутся какими-то недостаточными.

Я что-то упускаю.

Сам ли Даниил отравил Николая? Но ради чего? Чтобы склонить отца к войне или добиться выделения денег на план, где он хотел поднять меня? Я зачем-то ему нужна, но его планы подпорчены несдержанностью сестры.

Под весом вопросов, на которые у меня нет ответа, я проваливаюсь в дрему, а потом засыпаю глубоким сном.

Я просыпаюсь всё в той же темноте. Вокруг стоит тишина, которую изредка нарушает потрескивание факелов и звук капель воды. Похоже, они падают в соседней камере. Кто-то приходил, потому что таза с окровавленной водой больше нет. Я не знаю, сколько проспала, потому что вокруг ничего не изменилось. Теперь я тщательно ощупываю и обыскиваю свою клетку, пытаюсь найти какое-то оружие, одежду, подсказки, шатающийся камень, хоть что-нибудь. Но ничего не нахожу, кроме грязных тряпок под кроватью и нескольких де-

ревянных щепок. Они настолько непрочные, что даже не подойдут, если я захочу ранить стражника в глаз. Я дёргаю свою решётку, ощупываю замок, но не нахожу никакого решения.

Никто не приносит мне еду, зная, что она мне не нужна, и из-за этого я не могу ориентироваться в сутках даже по такой мелочи. Я теряюсь в реальности очень быстро.

Сплю, бодрствую, думаю, злюсь и опять сплю.

Мои волосы и руки становятся грязными, ссадины заживают. Но я всё равно не знаю, сколько прошло дней, хотя могла пройти даже неделя, и я бы не поняла. Иногда я вспоминаю о Мороке, думая, что они ему скажут. Приехал ли он, разозлился ли, узнав о моём пленении, или поверит в рассказы Даниила, что я – убийца Николая?

Вначале я надеюсь, что он не станет глупить и пытаться меня вытащить. Если он человек, как и я, то его смерть будет отличаться от любой другой лишь тем, что по его душу придётся отправить больше убийц. Мне всё равно, что моя жизнь оборвётся вместе сдыханием слуги Тени, но я не хочу, чтобы сам Морок погиб. Но после бесконечно одинаковых дней иногда я начинаю ловить себя на надежде, что Морок убьёт их всех, чтобы найти меня.

Я думала, что буду рада, когда вновь услышу человеческие голоса, но как только я услышала тихий шёпот и шаги по своему коридору, то забилась в самый тёмный угол. Однако потом поднялась с места, замечая, как отражается оранжевый свет от её золотистых

волос. Принцесса выглядит такой хрупкой на фоне трёх охранников, с её тонкими пальцами и запястьями. Оказывается, не нужно иметь сильные руки, чтобы убивать родных. Хватит и гнилой души.

– Выйдите, – тихо приказывает она.

– Но, ваше высочество, король приказал...

Король. Значит Данишла уже короновали.

– Всё будет хорошо, поэтому подождите меня за дверью.

Стражи неуверенно топчутся на месте, но потом всё-таки подчиняются. Я дожидаюсь, пока раздастся щелчок задвижки с той стороны, когда охранники уйдут. И только потом дёргаюсь к решётке, чтобы удавить Елену, но моя протянутая рука ухватывает лишь воздух в пяти сантиметрах от её лица, а та и бровью не ведёт. Она знает о безопасном расстоянии.

– Ещё не поняла, что я поумнее тебя?

Дрянь.

Я перестаю пытаться и просто обхватываю решётку руками.

– Что тебе нужно? Вы же уже добились своего. Даниил новый король.

– Просто пришла насладиться твоим сломленным видом, – равнодушно бросает она, отряхивая нежно-розовое платье. – Ты мне, кстати, никогда не нравилась.

– В отличие от твоего брата, – парирую я.

– Даниил переживёт. Без тебя ему будет лучше.

– В чём дело? Аарон не замечает тебя, скучая по мне?

Её безразличие идёт трещинами, а губы кривятся в отвращении.

– Даниил уже сказал ему, что он станет моим мужем. Даниил – король, и его слово закон. Так что не смей упоминать имя моего будущего мужа и забудь о нём, Мара.

– Тяжело забыть о вкусе его губ, – я растягиваюсь в злой ухмылке, зная, где у неё больное место. – Вряд ли ты знаешь, насколько горячи его руки, когда он держит за талию.

У меня по телу проходит дрожь от ярости, что клокочет внутри, и от непрошенных воспоминаний, что всплывают в моей голове после этих слов.

Рот Елены приоткрывается, я жду, что она сделает неаккуратный шаг вперёд, и тогда я выдеру ей все волосы, потяну на себя и разобью её милое личико о прутья, но она встряхивает локонами и делает растерянный шаг назад. Однако я всё равно продолжаю улыбаться, зная, что причиняю ей хоть такую боль.

– Закрой рот, Мара. Ты лжёшь.

– О-о-о, – я специально переигрываю с удивлением, – неужели твои шпионы смогли уследить за нами только в саду и на кухне? Всё самое интересное происходило за закрытой дверью моей спальни, принцесса.

Я догадываюсь, что моя ложь может аукнуться Аарону, но он тоже меня предал, поэтому пусть пожинает плоды.

– Теперь даже мой брат не встанет между мной и моментом, когда я прикажу отрубить тебе голову, – зло цедит девушка.

Я равнодушно пожимаю плечами, добивая её:

– Смотри, Елена, как бы однажды Аарон не простонал моё имя, будучи наедине с тобой.

Она так стремительно уходит, что я начинаю хрипло хохотать ей вслед. Я никогда не была такой. Злой, ядовитой лгуньей, выплёвывающей слова, словно желчь. Но я совсем одна, и я устала, что все вертят мной, будто пешкой на шахматной доске. Я не просилась в эту игру, это они меня в неё втянули.

Следующие дни одиночества тянутся ещё дольше. С какого-то момента я начинаю бесцельно нарезать круги по камере, чувствуя панику, я говорю сама с собой, запуская руки в волосы, а потом помню, как кричу у решётки, проклиная всех Рахмановых. Иногда я лежу на полу, истерично смеясь глупости своего положения, а потом тихо плачу, понимая, что Даниил заживо запихнул меня в новую могилу. Только в той я хотя бы спала и ничего не знала, а здесь я всё время одна и в сознании.

А однажды у моей камеры появляется Инна. Это происходит так неожиданно, что я и не верю вначале в её реальность, решив, что у меня начались галлюцинации. Откуда моя служанка могла здесь появиться?

– Приведи её в порядок. Это можно сделать дальше по коридору.

Голос Аарона тихий и далёкий, он стоит где-то справа, дальше по коридору, и я не могу его увидеть. Я поднимаюсь на ноги, обхватывая руками прутья.

– Хорошо, – отвечает ему Инна, а потом немного отодвигается от моей решётки, увидев, во что я превратилась. – Госпожа, как давно вы здесь?!

– Аарон... – мой голос хриплый, но спокойный, я утыкаюсь лбом в прутья и слышу что он замер, хотя видеть его по-прежнему не могу. – Сколько я здесь?

– Почти три недели. Сейчас Инна тебе поможет помыться, но не пытайся сбежать, иначе она ответит за твой побег головой.

Мне кажется, я ослышалась. И первая, и вторая фраза похожи на сумасшествие. Даниил держит меня заперти три недели. Я прихожу в себя, только когда Аарон уходит, а замок моей камеры щёлкает, открываясь.

Я с недоверием смотрю на открывающуюся дверь, как на обман, ловушку в моём сознании, но Инна протягивает ко мне руки и ведёт в противоположную сторону от выхода. Служанка отводит меня в купальню. Здесь пахнет плесенью и затхлостью, но здесь есть вода и старая медная ванна. Окон всё так же нет, но здесь светлее благодаря зажжённым свечам на стенах. Пока девушка помогает мне снять уже поношенные кафтан, рубашку и штаны, я замечаю, как трясутся её руки.

– Не бойся, я не стану бежать или, тем более, причинять тебе боль.

– Я знаю. Я сама вызвалась помочь, хотя немного нервничаю. – Она натянуто улыбается, помогая мне забраться в ванну.

– Спасибо. – Я обхватываю себя руками, опускаясь в прохладную воду, и меня тут же начинает трясти от холода.

– У нас мало времени, госпожа, но если есть вопросы, то самое время, чтобы их задать.

Я удивляюсь этой отважной девушке и по-настоящему благодарна ей за доброту. Инна начинает поливать

меня водой, оттирая грязь. Она даже принесла моё лавандовое мыло, от запаха которого меня мутит, потому что его подарил Даниил.

– Сейчас утро? – задаю я первый вопрос.

– Нет, почти ночь. Все легли спать.

– Морок вернулся?

– Ещё нет, но говорят, что уже скоро он прибудет.

– Даниил – хороший король?

– Кажется, да. Во дворце мало что изменилось, но люди поговаривают о войне с Сератом. Ходят слухи, что вы убили принца Николая по науськиванию Ласнецовых. – Я фыркаю в ответ на её слова, но Инна спокойно продолжает: – Его величество пытается сдерживать эти слухи, говоря, что во дворец проник убийца, а вы просто были рядом.

– Ты веришь, что я убила Николая?

– Нет! – сразу отвечает Инна, и я расслабляюсь. – Я знаю, как много вы за ним ухаживали, знаю, что он выздоровел благодаря вам.

– Что случилось с королём Дмитрием?

– Лекарь сказал, что у него отказало сердце, поэтому он умер так внезапно. Не выдержал напряжения. Хотя иногда шепчутся, что это тоже Северин, поэтому мы потеряли и короля, и старшего принца в один день, – шёпотом заканчивает девушка, намывая мне волосы и оборачиваясь на дверь.

Конечно. Наверняка очередной яд.

Она промывает мне волосы трижды, пока они вновь не становятся чистыми, а я успеваю вся покрыться мурашками и продрогнуть от холода в этом помещении.

– Что с Еленой?

– Принцесса убита горем, часто плачет. Говорят, у неё шок после увиденного тела брата.

Вот же стерва.

– Принц... Король Даниил принял решение принцессу выдать замуж за Аарона и отправить обоих в какую-нибудь другую усадьбу, желая дать время сестре отойти от травмы, которую она получила во дворце. Его величество думает, что любящий человек и время вдали от дворца пойдут ей на пользу.

Я едва не смеюсь. *Значит, Даниил пытается отправить сестру подальше, пока и он сам нож под рёбра от неё не получил.*

– А Аарон?

– Он... – Инна задумывается над ответом, – такой же, как и всегда. Может, только более серьёзный, но у него прибавилось работы. Сейчас он начальник стражи короля, в остальном ничего не изменилось.

Я сжимаю кулаки, пока девушка вытирает мои волосы грубым полотенцем. Она помогает мне переодеться в чистые чёрные штаны и рубашку, а чтобы я согрелась, помогает надеть на меня новый алый кафтан с чёрной вышивкой.

– Меня к чему-то готовят? – задаю я свой последний вопрос, прежде чем вернуться в камеру к своему одиночеству.

– Я не знаю, госпожа. Возможно. Но Аарон просто пришёл ко мне и Марине с просьбой помочь, он не объяснил подробнее. Я согласилась.

Она напоследок сжимает мою ладонь, пытаясь поддержать, с сожалением на лице запирает мою клетку и уходит, вновь оставляя меня одну.

Удивительно, что может сделать знание о времени, холодная вода и чувство свежести на коже и волосах. Я вновь могу думать, подкатывающее отчаяние отступило, позволяя рассудку вновь начать анализировать.

Они помыли меня неспроста. Скорее всего, меня желает видеть Даниил или Елена приготовила мне встречу с плахой.

К моей удаче, я узнаю всё скоро, через несколько дней. Не знаю, сколько точно прошло, но спала я три раза за этот период, просто я не уверена: сплю ли я раз в сутки или чаще.

Я просыпаюсь от того, что мне на руки надевают толстые кандалы. Я распахиваю глаза, сталкиваясь с внимательными зелёными глазами Аарона, дёргаюсь, чтобы ударить его металлической частью своих оков в лицо, но он предвидел подобную попытку, и мне едва удалось двинуть руками, потому что парень крепко держит цепь.

На нём плотные чёрные штаны, поверх рубашки чёрная кожаная броня, в которую местами вшита кольчуга. Руки также закрыты кожей и наручами, а плечи кажутся шире из-за наплечников с серебром. За спиной длинный чёрный плащ с капюшоном. Его волосы стали немного длиннее, но он так же носит их распущенными. Лицо непривычно отстранённое, с тенями под глазами, и на мгновение я думаю, что, скорее всего, он отведёт меня на казнь.

Что придумала для меня Елена? Петля, топор, смерть от стрелы в сердце? Но почему-то мне кажется, что после сказанных мной слов об Аароне она сожжёт меня на костре как ведьму, и там даже Морок не сможет восстановить моё тело.

Я усмехаюсь своим мыслям. Аарон непонимающе смотрит на меня.

– Что смешного?

– Гадаю.

– О чём?

– О том, какую смерть мне приготовила стерва принцесса.

К моему удивлению, Аарон тоже усмехается.

– Негоже мужу смеяться над своей женой, – выплёвываю я с мрачной улыбкой.

– Не жена, а всего лишь возможная невеста, – равнодушно отвечает он, дёргая за мои кандалы, заставляя меня подняться с кровати.

Значит, свадьбы ещё не было. Тогда могу продолжать издеваться над принцессой, если она решит ко мне заглянуть. Я поддаюсь предвкушению сладкой мести, и, чтобы вывести Елену из себя, пальцами цепляюсь за край его нагрудника у самой шеи, тяну его вниз, заставляя парня нагнуться ко мне, и пока Аарон не успевает ничего сделать, касаюсь его губ своими. Но из нас двоих я удивляюсь больше, когда он сразу отвечает на поцелуй, обхватывая меня руками, прижимает к себе так крепко, что у меня начинают болеть рёбра. Он целует меня сам, раздвигая языком мои губы. Жадно, поспешно, будто этого хотел именно он, и хватается за возможность, пока она есть. По телу разливается жар, и я забываю, ради чего всё это начала, пока он забирает мой воздух, забываю, что ненавижу его и где мы вообще находимся. От него пахнет металлом и кожей, и я втягиваю носом эти за-

пахи, наслаждаясь чем-то новым, помимо затхлого подземелья.

Он отстраняется первым, отпуская меня из объятий, но вновь хватывается за цепь на кандалах.

– Ты намекнула Елене, что мы с тобой спали вместе. – Уголки его губ едва дёргаются, когда он старается скрыть улыбку.

– И много времени тебе понадобилось, чтобы это опровергнуть? – слегка наклонив голову, интересуюсь я.

– Нет.

– Что «нет»?

– Я не опровергал.

Мои брови удивлённо взлетают вверх, когда его губы растягиваются в мрачной улыбке.

– Я сказал, что мне понравилось.

Аарон вместе с четырьмя стражами наконец выводит меня на первый этаж. Я судорожно вдыхаю, носом втягивая новые, но такие знакомые запахи: еды и свежесыпеченного хлеба, что доносятся со стороны кухни, пыли от гобеленов, снега с ботинок солдат, которые входят в главную дверь, когда мы проходим мимо. Запах морозного воздуха, что гуляет по коридорам, когда кто-то распахивает окно, чтобы проветрить одно или несколько помещений. Я поспешно заглядываю в окна: сады укрыты толстым слоем снега, а где-то вдалеке алеет закат. Снег поблёскивает и переливается под этими красно-оранжевыми лучами, что проскальзывают сквозь ветки голых деревьев.

Я бы хотела насладиться этим зрелищем подольше, но Аарон дёргает цепи, которые приделаны к моим кандалам, и я делаю один неуклюжий шаг вперёд, чуть не спотыкаясь о собственную ногу. Я будто начала всё с начала, только тогда я шла по грязной дороге, а теперь по роскошному дворцу. Но ничего из этого богатства не меняет того факта, что я пленница.

Аарон приводит меня в кабинет короля. Раньше за массивным столом сидел Дмитрий, а теперь с мягкого стула при виде нас встаёт Даниил. Он машет рукой, чтобы стражи остались за дверью, Аарон отцепляет цепь от кандалов и отходит к двери, но помещение не покидает.

– Агата... – Даниил сбрасывает с плеч новый ярко-алый с золотым мундир и остаётся в белой рубашке и чёрных штанах.

На мундире золотыми нитями вышит образ жар-птицы. Символ Аракена. Я внимательно смотрю, как новоиспечённый король огибает стол и движется ко мне ближе.

– Такого расстояния достаточно, – холодно говорю я, когда до меня ему остаётся три метра.

Даниил сокращает расстояние до двух и всё-таки останавливается. Я жду, что он собирается мне сказать.

– То, что произошло, всё должно было быть не так. Я никогда не планировал подставлять тебя, никогда не хотел, чтобы ты узнала обо всём подобным образом. – В его голосе сожаление.

Я слегка наклоняю голову, замечая, что он короче подстриг волосы. Теперь они легко зачёсываются назад, он выглядит старше, величественнее. Во взгляде исчезло кокетство. Передо мной новый король, и этот статус ему очень идёт. Но и Николаю быть живым тоже шло.

– Это единственное, о чём ты сожалеешь, Даниил? – В этом вопросе столько разочарования, что я почти чувствую его вкус на языке.

– Нет, я сожалею о многом. Но во мне всё ещё живёт надежда, что ты...

– Что я что? – ядовито перебиваю я. – Стану твоим другом?

– Что ты поймёшь, – он сжимает челюсти, но проглатывает недовольство моим поведением.

– Назови мне свои причины.

– Я перечислю их тебе все. Все до одной, после того как мы закончим с Сератом.

– Ты думаешь, что наша сделка всё ещё в силе? – потрясённо выдыхаю я.

– Ты больше не желаешь мстить?

– МСТИТЬ?! – рявкаю я. – Не уверена, что имя потомка Ариана теперь на первом месте в моём списке!

– Напекаешь, что я теперь первый в твоём списке?! – Даниил подсакивает ко мне быстро, но я всё равно успеваю дать ему пощёчину, а кандалы до крови царапают ему щёку.

Аарон дёргается к нам, но Даниил рявкает на него:

– ВЫЙДИ!

Король пальцами впивается в мои плечи, удерживая мои руки внизу, он сжимает так сильно, что я шиплю от боли. Аарон не уходит, но Даниил вновь не обращает на него внимания, приподнимая меня поближе к себе.

– Мне пришлось продержать тебя в камере три недели, и мне жаль, – сквозь зубы цедит молодой король мне в лицо, когда капли крови скатываются по щеке и падают на его рубашку, оставляя красные разводы. – Я бы предпочёл, чтобы ты была рядом со мной, я бы нашёл способ объяснить тебе. Ты бы поняла.

Я упрямо молчу, вдыхая металлический запах крови.

– Ты же знаешь. Она моя двойняшка. Да, то, что она сделала, – бессердечно и глупо, но я не могу повесить всё на неё. Не могу избавиться от неё, ведь она моя родная сестра.

– А Николай был недостаточно родным?

– Ты ничего не знаешь! – Даниил сокрушённо встряхивает меня за плечи, и моя голова дёргается.

– И король был тебе недостаточно родным? Его убил ты, а не Елена.

Теперь он сжимает губы в линию, понимая, что я догадалась хотя бы об этом.

– Что тебе от меня нужно, Даниил? – Я обмякаю в его руках, смотрю мимо него, игнорирую его близость.

– Чтобы ты убила Северина.

– Этого не будет. Отправь меня обратно в могилу. Верни меня туда, где потревожил мой сон.

Взгляд Даниила ожесточается, и он наклоняется ближе к моему уху.

– Я слышал, как ты кричала иногда, будучи там внизу одна. Я так хотел вытащить тебя оттуда, хотел привести наверх и успокоить, но я не мог. А теперь, когда я могу, ты требуешь отпустить тебя. Но я не хочу.

По спине пробегает холод от его отстранённого голоса, почти неживого. Он опять проводит губами по моей шее, задевая мочку уха.

– Ты вернёшься вниз, а когда будешь готова быть со мной, скажи об этом охранникам. Одно твоё слово, Агата, и ты вновь будешь наверху, со мной. И я дам тебе

всё, что ты пожелаешь. Может, стоит сократить пытку и просто сказать мне сейчас?

– Нет. – Мой голос дрожит, когда меня охватывает ужас, что он и вправду бросит меня вниз.

Однако ещё хуже, что мне придётся бороться не только со временем и одиночеством, но и с самой собой, чтобы не сломаться и не дать ему того, что он жаждет.

– Тогда я буду ждать, когда ты решишься. Всего несколько слов, и всё, дорогая Агата. Я буду ждать.

Даниил выпрямляется и подталкивает меня к Аарону. Я не замечаю, как тот обратно прицепляет к моим кандалам цепь, как Даниил отворачивается, возвращаясь к столу. Всё окружающее подёрнуто пеленой, которую я не могу сморгнуть. Мир вновь качается.

Сколько я продержусь? Ещё месяц? Два? Полгода? Я сомневаюсь, что не начну умолять ещё до окончания этой зимы.

Мои ноги заплетаются, я всё ещё с трудом различаю дорогу перед глазами, когда Аарон выволакивает меня в коридор. Ему приходится поддерживать меня за талию и буквально тащить на себе после того, как колени подгибаются и я врезаюсь плечом в стену. Даже моя голова не держится на шее, а болтается из стороны в сторону. Аарон что-то приказывает стражникам; кажется, они уходят и парень тащит меня один. Я начинаю упираться ногами, боясь, что он вновь запихнёт меня в камеру. Я загнанно дышу, не зная, за какую стену ухватиться, а когда меня накрывает истерика, он зажимает мне рот рукой, втаскивает в ближайшую комнату

и сажает на мягкое кресло, а сам опускается на колени передо мной.

– Агата! Успокойся, дыши. – Он массирует мою ладонь, как и раньше, разминает большими пальцами. – Делай вдох медленно, а потом выдох. Я не поведу тебя в темницу.

Он продолжает повторять одно и то же, а я замороженно слежу за его длинными пальцами, пока дыхание не восстанавливается и пелена не сходит. Только затем я вновь могу видеть его лицо.

– Успокоилась?

Я слабо киваю, а голова падает, будто весит тонну.

– Слушай меня внимательно и молча, хорошо?

Опять киваю, чувствуя, как сознание проясняется. Аарон снимает с меня цепь и кандалы. Я не двигаюсь и не пытаюсь его ударить, ожидая какого-то подвоха.

– Я выгашу тебя из этого дворца. Мы уедем, Агата. Хорошо? Но это будет непросто, здесь много стражи, поэтому мне нужно, чтобы ты собралась. Мне нужна твоя помощь, я должен знать, что ты в состоянии защитить себя.

– Ты врешь.

– Нет.

– Ты веришь, что я не трогала Николая?

Аарон фыркает, будто мои слова суший бред.

– Конечно, я знаю, что его убила Елена. Я это понял, как только вошёл в комнату в тот день.

– Тогда почему ты не рассказал страже?

– Потому что всё намного сложнее. Даниил сказал правду, ты ничего не знаешь. И даже то, в чём ты уверена, – ложь.

Я ничего не понимаю и трясу головой, но он продолжает:

– Тебя подняли в середине длительной войны, полной недопонимания, лжи и обмана. Конечно, ты ничего не понимаешь, Агата. Но я расскажу тебе. Расскажу всё, что знаю, в чём уверен, потому что даже я ещё не разобрался в этой истории до конца.

Я расслабляюсь, позволяю себе поверить ему. Я готова довериться ему просто потому, что он не планирует сажать меня в клетку. Пусть лучше меня убьёт Елена, но туда, в темноту, я больше не вернусь.

– Морок меня найдёт, – выдавливаю я.

– Морока пока здесь нет. А когда он найдёт нас, будем надеяться, что он будет на нашей стороне.

Я рассеянно киваю в очередной раз, надеясь, что он прав. Если что, я могу сбежать. Воспользуюсь его помощью, выберусь из этого дворца и, может, сбегу куда-нибудь одна, оставляю их всех позади.

– Ты готова пойти со мной, чтобы помочь мне размотать этот клубок обмана и понять, с чего всё началось?

Парень поднимается на ноги и протягивает мне раскрытую ладонь. Когда я остаюсь сидеть, отказываясь принимать его помощь, Аарон улыбается и протягивает мне вторую руку с двумя длинными кинжалами. Он даёт мне оружие, которым я могу убить его прямо здесь и сейчас. Он доверяет моему выбору. И я забираю кинжалы и только потом хватаюсь за его ладонь, поднимаясь на ноги.

– Даниил тебя убьёт, – понимаю я, когда Аарон помогает мне закрепить оружие на поясе.

В ответ на это парень мрачно смеётся.

– Пусть попробует.

– Почему ты мне помогаешь?

– Я же тебе сказал. Я оставался в Ярате, потому что у меня были причины. Возможно, твой смех больше не такой милый, как раньше, но глаза по-прежнему голубые.

Мои щёки покрываются румянцем, когда я вспоминаю тот разговор и понимаю, что он не шутил. Возможно, он и вправду оставался здесь всё это время ради меня, но тогда я его совсем не знаю.

– Я вновь надену на тебя кандалы, но мы пойдём в другую сторону. Нам нужно добраться до конюшен, там мы уедем в город. В городе я всё приготовил для путешествия.

Я соглашаюсь, хоть и нервно сглатываю, когда он вновь сковывает мне руки. Аарон застёгивает мой кафтан, скрывая оружие под одеждой.

Он ведёт меня, переходя из комнаты в комнату, когда это возможно, выбирает коридоры для слуг, петляет, зная лучше меня, где пройти, чтобы дойти до конюшен. Я, к своему стыду, понимаю, что даже не знаю, в какой стороне они находятся, потому что при поездке верхом меня всегда встречал Морок прямо у главного входа вместе с лошадьми. Мы сталкиваемся с редкой прислугой и стражами в коридорах, но, заметив Аарона, они с ним здороваются, а на меня не обращают особого внимания и не задают вопросов. После пятнадцати минут блужданий мы оказываемся в небольшом кабинете, Аарон хватается за дверную ручку, но прежде

чем успеваешь потянуть, воздух пронзает колокольный звон, и парень ругается сквозь зубы.

– В чём дело?

– Охрана. Они знают, что тебя нет в темнице.

– Как далеко до конюшен?

Он снимает с меня кандалы за ненадобностью. Больше нет смысла притворяться, а свободные руки мне пригодятся, чтобы помочь защищаться.

– Недалеко, буквально ещё один коридор, и там есть задняя дверь в конюшни.

– И наверняка именно там они нас и ждут.

– Наверняка, – согласно кивает Аарон.

Мы слышим топот ног возле наших дверей. Судя по звуку металла, мы не ошиблись в том, куда они направляются. Аарон не двигается, продолжая сжимать бронзовую ручку.

– Проклятие! Пусть все эти боги подавятся своими секретами, – зло выплёвывает он, когда я открываю рот, чтобы спросить, в чём дело.

Парень хватается за руку, разворачивает к себе, снимает свой чёрный плащ и заботливо накидывает на мои плечи, молча затягивает завязки.

– Аарон?

– Это всё из-за тебя, – обвиняющие слова никак не вяжутся с тем, как мягко он касается пальцами моей щеки. – Я же просил тебя не попадать в неприятности.

– Я не виновата! – пытаюсь оправдаться я, когда он с улыбкой делает шаг назад.

Но Аарон меня никогда о таком не просил.

Замечая, как понимание отражается в моих глазах,

парень достаёт чёрно-золотую маску шакала из-за спины и надевает на голову, закрывая лицо. В комнате как будто становится темнее, а тени стекаются и ползут к нему по стенам, полу и потолку, словно змеи. Ползут по его телу, сплетаясь в знакомый мне потрёпанный плащ.

Я вжимаюсь спиной в стену и прикрываю рот рукой, не в состоянии оторвать взгляда от этого завораживающего и жуткого зрелища. Когда всё заканчивается, Морок натягивает чёрные перчатки на руки и накидывает капюшон на голову, наполовину скрывая маску в тени.

Теперь уже Морок протягивает мне руку, и я вздрагиваю от глубокого голоса из-под маски.

– Пойдём, маленькая Мара. Поглядим, как король Аракена попытается нас убить.

Я хочу ударить его или хотя бы пнуть за ложь, за обман, за три недели в темнице, но вместо этого игнорирую его руку и обхватываю его тело руками, прижимаюсь к его груди, зная, что могу довериться ему, потому что Морок никому не служит. Количество моих вопросов только увеличилось, но теперь я смогу задать ему каждый из них, как только мы выберемся отсюда. Я смогу уехать куда захочу.

– Я приму это за согласие, – усмехается он, поглаживая меня по волосам.

Теперь, зная, что за чёрными провалами маски скрываются изумруды, мне даже кажется, что я узнаю интонацию голоса Аарона в этом странном пугающем звуке из-под маски. Я отодвигаюсь, и мы оба вытаски-

ваем оружие. У него, в отличие от меня, есть ещё и меч, но не меч Морока, а простой, что носит Аарон – страж принца, а теперь короля.

Он идёт первым, в коридоре мы встречаем четырёх стражников. Мы застали их врасплох и успеваем убить прежде, чем кто-то из них зовёт подмогу. После дней в одиночестве я без колебаний убиваю их, они стоят между мной и свободой, и ни один из них никогда мне не поможет, если меня вновь запрет.

Мы не разговариваем, а Аарону даже не нужно оборачиваться, чтобы знать, что я иду за ним. Наша связь помогает ему меня почувствовать и найти, если потребуется. Он ведёт меня в узкий коридор, распахивает довольно простую дверь, и мы оказываемся в конюшне.

Мы, лошади и ещё около двадцати пяти вооружённых стражников вместе с Даниилом. Все они оборачиваются к нам и замирают в нерешительности.

– Морок, что ты делаешь? – спокойно спрашивает Даниил, распрямляя спину.

– Ухожу.

Король бросает взгляд на оружие в наших руках, на лезвия, на которых остались кровавые разводы.

– Что ты сделал с Аароном?

– Убрал мальчишку. Он мне мешал.

– Убери оружие и отдай Агату, а потом можешь убираться, – Даниил не вытаскивает оружия, но кладёт руку на рукоять меча, все солдаты вокруг него напрягаются.

– Не тебе мне указывать, маленький король. Я не твой подданный, а Мара – не твоя собственность. Если

она желает уйти, то она уйдёт вместе со мной.

Даниил сжимает челюсти, вытаскивая лезвие, моего мнения он не спрашивает. Ему всё равно.

– Схватите обоих, не убивайте, – приказывает король, но его солдаты мнутя, не уверенные, что готовы напасть на слугу Тени.

Морок усмехается, прокручивая меч.

– Желающих отправиться в Тень нет?

Я, как и стражи, смотрю на Морока с недоверием, не уверенная, шутка это или он и вправду готов всех этих людей отправить в бесконечную пустоту.

– Или начнём с короля? – Мой друг слегка наклоняет голову, делая шаг к Даниилу.

Первый стражник нападает на него справа, но я оказываюсь быстрее и блокирую удар, который предназначался Мороку. Даниил смотрит на меня сердито, оскорблённо, будто я его предала, и я едва сдерживаюсь, чтобы не плюнуть в его сторону. Отвожу лезвия солдата и пинком отшвыриваю его от нас, когда остальные приходят в движение. Морок косит первых двух двумя лёгкими движениями, вначале лезвие идёт вверх, оставляя у первого противника глубокую рану на груди, а второму лезвие колющим ударом входит в горло. Пятеро солдат оттаскивают Даниила подальше, хоть он и упирается. Он теперь король, и если что-то будет ему угрожать, солдаты вправе силком оттащить его в безопасное место. Пока Морок убирает уже пятого, я избавляюсь от двоих. Одному режу ноги, чтобы он больше не мог стоять, второму ныряю под руку и режу горло сбоку.

Лавирую между руками, что пытаются меня схватить. Мне даже не требуется сражаться, я могу с тем же успехом просто ничего не делать. Потому что теперь я могу оценить скорость Аарона и понимаю, почему он специально совершал ошибки перед Даниилом, почему не пользовался слабыми местами оппонента, когда принц открывался перед ним для удачного удара. Он просто не мог показать всё, на что способен. Но сейчас Морок с лёгкостью делает замах, рассекая бедро противника справа, без промедления перебрасывает клинок в левую руку и убивает солдата слева, не делая и лишнего шага. Ирина учила меня владеть левой рукой, поэтому я тоже иногда применяю неожиданную смену руки, но до непринужденности, с которой это делает Аарон, мне далеко. Однако я всё равно помню, что он, в отличие от меня, жив. И если он умрёт, то умру и я, поэтому прикрываю его со спины, разбираясь ещё с двумя солдатами.

Когда между нами и лопадью не остаётся больше преграды, я оборачиваюсь назад, чтобы увидеть оставленные за нами трупы, но ничего не чувствую. Я поворачиваюсь к оставшимся пятерым солдатам, которые готовы защищать короля, и делаю несколько порывистых шагов к ним, желая разобраться с Даниилом, но меня хватает за плечо Морок и оттаскивает назад.

– Не сейчас.

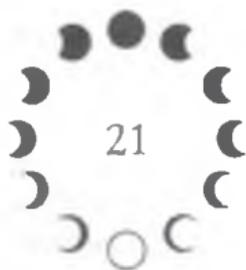
Он выпрямляется и машет мечом в сторону короля, что с презрением смотрит на моего друга.

– Можете забрать своего короля, он нам сегодня не нужен, – с пренебрежением бросает Морок и тащит

меня к крепкому вороному коню, сажает в седло и запрыгивает сам.

– Ты не можешь уйти, Агата! – кричит нам в спину Даниил, когда Морок направляет коня к выходу.

– Это мы ещё посмотрим, – глухо отзывается мой друг и направляет коня галопом в сторону города, утопающего в наступающей ночной темноте.

Левой рукой Морок крепко прижимает меня к себе, пока правой управляет конём. Животное несётся во весь опор, пока мы не попадаем на узкие улочки, где приходится лавировать между поворотами. Морозный воздух кусает мне щёки, а пальцы, которыми я цепляюсь за рог на передней луке седла, мёрзнут. Но в остальном мне тепло благодаря плащу, что отдал мне Аарон, и теплу его собственного тела. Я слишком плохо знаю Ярат, чтобы понять, куда мы движемся, но Морок специально петляет по улицам, догадываясь, что Даниил сейчас собирает солдат, чтобы отправить за нами погоню.

Мой друг останавливает коня перед обычным амбаром, которых на этой улице множество. Скорее всего, склады с зерном или сеном. Обхватив мою талию руками, Морок снимает меня с коня, даже не реагируя на мои протесты и заверения, что я и сама могу это сделать. Он молча берёт животное под уздцы и ведёт в помещение. Там, как он и обещал, нас ждут Сахарок и Вьюга. Они уже осёдланы, к сёдлам прикреплены сум-

ки с припасами, шерстяные одеяла и спальные мешки, которые вряд ли нам помогут в столь суровую погоду, но это лучше, чем ничего. К седлу вороного коня Морoka также прикреплен его знаменитый меч, который он сразу вешает себе за спину.

– Куда мы отправимся? – спрашиваю я, когда он снимает меч стражника Аракена и с ненавистью швыряет в сторону.

– Туда, куда Даниил не сунется.

Мы вновь выходим на улицу со своими лошадьми. Морок без промедления садится в седло, а я медлю, потому что не получаю ответа на свой вопрос.

– Куда мы поедем? – повторяю я.

– В Бесконечный лес.

– Зачем нам... – и я осекаюсь, понимая, куда именно он планирует поехать. – Ты предлагаешь спрятаться в Серате?

– Да.

– Зачем?

– Потому что мы с тобой можем поехать куда хотим, а вот Даниил в Серат так просто сунуться не может. Мне вновь тебя подсадить?

Я сразу сажусь в седло, не желая проверять, была ли последняя фраза шуткой.

– К тому же... – говорит он, разворачивая своего коня, и я следую его примеру, – ответы на большинство твоих вопросов кроются именно там.

Мне не нравится идея поездки в Серат, но он прав, это лучшее место, чтобы избавиться от преследования Даниила. Там мы сможем остановиться на каком-ни-

будь тёплом постоянном дворе и решить, что делать дальше. Уверена, что даже если Даниил не сможет убить Северина тайно, то он начнёт открытую войну против Серата. И в этот раз она будет короткой и до последнего, пока один из двух королевских родов не погибнет. И теперь я не знаю, кого из правителей я бы предпочла. Северина – потомка Ариана, что убил мою сестру, или же Даниила, что с такой лёгкостью расправился со своей собственной семьёй и держал меня в темноте.

В голове на мгновение мелькает желание самой убить их всех и оставить две страны в хаосе, без правителей, позволяя людям самим выбрать своего нового короля. Одного или двух – значения не имеет.

Я встряхиваю головой, отгоняя эту мрачную мысль. Кто я такая, чтобы решать судьбу двух стран, и неизвестно, кто следующий сядет на трон. Это могут быть какие-то безумцы, которым плевать на простых людей, когда Даниил и Северин пытаются свои страны поднять, а не развалить, хотя между собой жить в мире почему-то не могут.

Луна поднимается высоко, когда мы выбираемся из города, двигаясь на север по уже знакомой дороге. К нашей удаче, весь окружающий пейзаж покрыт белоснежным покровом, что позволяет нам спокойно двигаться вперёд даже ночью. Спустя час начинает идти снег, пушистый, хлопьями. Он медленно падает, и благодаря ему и отсутствию ветра становится немного теплее. Кроме того свежий снег поможет скрыть наши следы. Морок специально скачет по уже вытоптанной части дороги, а я двигаюсь вслед за ним. Так мы не мо-

жем разговаривать, я не могу задать ему ни один из того множества вопросов, что продолжают появляться в моей голове, но зато отсутствие явных лишних следов поможет сбить погоню с толку.

Мыдвигаемся всю ночь, а перед рассветом наши кони начинают спотыкаться. Я замечаю, как Аарон сгорбился в седле, как устало поникли плечи. Я хотя бы спала и ничего не делала в своей клетке, а когда он отдыхал в последний раз, мне неизвестно.

– Тебе нужно отдохнуть, – говорю я ему в спину, стряхивая снег с капюшона, когда мы пускаем лошадей быстрым шагом.

– Мы ещё недостаточно далеко, – глухо отзывается он.

– Тогда лошадям нужно отдохнуть!

Он молчит, но продолжает двигаться.

– Проклятие, Аарон! Загубим коней, и по снегу далеко мы не уйдём.

– Хорошо, – нехотя соглашается он после длительного раздумья. – Примерно через пятнадцать минут слева будет несколько заброшенных домов. Остановимся там.

Он не ошибся, через пятнадцать минут, как только солнце слегка приподнялось над горизонтом, мы видим покосившиеся деревянные дома, у одного из них на вид имеется достаточно прилично сохранившийся амбар, и мы выбираем его, но нас разделяет около пятидесяти метров чистого снежного покрова. Мы тратим ещё пятнадцать минут, чтобы уехать вперёд, свернуть дальше, запутать следы под защитой леса, что

идёт дальше, и подходим к домикам с другой стороны, где никто не заметит наши следы, если не будет искать специально.

В амбаре сухо, но всё равно достаточно холодно. В двухэтажном помещении стоит полумрак, разгоняемый скудными лучами солнца, что проскальзывают в некоторых местах через слишком большие щели, но этого достаточно, чтобы видеть лицо собеседника и различать объекты. Лошадей мы рассёдлываем, позволяя им отдохнуть на старом сене. Я ещё неплохо держусь, а вот Аарон устало стягивает с лица маску и со стоном опускается на другую кучу сена. Его плащ исчез, и мой друг остаётся просто в плотной броне.

– Передохнём пару часов и поедем, – морщась, говорит он.

– Тебе нужно поесть и поспать, а потом поедем, – игнорирую я его слова и приношу ему сумку с запасами еды.

Я сижу рядом, смотря, как он жуёт вяленое мясо с хлебом, запивая всё это квасом. Несколько раз, возможно по привычке, он предлагает мне, но я каждый раз отказываюсь. Любая еда ему нужнее, неизвестно, сколько нам придётся провести в пути в самом Серате.

– Спрашивай, – прерывает он молчание, надкусывая небольшое зелёное яблоко в качестве десерта, пока я бездумно заплетаю длинные волосы в косу, чтобы они мне не мешали.

У меня было так много вопросов ещё час назад, но сейчас, после его предложения, они все разлетелись, как стая испуганных птиц. Он с удивлением припод-

нимает бровь, когда я задумчиво мычу, пытаясь вспомнить хоть один из них.

– Сколько тебе лет?

Аарон тихо смеётся.

– Это и вправду главное, что тебя волнует? А на сколько я выгляжу?

– На двадцать два.

Парень хрустит яблоком с лёгкой улыбкой.

– Близко. Мары начинают очень медленно стареть после восемнадцати-девятнадцати лет. Мороки замедляются в старении в двадцать два.

– Значит, тебе больше?

– Да, но твой двухсотлетний возраст мне не переплюнуть. На самом деле я живу уже двадцать шесть лет.

Я удовлетворённо киваю.

– Вас тоже забирают в десять лет?

– Да. Но после восемнадцати мы заканчиваем обучение и можем отправляться куда хотим.

Я завистливо поджимаю губы, Марам такая свобода никогда и не снилась.

– Ты – Морок, а значит, вся история про твою семью – ложь?

– Отчасти. Мои родители действительно умерли и у меня вправду есть младший брат, который живёт вместе с дядей. Я иногда их навещаю.

– Что ты делал при дворе Аракена?

– Зарабатывал деньги.

– Ты знаешь, что я не об этом спрашивала.

– Тогда стоит задавать вопросы конкретнее.

По тому, как он наклоняется вперёд и его губы изгибаются в улыбке, я понимаю, что он специально меня дразнит своей игрой слов. Хотя не понимаю зачем. Может, ему это просто доставляет удовольствие? Но я не могу сейчас злиться на него, замечая, что тёмные круги под глазами увеличились, а взгляд временами стеклянный.

– Когда ты спал?

– Два дня назад. Я не ожидал, что придётся вытаскивать тебя именно сегодня, надеялся, у меня есть ещё хотя бы день подготовиться.

– Тогда почему ты сделал это сегодня?

– Твои крики внизу, – пожимает он плечами, отводя взгляд. – Даниил со своим условием вновь запереть тебя, хотя я надеялся, что он этого не сделает. Когда ты запаниковала на обратном пути, я понял, что ты можешь потерять там рассудок.

Я прикусываю себе язык, чтобы воздержаться от новых вопросов. На отдых у нас немного времени, и нужно его использовать. Аарон убирает свою маску Морока, а свой плащ он отдал мне. Я подхожу к нему и, игнорируя внимательный взгляд, снимаю свой плащ и набрасываю ему на плечи. Потом нахожу шерстяное одеяло, которое он прихватил с собой, и также набрасываю сверху, а только после сажусь рядом и прижимаюсь к другу ближе, чтобы мы оба могли завернуться в тёплую ткань.

– Боишься, что я замёрзну? – насмешливо выдыхает он мне в волосы, обнимая и притягивая совсем вплотную, чтобы было теплее.

– Умрёшь ты – умру и я.

– Расчётливая, именно такой я тебя и представлял, – фыркает он и добавляет прежде, чем я успеваю уточнить: – Разбуди меня через час.

Я киваю, но уже чувствую, что он вряд ли это заметил, потому что его руки расслабились, а щекой он лёг на мой затылок, проваливаясь в столь необходимый сон. Я тоже устала, но не позволяю себе сомкнуть глаз. Мы ещё слишком близко к Ярату, чтобы ослабить бдительность.

– Твоя жалость могла стоить нам жизни, – недовольно бросает мне Аарон, после того как я разбудила его спустя четыре часа. – Одного было бы достаточно!

– Согласна, достаточно, чтобы к вечеру ты свалился с коня.

Он несогласно бубнит, закрепляя седло на Сахарке, а после на Вьюге, но раз у него есть силы на это недовольное бормотание, то я не зря терпела все четыре часа, сидя в одном положении. Моя спина так задеревенела, что мне пришлось потратить несколько минут, чтобы разогнуться. Аарон, конечно же, не упустил шанса упомянуть про «двухсотлетнюю старуху», но я была занята тем, что покрывала его проклятиями, когда к затёкшим ногам вновь прилиwała кровь.

– И я не тебя жалела, а лошадей. Не хочу, чтобы Сахарок ногу подвернул, таща на себе такого мрачного громила, – возражаю я, разминая ноги и поясилицу. – Хотя меня немного удивляет медлительность Даниила.

– Скорее всего, был созван Сенат. Он не может взять достаточно большое войско без объяснения и позво-

ления членов правления. Нам несказанно повезёт, если они посчитают потерю Мары и Морока недостаточно веской причиной, чтобы терять ещё и солдат. Они могут ему отказать. Тогда максимум против нас будет пятьдесят человек его личного отряда.

– Пятьдесят солдат против двоих ты называешь удачей?

– Лучше, чем несколько сотен, – Аарон равнодушно пожимает плечами, скармливая лошадям по небольшому яблоку, и я не могу придумать никакого язвительного ответа.

Он – Морок, способен отправлять души на бесконечные муки, слуга самой тёмной и непонятной силы даже для Мар, своим мечом косит людей ничуть не хуже, чем чума. Но его коня зовут Сахарок, и Аарон не забывает помимо овса дать лошадям что-то вкусное.

Я встряхиваю головой, не понимая, что из моих знаний настоящее, что именно из всего – правда. Мне казалось, я хоть немного знаю Аарона, мне казалось, я многое знаю о Мороках. Но в этом человеке несколько слоёв и почему-то я всё равно не могу его понять, будто от меня ускользает что-то ещё.

– Нам пора.

Он вновь надевает маску, вновь тени стягиваются к нему, образуя плащ. Я, как и в первый раз, заморожено слежу, как это происходит, но в этот раз нет страха, только интерес. Он вешает меч себе за спину, и мы седлаем лошадей, чтобы продолжить путь.

На дороге находим свежие следы примерно трёх всадников. Этого слишком мало для вооружённого от-

ряда, но этих могли послать на разведку. Аарон предлагает свернуть в лес, что тянется по левую сторону от тракта, и мы уходим под тень сосен. Здесь мы не можем скакать быстро, наш путь до границы Серата займёт дольше времени, чем нам бы хотелось. Но лучше дольше, зато есть шанс запутать преследователей.

– Этот лес будет тянуться ещё несколько часов, поэтому мы выйдем на дорогу как раз к темноте, – объясняет Морок. – Это нам на руку. Темнота скроет нас от чужих глаз даже на открытой местности.

– Во дворце кто-нибудь знает, что ты и есть Морок?

– Нет.

– Что ты делал в Ярате?

– Я же сказал, зарабатывал...

– Да-да, а ещё подрабатывал нянькой и охранником, пока в свободное время коллекционировал влюблённые сердца, – огрызаюсь я.

– Хм... скорее я делал всё одновременно.

– Ты был там из-за меня? – Я пропускаю его реплику мимо ушей.

– Как Морок, да, но как Аарон я там чуть больше трёх лет и был ради сведений. Я специально поступил в ту академию, чтобы познакомиться с Даниилом. Слышал, что он одержим Марами, а мы о вас знаем даже больше, чем написано в любых книгах, поэтому втереться к нему в доверие не составило труда.

– Вы никогда не были друзьями?

– Для меня он очередной принц. А видя, как он с лёгкостью отдал меня как трофей своей сестре, стало ясно, что я для него не более чем разменная монета.

– Зачем ты с ним подружился?

– Я рассказал тебе, что Мороки восстали после вашей смерти. Но спустя годы история произошедшего выглядит совсем смазанной. Всё случилось слишком быстро, все свидетели: Анна, ты, все Мары и Ариан были убиты, а после воспоминания о тех событиях передавались из уст в уста. Многие детали были утеряны, что-то вообще придумано. А вот война по сей день реальна.

Он рассказывает достаточно тихо, и я направляю Вьюгу поближе к Мороку, чтобы идти рядом с ним.

– Я копался во многих библиотеках, искал потомков служительниц храма, чтобы их расспросить о том, что им известно, пока однажды не решил, что раз ваши тела не разлагаются, то я могу поднять одну из вас и узнать всё напрямую. Изначально я искал Анну, так как она была в центре конфликта. Но найти ваши могилы оказалось чуть ли не сложнее, чем всё остальное.

– Ты нашёл её могилу? – нетерпеливо спрашиваю я.

– Нет. Но я узнал, что королевский отпрыск Аракена спускает много золота за сведения о Марах, и решил попытаться счастья у него, надеясь, что золото открыло дорогу к знаниям, до которых я не смог добраться.

– То есть ты связался с ним, чтобы найти могилу Анны?

– Нет, твою. Потому что Даниил искал именно тебя, и я решил, что и ты согласишься.

Я недовольно хмыкаю, плотнее запахивая плащ на себе. Сегодня погода нам благоволит, небо чистое, ветра нет, а солнечные лучи согревают лицо.

– Почти три года всё было безрезультатно, – продолжает Морок, – и я уже подумывал оставить Даниила и весь королевский двор, как вдруг он тебя всё-таки нашёл. На самом юге Аракена, тебя закопали позади полуразрушенного склепа при старом храме. Даниил начал искать Морока, и одновременно с этим всё завертелось с Сератом и отравлением Николая.

– Кто отравил Николая в самом начале?

– Вначале я не знал. Но если сложить всё, что я теперь знаю, то, скорее всего, это сделал Даниил. Хотя как мне кажется, он специально отравил брата не смертельно, ему нужен был рычаг, чтобы надавить на отца, и тот был готов на всё, чтобы найти Морока и вообще поддержать идею сына о поднятии Мары из могилы. Хотя это могла быть и Елена, ведь они заодно.

– Я понимаю, что Елена могла желать свалить всю вину на Серат. Похоже, она притворялась, говоря, что её не задел отказ Северина в свадьбе, – начала размышлять я, – но губить из-за этого брата? Почему она так ненавидела Николая?

– Это ещё предстоит узнать.

Я согласно киваю.

– Значит, после этого ты начал вести двойную жизнь, как Аарон и как Морок?

– Да. Тогда я представился слугой Тени, которого они искали. Мне нужно было узнать, где твоя могила, а Даниил держал эти сведения в секрете даже от друзей и членов семьи, а Мороку он бы всё рассказал. С тех пор я и играл роль двоих. К моей удаче, Морок делает что

хочет, и даже короли и принцы остерегаются ставить нам условия.

– Ещё бы! Ты себя со стороны видел?

Морок поворачивает голову, демонстрируя моему взору свою чёрно-золотую маску во всей красе, а провалы глаз всё такие же бездонные, любой свет, попадая туда, – исчезает.

– Твой страх меня забавлял до того момента, пока это не длилось часами. Твоя дрожь, пока мы ехали вдвоём, передавалась Сахарку. Бедняга провёл неделю, чувствуя твою нервозность.

– Тогда позже я дам ему сахара в знак моего сожаления.

– А мне ты что дашь? – К моему удивлению, Морок приподнимает маску, она всё ещё на его голове, плащ тоже никуда не исчезает, но теперь я могу видеть лицо Аарона.

– Распоряжения моей жизнью тебе недостаточно? – приподнимаю я бровь.

– Ты думаешь, с тобой я хоть раз пользовался своей силой помимо твоего воскрешения?

– А разве нет?

Он мрачно смеётся.

– Вы, Мары, и вправду ничего о нас не знаете, – он качает головой и вновь возвращает маску на место, скрывая лицо. – Я как-нибудь тебе покажу, но позже, потому что нам стоит ускориться.

Он прав, лес редееет, поэтому мы немного углубляемся, чтобы никто с дороги не смог нас заметить, но при этом и нам не видно и не слышно, что происходит

на тракте. Мы переходим на быстрый шаг, а когда находим удобную тропинку, то продолжаем путешествие рысью.

Выбираемся из леса как раз вовремя, когда последние лучи закатного солнца скользят по полям, покрытым снежным покровом. Я выдыхаю облачко пара и тру пальцами краснеющий нос, пытаюсь его согреть. Мы решаем двигаться всю ночь, пока темнота способна нам помочь. Если бы мы не задержались, то уже после рассвета могли бы добраться до полосы Бесконечного леса, но мы опаздываем. А если останемся где-нибудь отдохнуть утром, то увидим стену пограничного леса только к следующему вечеру. Но время не имеет значения, главное, не столкнуться с Даниилом и его отрядом. Не знаю, что там о себе думает Аарон, но я сомневаюсь, что мы выстоим против пятидесяти человек, а если их будет больше, то я и думать не хочу.

По спине пробегает дрожь, когда я понимаю, чем мы рискуем. Я знаю, что если Даниил меня схватит, то посадит в темницу до тех пор, пока не сломит меня. Пока я не буду готова быть кем угодно и чем угодно для него, лишь бы не сидеть в темноте. Но король знает, что моя жизнь зависит от Морока, а значит, он его не убьёт.

Он посадит Морока в такую же тёмную дыру, но только ему никакие слова не помогут. А когда Даниил узнает, что его предал Аарон, то будет мучить всю его длинную жизнь. Мороки живут примерно столько же, сколько и Мары, а Даниилу достаточно поддерживать его жизнь, и этого хватит, чтобы держать меня рядом до самой своей смерти. Но никто не говорил, что он

не сможет мучить моего нового друга или попытаться лишить его рассудка.

Я смотрю в спину Морока, гадая, понимает ли он, на какой риск пошёл, решив мне помочь? Рот наполняется слюной и страхом, когда я осознаю, что может произойти с моим другом. Я уже потеряла родителей, потеряла Анну и всех сестёр Мар. Я не могу потерять теперь и Аарона. Внутри крепнет уверенность, что я должна защитить его любой ценой, и если что, моё тело не должно уцелеть, чтобы Даниилу незачем было держать Аарона в плену. От меня не должно остаться ничего, что можно было бы возродить. Только в таком случае он не станет преследовать Морока, и тому удастся ускользнуть.

Всю ночь мы то скачем так быстро, как можем, то переходим на спокойную рысь, то делаем короткие привалы, чтобы позволить лошадям отдохнуть, Аарону подкрепиться, а мне разогнуть спину. На рассвете мы натываемся на небольшую деревню и, как воры, располагаемся в одном из амбаров. Мы проверили дом рядом, он пустует, вероятно, владельцев нет дома. Этот амбар теплее, меньше и темнее нашего прошлого, тут мы кормим лошадей найденным сеном. А я не замечаю, как проваливаюсь в сон, привалившись к аккуратно сложенным колотым дровам. Отсутствие необходимости в еде идёт мне на руку, но было бы лучше, если бы я не уставала. По словам Аарона, он будит меня через час.

– Я бы дал тебе больше времени, но я слышал, как в деревню въехал вооруженный отряд, – тихо шепчет он, запихивая оставшиеся припасы и своё шерстяное одеяло обратно в сумки.

– Как ты узнал?

– Пока ты спала, я вышел, чтобы раздобыть это, – он кидает мне потрёпанные кожаные перчатки. – Ты – глупая, уже больше суток держишь поводья в такой мороз.

Я тупо таращусь на этот странный подарок. Моя кожа на руках и вправду выглядит ужасно. Местами красная, повреждённая от холода, а ладони пошли небольшими трещинами.

– Ещё немного, и твои руки начнут кровоточить. Надевай.

Я делаю, как он велит, всё ещё не зная, как реагировать. Достаточно ли простого «спасибо» или стоит сказать, что он дурак, раз решил рискнуть быть обнаруженным ради такой мелочи.

– Ты их украл?

– Прости, маленькая Мара, лавки с одеждой здесь нет, – насмешливо бросает он.

Я прячу улыбку, чувствуя приятное тепло от перчаток, и возвращаюсь к более серьёзной теме.

– Где они?

– Сейчас, вероятно, проверяют центр, постоянные дворы и расспрашивают жителей. Деревенька совсем маленькая, у нас больше нет времени, скоро они придут и сюда. Мы должны убираться, и больше остановок у нас не будет.

– Далеко до леса?

– Прилично, но мы доберёмся до того, как кони будут вымотаны.

И мы тихо, обогнув главную дорогу из деревни, выворачиваем на тракт, оставаясь незамеченными сол-

датами. Нас замечают лишь несколько жителей, что с раннего утра уже топят печи и идут в свои амбары, чтобы проверить куриц или подоить коров, но они в ужасе прячутся в домах, узнавая Морока.

Мы ускоряемся, останавливаясь, только если лошадям нужна передышка. В остальное время они сами рвутся вперёд по дороге, а я благодарю Богиню, что снег немного сошёл и нам легче двигаться вперёд. Мы бы не смогли скакать так быстро, если бы дорога была усыпана свежим снегом. Однако сегодня голубое небо затянули облака, предвещая новый снегопад ближе к вечеру. Кони, будто чувствуя нашу спешку, сами набирают скорость, когда дорога перестаёт петлять.

Проходят часы, мы всё ближе к границе. Утро сменяется днём, а день медленно переходит в вечер, но погони за нашими спинами мы так и не обнаруживаем. В какой-то момент мы забываем, что на кону стоит наша свобода, а в спину дышит утекающее меж пальцев время, и Морок с Сахарком подрезают меня на повороте. Вьюга недовольно бьёт копытами, поднимая снег и куски замёрзшей земли под ним, устремляется вслед за всадником. Оказывается, моя лошадка с непростым характером. Я подгоняю её лишь раз и тихо смеюсь, когда мы обходим вороного коня с моим другом на прямой дороге. Мы соревнуемся ещё какое-то время, наслаждаясь скоростью, тишиной и солнечным лучам заходящего солнца, что окрашивают окружающий пейзаж в оранжевый и алый. Я забываю о нервном чувстве беспокойства, что заставляет оборачиваться назад чаще обычного.

Но сейчас я оборачиваюсь, чтобы улыбнуться Аарону, что вновь остался позади. Ветер срывает мой капюшон, а прядь волос больно бьёт по глазам, когда до меня долетает предостерегающий голос Морока. Он кажется почти угрожающим, прокатываясь по открытой местности в тишине, и я вздрагиваю. Он давно со мной так не говорил.

– СТОЙ!!

Вьюга спотыкается, хотя я уверена, что на дороге не было ничего необычного. А я вылетаю вперёд из седла. Руками успеваю защитить шею и голову от серьёзного удара, мне также помогает мышечная память, и тело само группируется, чтобы перекатиться и уменьшить урон, но больше всего удар смягчает толстый слой снега, в который я улетаю. Всё кружится, когда я пытаюсь подняться на трясущихся руках. Плащ немного порван, ссадины на щеке, кажется, я сильно ушибла плечо и, возможно, будут огромные синяки на рёбрах. Но к счастью, обошлось без переломов. Когда мир перестаёт идти пятнами, я оглядываюсь в сторону Вьюги и с облегчением выдыхаю. Она упала, но тоже в порядке. Вижу, как она нервничает, вертится и бьёт копытами, когда Морок пытается взять её под уздцы, чтобы успокоить.

– Агата!

Даже сквозь маску я чувствую волнение в его голосе, когда он замечает меня.

– Ты в порядке?

Моя лошадка успокаивается, когда, припадая на одну ногу, я возвращаюсь к ним и глажу её по морде. Я

глупо улыбаюсь, адреналин нашего соревнования ещё меня не оставил. Моя нелепая улыбка заставляет Аарона нервничать, и он щупает мою голову, считая, что я наверняка ударилась ею о камень.

– Всё в порядке, – отмахиваюсь я. – Ничего смертельного.

– Смешно, – сухо бросает он.

– Но я не понимаю, что произошло... – Отклоняюсь назад, чтобы посмотреть на дорогу.

– Ловушка. Сделанная наспех и специально для всадников, – он указывает вперёд, на дорогу, покрытую свежесрытыми небольшими ямами.

Их выкопали без какой-либо системы, специально, чтобы лошадь оступилась на высокой скорости. К счастью Вьюга наступила только на край, равновесие она потеряла, но все кости и связки кажутся в порядке. Чтобы удостовериться точно, мы решаем закончить путь пешком. Нам осталось подняться немного вверх по холму, и там уже будет виден пограничный лес, но Морок и я не торопимся. Хоть мы и не переговариваемся, но оба чувствуем, что впереди приготовлена ловушка побольше.

И так оно и есть.

Нам стоит только подняться, и мы видим уже знакомую полосу голых, тронутых огнём стволов. Из-за белого снега они кажутся ещё чернее, чем раньше, а первые, самые пострадавшие ряды больше похожи на частокол, направленный ровно вверх, в небо. Но наша ловушка ровными рядами выстроилась перед полосой леса, отрезая нас от нашей цели. Их невозможно

с кем-либо спутать; первая шеренга держит четыре штандарта с гербом Аракена. Золотая жар-птица на красном бархатном фоне.

– Похоже, не намного, но он смог всё-таки убедить Сенат, – почти равнодушно говорит Морок, подсчитывая солдат.

Я молча делаю то же самое, насчитывая пять шеренг по двадцать пять солдат, а впереди Даниил. Он выглядит спокойным, даже не двигается, когда замечает нас вдаль. Король привёл больше сотни против нас двоих, у меня потеют руки в перчатках, хотя мой друг рядом кажется абсолютно спокойным.

– Аарон, – тихо называю я его по имени, хотя солдаты ещё слишком далеко, чтобы слышать.

– Ммм?

– Если всё станет очень плохо, пообещай мне, что уйдёшь без меня. В одиночку ты сможешь проскользнуть.

Он молчит.

– Нет, – выдаёт он спокойно, словно прикинул разные варианты ответа и выбрал подходящий. – Кто тебе сказал, что мы вдвоём не сможем пройти?

Морок тянет своего коня за собой и неторопливо начинает шагать навстречу нашему врагу, я следую за ним, но не отказываюсь от попыток его переубедить.

– Там больше сотни.

– Я сказал «нет», маленькая Мара.

– Ему нужна я, прошу тебя, останься на свободе, а если сможешь, то потом разорви нашу связь, чтобы я вновь умерла, а он не смог запереть меня в темнице. Ты

же знаешь, что Мары не могут убить себя, – торопливо прошу я, пока Даниил ещё не может нас слышать.

Я уверена, что ему это известно, но самоубийство не просто жуткий грех для Мары, но и полноценный конец. Это считается предательством и побегом от своего служения Моране. Богиня таких к себе не забирает, они сразу отправляются в Тень. Поэтому как бы меня ни пугала мысль о темнице, не уверена, что это страшнее Тени. Морок поворачивает ко мне голову и закидывает одну руку мне на плечи, притягивая к себе поближе.

– Я же сказал тебе, Агата, что ты абсолютно ничего не знаешь о Мороках. И зная моё лицо, ты совсем позабыла, что я всё то же чудовище с маской. Я не люблю напоминать миру о себе, но этот принц не оставил мне выбора.

Он замолкает, и мы замираем всего в двадцати метрах от Даниила. Слишком близко. Я быстро оцениваю войско. Они без конницы, все пешие в достаточно тяжелой броне, это делает их неповоротливыми в этом снегу, и, возможно, у нас и вправду есть шанс проскочить среди них и скрыться в лесу. Броня Даниила изящнее, богаче. Тёмно-серый металл нагрудника и наплечников украшен узорами и серебром, кольчуга защищает торс и ноги, на ботинках металлические вставки. Значит, его ног стоит избегать, но на плечах тёплый алый плащ, за который его можно дёрнуть и повалить на землю. Шлема нет, и я прекрасно вижу его нахмуренное лицо и светлые волосы, убранные назад. Он не усмехается, не шутит и даже не кривится в пре-

зрении. Даниил прекрасно знает, что я и Морок достаточно опасны даже против сотни.

– Агата! – обращается ко мне король. – Не стоит продолжать эту ссору, вернись со мной в Ярат.

– Ты называешь ссорой то, что обращаешься со мной как с марионеткой?! – зло выдыхаю я, ошарашенная его наглостью.

– Я дам тебе всё, что ты пожелаешь...

– Я ХОЧУ СВОБОДУ! – перебиваю я, король хмурится.

– Агата... – устало выдыхает он. – Если ты сейчас подойдёшь ко мне, я обещаю, что Морока никто не тронет. Он сможет уйти.

На Аароне кожаная броня с кольчугой, против металлических лат солдат Аракена. Сотня против нас двоих. Эти мысли крутятся по кругу, когда мои глаза бегают по стройным рядам солдат, продолжая выискивать слабые места в строю. Внезапно Морок кладёт мне ладонь в чёрной перчатке на голову и демонстративно гладит по волосам, наблюдая, как зрачки Даниила сужаются и он приподнимает подбородок, сжимая рукой меч, что висит сбоку.

– Ты ещё не понял, юный король, что Мара моя? Мара связана со мной такой глубокой связью, что тебе не будет ведома никогда. Ведь ты обычный смертный, что состарится и умрёт. – Меня раздражает, что Аарон гладит меня, будто послушную собаку, но я понимаю, что у него есть какой-то план, поэтому не сбрасываю его руку. – А мы... мы будем вместе ещё много лет, связанные единой жизнью. И умрём так, как пишут в твоих сказках. Вместе. В один день.

– Уверена ли ты, Агата, что можешь ему доверять? Тому, кто за большие деньги поднял тебя из могилы, а теперь тащит за границу, туда, где я не смогу тебя защитить? Уверена ли ты, что просто Серат не заплатил ему больше?

Проклятие. Рука в перчатке замирает на моей голове.

Я сразу отсекаю эти сомнения, не позволяя Даниилу управлять моим недоверием. Аарон раскрыл передо мной свой главный секрет, то, что он и есть Морок.

– Достаточно, – холодно бросает мой друг, убирая руку с моей головы. – Отойди в сторону, король. Не стоит становиться врагом таких, как я.

Солдаты за спиной Даниила зашевелились, обеспокоенные. Они не переговариваются, потому что им не позволено, но многие переглядываются между собой. Звук металла и скрип кожаных ремешков наполняет повисшую тишину.

Внезапно я чувствую странную, давящую вибрацию в воздухе, которая исходит от Морока. Уши закладывает от незнакомого гула, но ни Даниил, ни солдаты не выказывают никакого беспокойства. Король продолжает говорить, но я едва слышу его голос сквозь вату в ушах. Я оборачиваюсь на Морока и могу поклясться, что вижу, как обычно спокойные тени его плаща идут рябью, будто потревоженная гладь когда-то спокойного озера, тени шевелятся и копошатся, как и я, обеспокоенные чем-то. Я почти уверена, что эти же тени двигаются под его капюшоном, обвивают маску и льнут к ней, а золото, что обычно сверкает, становится тусклым, блекнет, теряя цвет.

– Приготовься сесть в седло, маленькая Мара, – напряжённо выдыхает Морок, а сразу за этим раздаётся первый крик откуда-то со стороны леса среди последней шеренги.

Крик начинается как предостерегающий, а заканчивается болезненным воплем, переходящим в ужас. За ним поднимается второй крик, третий, четвёртый, соединяясь в общий гам и неразбериху. Шеренги одна за другой начинают терять строй, потому что солдаты никак не ожидали нападения сзади. Даниил оглядывается, чтобы узнать, в чём дело, а Морок хватает меня за плащ на плече, оттаскивая назад к лошадям. Я не задаю лишних вопросов, а забираюсь в седло, как он и приказал.

И только выпрямившись, я могу увидеть, что же произошло. Из леса повалили мертвецы. Вначале один, потом второй, третий, и вот их уже выходит пять за раз. Упыри, чувствуя живую кровь, сразу впиваются солдатам в шею. Некоторые не настолько удачливы и лишь клацают зубами по металлическим вставкам, когтями скребут по нагрудникам. Среди упырей появляются несколько призраков, что вносят ещё больше хаоса в строй. Морок мрачно смеётся, и тут я понимаю, что это его рук дело. Это он призвал мертвецов, и те принесли с собой суматоху, что позволит нам убежать. Даниил решил, что отрезал нам путь в лес, но не подумал, что сам может попасть в ловушку, не ожидая нападения со спины.

Король и несколько его капитанов пытаются вернуть строй, перегруппироваться и отразить атаку со

спины. И к моменту, когда им почти удаётся заделать брешь, пару десятков их людей уже мертвы, кровь растекается по оставшемуся снегу, а я начинаю петь. Начинаю ту же ритуальную молитву, что пела при Данииле в первый раз. Но тогда я пела её тихо, сейчас же мой голос злой и с каждой нотой набирает громкость, и твари впадают в безумие, с удвоенной силой бросаясь на линии солдат.

– Агата! Прекрати! – кричит мне король, но я растягиваю губы в мрачной улыбке, продолжая пение.

Морок достаёт свой меч, а я – кинжал. Секунду я смотрю на незащищённый участок кожи на шее Даниила, сжимаю рукоять, раздумывая метнуть его и завершить это всё. Но потом вспоминаю, что в случае его смерти на трон сядет Елена, а уж она погрузит обе страны в хаос, и всё только ради того, чтобы найти меня и сжечь.

Аарон подводит своего коня поближе ко мне.

– Нам придётся прорываться сквозь всё это. Тварей я немного сдержу, но не попади под меч или когти и скачи сразу за мной, не оборачиваясь.

Я киваю, Сахарок трогается первым, за несколько шагов набирает скорость, я подгоняю Вьюгу и следую за ним. Даниил что-то кричит мне вслед, но я не слушаю. Морок немного огибает шеренги, находя подходящую брешь, и, не сбавляя скорости, вклинивается в ряды. Солдаты, замечая очередную опасность, отшатываются назад, чтобы не попасть под копыта или меч Морока, когда тот нагибается то в одну, то в другую сторону, чтобы размашистым ударом убрать нескольких тварей и людей в придачу. Моя лошадь нервничает

от криков, толпы и смрада упырей вперемешку с металлическим запахом крови. Но попав в самую гущу, Вьюга устремляется вперёд с новой силой в сторону леса, пытаясь как можно быстрее выбраться из этого кошмара. Вороной конь Морока внезапно тормозит, чтобы ударить одного из упырей копытами в грудь. Из-за этой заминки Вьюга сворачивает в сторону, выбирая другой путь, и мы разделяемся. Я вижу, как чёрным пятном мелькает Морок где-то справа, он также обеспокоенно следит за моим движением, больше он не может расчистить мне дорогу.

Один упырь цепляется за шею моей лошади, и я втыкаю кинжал твари в глаз. Вьюга громко ржёт, когда я ногой отшвыриваю смердящего мертвеца. Он успел оставить несколько царапин на белой шее лошади, но, к счастью, ничего серьёзного. Мы вновь устремляемся вперёд, лавируя среди уже хаотичной толпы, но впереди вижу, как тёмно-серым потоком упыри продолжают выходить из леса.

– Он что, позвал всех, что были в лесу? – удивлённо выдыхаю я, сердце начинает стучать быстрее, когда я представляю, что мне придётся пройти клином сквозь их поток.

Я не успею.

Эта мысль стучит под пульсирующие удары крови в висках. Они набросятся на лошадь, повалят её и разорвут, а меня вместе с ней. Я пытаюсь найти Морока, но не могу разглядеть в этом хаосе. До столкновения мне остаётся секунд пятнадцать, когда я свешиваюсь с лошади на ходу и подхватываю торчащий из земли меч.

Его мёртвому владельцу он уже не пригодится, а мне нужно что-то подлиннее кинжалов.

Осталось десять секунд. Я наполовину срубая голову твари, что пытается тянуть когти к Вьюге.

Семь. Добиваю солдата, что покачивается на ногах и хрипит, держась за разодранную шею. Моя лошадь уже чаще топчет мёртвые тела, чем касается земли.

Пять. Мне хочется зажмуриться и не видеть момент столкновения между нами и хаотичной толпой мертвецов, но я не позволяю себе даже моргать, чтобы точнее наносить удары, расчищая дорогу.

Мне поможет только скорость.

Три. Я вздрагиваю, когда передо мной откуда-то слева на полном ходу появляется Морок и первым вклинивается в толпу.

Помимо копыт его коня и широких размахов меча ему помогает что-то ещё. Упыри отпрыгивают в разные стороны, и толпа редет перед нами вдвое. Замечая путь к свободе, кони набирают скорость, несмотря на хрипящее дыхание.

С моих губ срывается судорожный вздох, когда нас накрывает сумрак леса. Но мы не останавливаемся, а продолжаем двигаться вперёд. Я вижу, как справа и слева среди деревьев медленно двигаются мертвецы, всё больше и больше их идёт в сторону Даниила. На нас они уже мало обращают внимания, не пытаются напасть, а лишь поворачивают свои головы, провожая взглядом мутных глаз.

Мы продолжаем углубляться в лес, пока крики и звон металла не становятся тише, а потом и вовсе стихают,

оставаясь где-то за спиной. Мы движемся дальше, пока поток мертвецов не заканчивается, а лес из обожжённого и искорёженного вновь не становится привычным.

Наши лошади начинают спотыкаться, усталые, Морок замедляется первым, и я следую его примеру, придерживая поводья. Мы останавливаемся среди высоких сосен, земля здесь всё ещё укрыта покрывалом из старых иголок. Если здесь и лежал снег, то он давно растаял. Оцепенение и адреналин сходят, я начинаю чувствовать странную боль во всём теле, словно у меня болит каждая кость, сердце стучит невпопад, и я аккуратно соскальзываю из седла.

Меня отвлекает тихий звон, когда меч Морока выпадает у него из руки на землю, но после он сам слезает с коня, касается ногами твёрдой почвы. Как только он опускает руки, которыми держался за седло, заваливается в сторону и падает. Я подбегаю к нему, боясь, что его ранили в этой неразберихе, но Морок в сознании и пытается вновь подняться, однако приваливается к дереву и сползает по стволу вниз на землю.

– Не вставай! – удерживаю я его на месте, когда он вновь пытается. – Что случилось?

С каждой минутой темнеет всё больше, и мне приходится ощупывать его тело, руки и ноги в поисках ран. Он не сопротивляется, но начинает хрипло смеяться, когда я пальцами щупаю его шею.

– Похоже, что ты решила меня облапать. Будь я ранен, то уже бы истёк кровью от твоей медлительности, – Аарон приподнимает маску, и я вновь слышу его нормальный, хоть и усталый голос.

– Заткнись, – резко бросаю я, а потом замечаю, что его улыбка кровавая.

Из его носа обильно течёт кровь, заливая губы и подбородок. Чувствуя мой взгляд, Аарон облизывает губы и морщится от металлического привкуса.

– Что за чёрт с тобой происходит? – выдавливаю я, поворачивая его голову и проверяя, идёт ли у него из ушей кровь, боясь, что он упал в какой-то момент и повредил голову.

– погоди, нужно ещё кое-что сделать, – отмахивается он, и его глаза стекленеют.

Я замороженно слежу, как белки глаз сереют, становясь темнее. У меня вновь закладывает уши, как и раньше, а боль в костях усиливается, будто давление становится нестерпимым. Аарон продолжает смотреть куда-то сквозь меня. Белки стали серыми, а обычно яркий зелёный цвет глаз подёрнулся дымкой. Из его носа с новой силой потекла кровь.

Что-то не так.

Моя боль усиливается, я сжимаю зубы, наблюдая, как оттенок его кожи бледнеет.

– Хватит! – встряхиваю его за плечи, один раз, второй. Его голова дёргается.

Он себя убьёт. Моё сердце спотыкается, и я не понимаю: меня пугает именно эта мысль или то, что я умру вместе с ним. Я бы предпочла умереть быстро, как в первый раз, за какую-то цель, а не медленно, наблюдая, как мой друг истекает кровью.

Я заносу руку, чтобы дать ему пощёчину и заставить прекратить. Он успеваает перехватить моё запястье.

– Ты серьёзно собралась мне врезать?

Его глаза вновь становятся живыми, белки приобретает светлый оттенок, и я расслабляю стиснутые зубы, когда боль во всём теле уменьшается, но не уходит совсем.

– Что ты сделал? – Я игнорирую его шутливый тон.

– Решил, что мертвецов в этом лесу и так достаточно, поэтому отозвал их обратно, чтобы они прекратили убивать.

– Ты можешь их контролировать?

– Вроде того. Вы, Мары, своими песнями можете их призывать, заставить вылезти из укрытий. Мы, Мороки, сами ещё те демоны, поэтому способны управлять мертвецами. Но это непросто, требует сил. – Он делает паузу, чтобы выровнять сбившееся дыхание, вновь облизывает губы, слизывая свежую кровь. – Управлять двумя-тремя проще простого, но здесь их были десятки или сотни. Я заставил идти к нам несколько десятков, всех, до кого смог дотянуться, а остальные потянулись следом, почуввав свежую кровь.

– Поэтому мы смогли пройти через ту толпу клином и, главное, выйти из неё? Ты заставил их разойтись?

– Да. Поэтому мне и нужно было, чтобы ты следовала за мной. Только так у меня хватило сил расчистить дорогу, заставить их убраться с пути.

Он пытается стереть кровь с лица рукой.

– Это едва не убило тебя, – обвиняюще говорю я, наблюдая, как он оставляет кровавые разводы на подбородке и щеках.

– Ты что-то почувствовала? – удивляется он.

– Да. Давление, боль в костях. Мне казалось, что мои барабанные перепонки лопнут.

– Прости, я просто устал, поэтому это отозвалось на тебе.

– Врёшь. Ты уже говорил, что только серьёзные раны я почувствую.

– Опять я забыл, что ты внимательная и цепляешься к словам, – хмыкает Аарон.

Он пытается подняться и не отвергает мою руку, когда я помогаю ему, позволяя облокотиться на моё плечо. Вначале его шатает, но с каждым шагом он двигается увереннее, и я отступаю, проверяя, что рядом с Сахарком он может стоять. На крайний случай парень цепляется за седло. Я поднимаю меч Морока, аккуратно вытираю своим порванным плащом и возвращаю ему в ножны. Аарон гладит своего коня по шее, успокаивая, маску он не опускает, позволяя холодному прикосновению зимнего воздуха привести его в чувство.

Моя Вьюга отошла чуть подальше. Когда-то белоснежные бока и ноги покрыты грязью и чужой кровью, но грязнее всего шея, обильно покрытая кровью упыря, что пытался впиться в шею моей лошади. Я отрываю кусок от своего плаща и пытаюсь вытереть кровоподтёки.

– Мы должны продолжить движение. Неизвестно, что стало с Даниилом, а мы будем в безопасности, только когда пересечём границу Серата, – Аарон с напряжением взбирается в седло.

Мне не нравится, как горбится его обычно прямая спина, как он сжимает рог седла левой рукой, пытаюсь

сохранять равновесие. Я тоже сажусь на лошадь, но теперь подвожу её поближе к коню Морока. Если он начнёт падать, то я успею его подхватить.

Мы не гоним лошадей, но идём быстрым шагом. Через полчаса начинает идти настоящий снегопад. Огромные пушистые хлопья быстро покрывают землю, еловые ветки и наши головы. Благодаря светлым облакам ночь перестаёт быть столь тёмной. Нас окружает удивительно умиротворяющая тишина; я чувствую, как болят глаза от недостатка сна и от холода, но внутри всё расслабляется под ритмичный звук копыт и уханье ночной совы. Медленное падение снега гипнотизирует меня, и на какие-то минуты я забываю обо всех ужасах, что произошли у пограничного леса, забываю о возможной погоне, забываю о мыслях, что, возможно, король Аракена лежит где-то там с разодранным горлом, мёртвый. Я даже забываю, что еду в страну, чьи правители убили всех, кого я любила, и просто вдыхаю, чувствуя, как мороз обжигает лёгкие изнутри.

Морок раньше меня поддаётся беспокойству, но погоню мы слышим одновременно. Ночные птицы стихают, потревоженные, а земля начинает идти тихой вибрацией из-за топота копыт.

– Скачи! – кричит мне Аарон, возвращая маску на лицо. – Скачи, Мара, что есть сил! Граница – это дорога, пересекающая лес! Не смей останавливаться, пока не пересечёшь границу!

Он не двигается, пока я первая не пришпориваю Вьюгу и не несусь ровно вперёд, лавируя между де-

ревьев. Я двигаюсь стремительно, уклоняясь от веток, прижимаюсь к шее лошади, давая ей выбор, с какой стороны лучше огибать стволы. Лицо царапает падающий снег. Сзади раздаются крики, и в одном, я почти уверена, узнаю голос Даниила. Я шепчу извинения своей лошади каждый раз, когда мне приходится её подгонять. Оборачиваюсь назад, чтобы заметить, как Морок во всём чёрном сливается с тенями, но он отстаёт лишь немного. Однако Даниил со своими солдатами нагоняют нас слишком быстро. Их кони отдохнувшие, вероятно, ждали своего часа где-то рядом.

Трое солдат догоняют нас и пытаются оттеснить друг от друга, но я делаю, что велел Морок, сосредотачиваюсь на дороге вперёд и ищу границу. Вьюга так неожиданно выскакивает из-под деревьев и оказывает на пустом пространстве, что я едва успеваю сориентироваться, понять, что это и есть граница. Словно специально прорубленное пустое пространство шириной в пять метров, граница уходит вправо и влево, тянется, скорее всего, по всей территории пограничного леса, отделяя одну страну от другой.

– СТОЯТЬ! – ревет капитан аракенцев, когда конь Морока, как и я с Вьюгой, выскакивает на границу.

Мы оба её пересекаем, но тормозим, попав под спасительную тень другой стороны, другой страны.

Мы на территории Серата.

Даниил и его пятнадцать солдат замирают на противоположной стороне. Мы все останавливаемся, глядя друг на друга. Однако, несмотря на защиту, всё ещё есть опасность, что Даниил будет достаточно отчаян,

чтобы пересечь вражескую границу. Я внимательно слежу, как конь короля нервно расхаживает перед открытым пространством, не смея на него ступить, будто перед ним не пустая дорога, а стена огня. Даниил смотрит на Морока со свирепостью, что так ему не идёт. Она искажает его черты. Он тяжело дышит, разочарованный, что его цель так близко, но теперь и слишком далеко.

– Агата! Прошу тебя! – его лицо смягчается, становится печальным, когда его конь делает несколько шагов вперёд, ближе к нам, но ступить полностью на открытое пространство он не решается.

Теперь я могу разглядеть всю кровь на его нагруднике, вижу, что он ранен в левую руку в районе плеча, она плетью висит вдоль тела. На шее несколько царапин, а на лице кровь, но, похоже, не его, а тварей, что он убил.

Я ничего не отвечаю, удивляясь, что он и вправду чего-то ждёт от меня.

Всё кончено.

Морок и я слезаем с уставших лошадей, если Даниил пойдёт на отчаянный шаг, нам всё равно не скрыться, поэтому нет смысла изводить животных ещё больше. Сахарок и Вьюга отходят немного в сторону, Морок подходит ближе ко мне. Мой друг держится увереннее, его шаг спокойный, как и раньше, а голос ровный.

– Возвращайся домой, король. Эти леса опасны, а ваш род Рахмановых уже не столь многочисленный, – сухо бросает он.

– Ты... – выдыхает Даниил. – Ты спланировал всё это с самого начала.

Теперь он обвиняет Морока в своих грехах. Я слишком устала и даже не огрызаюсь, как сделала бы раньше. Только тру лицо рукой, не понимая, почему мы с ним разговариваем. Беру Морока за запястье, тяну за собой, чтобы уйти, но мой друг не двигается, продолжая неотрывно смотреть на Даниила. Меня удивляет его злость, что волнами распространяется вокруг.

Всё моё тело покрывается мурашками, когда я чувствую их. Я ещё не слышу, но уже уверена, что за мной следят множество глаз. Я цепляюсь за наруч на руке Аарона, пытаюсь его предупредить, верчу головой, озираясь по сторонам. Чувствую, как опасность и напряжение дышат мне в затылок, и тогда я слышу треск сломанной ветки справа, шорох слева.

Сзади.

Со всех сторон сразу.

Со всех сторон на территории Серата.

Я сильнее сжимаю руку друга, но он не двигается, хотя, как и я, слышит, что мы в засаде. Лицо Даниила вытягивается, когда он переводит внимание за наши спины, я оборачиваюсь и тоже вижу их. В чёрно-серой форме, нагрудники и кольчуга слабо поблёскивают в тусклых лучах луны, затянутой тонкими облаками. Снег ложится на их широкие наплечники и капюшоны плащей, что прикрывают их головы. У каждого из них по тяжёлому мечу на поясе.

Мне тяжело сосчитать в этой темноте, но их не меньше сорока.

Отряд сератианцев. Солдаты Северина.

У меня внутри всё сжимается как пружина, когда я осознаю, что не знаю, с какой стороны на нас нападут. Дёрнется ли Даниил первым, желая перетащить меня на свою сторону? Станут ли сератианцы на нас нападать, хотя Мары и Мороки имеют право ходить где вздумается? Узнал ли Северин обо мне и хочет теперь сам вздёрнуть меня?

Солдаты Серата замирают полукругом на расстоянии пяти метров от нас, они не достают оружие, только у двоих руки заняты штандартами их государства, но мы окружены. Они не нападают, но я всё равно не даю себе расслабиться, готовая вытащить кинжалы.

Морок едва заметно поворачивает голову назад, а потом вновь смотрит на Даниила. Я ахаю, когда он приподнимает маску. Король Аракена бледнеет, увидев лицо своего друга. Только он смотрит на Аарона, потому что ближе всех, в тот момент, когда остальные аракенцы поспешно отворачиваются, страшась слухов о том, что умрёшь, если взглянешь в лицо Морока.

– Вся эта кровь на твоих руках стоила того, Даниил? – холодно спрашивает Аарон.

Вижу, как карие глаза короля мечутся, он пытается осознать, всё сопоставить, ему требуется пятнадцать секунд, а я молчу, не зная, могу ли перестать озираться назад на сератианцев.

– Значит, всё это время был ты. Всегда ты, – тихо бормочет Даниил; он шокирован, но поднимает взгляд и смотрит бывшему другу в глаза. – Ты и вправду всё спланировал заранее. Теперь я понимаю, почему вна-

чале ты показался мне таким знакомым... хотя я видел тебя лишь раз...

Даниил осекается, смотрит на меня, и его губы медленно растягиваются в снисходительной улыбке, он начинает смеяться. Смех перетекает в весёлый хохот. Это не истерика, он и вправду просто смеётся. Я ошарашена его поведением и на мгновение забываю об отряде за нашими спинами.

Даниил прекращает веселье под наше терпеливое молчание.

– Отлично! Так даже лучше! Теперь она убьёт тебя!

Он улыбается мне, но эта улыбка медленно вянет, в то время, как мрачная усмешка расцветает на лице Аарона.

– Я расскажу ей всю правду.

Мой друг выдерживает паузу и продолжает:

– Правду, которую, уверен, и ты сам знаешь. А после того, как расскажу, я позволю ей попытаться меня убить. Но ты уверен, что после того, как Агата всё узнает, я буду тем, кого она захочет прирезать? Возможно, твою глотку она всё-таки решит вскрыть первой.

Я слышу их слова, понимаю, что есть что-то, пока мне неясное. Что-то, что эти двое уже знают. Я перевожу растерянный взгляд то на одного, то на другого. Пока воздух не разрезает спокойный голос одного из солдат.

– Ваше высочество, нам пора.

Моя голова ватная и идёт кругом, все мысли разбегаются как испуганные звери, прячутся, и я забываю, как составлять из слов связные предложения, как склады-

вать губы, чтобы произносить слова. Я делаю несколько шагов в сторону, когда понимаю, что эти слова произнёс один из сератианцев. Моё тело оценивает ситуацию лучше моего сознания, непроизвольно делая ещё несколько шагов, подальше от Аарона.

– Агата... – я ничего не понимаю, но моё имя из уст Даниила звучит как просьба о прощении.

– Да, ты прав. Пора отправляться, – отвечает солдату Аарон.

Его высочество.

Я не знаю, какая из сторон – мои враги, а ещё страшнее, когда я понимаю, что обе.

– Давай же! Назови ей свою фамилию, – усмехается Даниил, когда Аарон смотрит, как я делаю ещё пару шагов назад.

Мой взгляд сам поднимается к гербу Серата. Тёмно-зелёный фон и серебряный зверь. Я наклоняю голову, пытаюсь рассмотреть то ли лису, то ли волка.

«У каждого Морока разная маска. правда, что их делают специально для каждого?» – спросила я его, а он ответил, что маска отражает то, что прячется под ней.

– Ты сам сказал, что защитишь меня.

– Именно поэтому маску при тебе я снимать не буду.

Это не волк и не лиса. На гербе Серата – шакал. Точно так же, как и на маске Морока. Всё вокруг теряет свой смысл, мне кажется, что всё внутри у меня замерзает, когда я продолжаю смотреть в глаза Аарону, но там нет ни вины, ни сожаления. Его взгляд сосредоточен, он не

улыбается и не делает ко мне ни единого шага. Он не пыгается ничего объяснить.

– Ваше высочество, стоит ли нам заковать Мару? – Вновь этот голос солдата.

Аарон какое-то время молчит, но потом кивает.

Я слабо сопротивляюсь, когда четверо мужчин подсакивают ко мне и вновь сковывают руки тяжёлыми кандалами. У меня едва хватает сил, чтобы ими потрясти, проверяя реальность происходящего. Проверая, что Серат только что сковал меня, точно так же, как несколько месяцев назад это сделал Аракен.

Солдаты Аракена, увидев, что сделали со мной, обступают своего короля, пытаются убедить его уходить. Больше им нечего делать так близко к врагам. Но Даниил упирается, он не закончил.

– НАЗОВИ ЕЙ СВОЁ ИМЯ, ЛАСНЕЦОВ! – зло кричит Даниил.

Аарон не дёргается, услышав свою фамилию, а вот меня этот крик бьёт пощёчиной, и я прихожу в себя. Я не успеваю выхватить оружие, но своими скованными руками бью одного солдата в лицо, второму ближайшему возвращаю локоть прямо в живот. Я устремляюсь к Аарону что есть сил, стараясь сократить расстояние между нами за минимальное количество широких шагов. *Мне не нужен меч, я удавлю его своими руками.*

– Агата, пожалуйста... – стонет Аарон, впервые проявляя хоть какие-то знакомые эмоции, но, замечая, что я не останавливаюсь, он поднимает одну руку вверх.

Только руку, и я спотыкаюсь о собственную ногу, мои кандалы словно весят тонну и я камнем падаю ему

под ноги прямо лицом в снег. Я зло кричу, пытаюсь оторвать руки от земли, но не могу сдвинуть их с места. Ноги тоже едва двигаются. Ласнецов присаживается передо мной на корточки. Плащ из теней волнами ложится вокруг нас на белый снег.

– Я же говорил тебе, что не использовал свою силу на тебе, но ты меня заставила. – Он даже не оправдывается, а говорит спокойно, обвиняя меня. – Я же говорил, что ты ничего не знаешь о Мороках.

– Что ты со мной сделал?! – Я шиплю, вытираю мокрое от снега лицо о плащ на собственном плече и вновь пытаюсь сдвинуть руки, но те не поддаются.

– Я могу управлять мёртвыми. Внушать, что пожелаю. Могу так и с тобой, потому что ты...

– ...не живая, – заканчиваю я за него и перестаю пытаться, растерянно смотря на кандалы.

Он просто внушил мне их тяжесть. Он может заставить меня встать, плясать, прислуживать, убивать... делать всё, что он пожелает. Лучше ли это, чем безумие в темнице, что ждало меня в Аракене?

– Как тебе удалось это, Северин? Как удалось столько лет притворяться аракенцем? Жить в моём дворце?! – огрызается Даниил, понимая, что я не могу прикончить Ласнецова, хоть и пытаюсь.

– В этом ты ошибся, Даниил, но я тебя не виню. Любой бы ошибся, так как мы достаточно похожи, – усмехается Аарон.

Ощущения лишнего веса в кандалах пропадают, и Морок заставляет меня встать, а потом сам привычным движением хватает меня за талию и сажает на свежего

вороного коня, что привели нам солдаты. Сам он, как и в первые недели, садится позади меня, левой рукой прижимая к себе. Другие солдаты берут под узды Вьюгу и Сахарка и уводят в глубь леса.

– Северин все эти годы сидит на троне и правит страной, – спокойно говорит Морок, сжимая поводья в правой руке.

Он вплотную прижимает меня к себе, и спиной я чувствую, как вибрирует его голос в грудной клетке.

– Меня же зовут Александр. Александр Ласнецов. И я его старший брат.

Александр. Старший сын Алексея, мальчик, которого считают мёртвым с десяти лет.

– Так что ты можешь догадаться, Даниил, насколько я был не рад слышать, что ты планируешь убить моего младшего брата.

Мальчика, которому суждено стать Мороком, тоже забирают в десять, конечно, было легче объявить его мёртвым, чтобы не подвергать опасности его личность. А после восемнадцати Мороки могут делать что хотят, и он решил вернуться к брату.

С горькой усмешкой я понимаю, что это единственное, в чём он мне не соврал. В том, что у него есть младший брат.

Я не знаю, что чувствует Даниил, какие эмоции отражаются на его лице, когда он узнаёт, что ему противостоит не один, а целых два брата, потому что Александр разворачивает коня. Прихватив меня с собой как трофеем, он двигается на север в сторону своего родного Ашора в сопровождении своих солдат, чтобы в кандалах отвести меня в место, где один раз я уже умерла.

Лия Арден

Мара и Морок

Ответственный редактор *Наталья Шульпина*

Редактор *Юлия Жандарова*

Дизайн переплета *Сергей Хозин*

Макет и верстка *Лариса Чернокозинская*

Корректоры *Валентина Балог, Татьяна Сквородникова*

Подписано в печать 7.11.2012. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Миньон.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24,5. Тираж 3000 экз. Заказ

ООО «Мани, Иванов и Фербер»

www.mann-ivanov-ferber.ru

ivanov@mann-ivanov-ferber.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

www.eksmo.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

Я
МАРА
И МЕСТЬ ТЕПЛИТСЯ
ПОД МОИМ ПЛАЩОМ
ОН
МОРОК

БЕСКОНЕЧНЫЙ СТРАХ
СЛЕДУЕТ ЗА НИМ
ПО ПЯТАМ

Ты воскресил меня, теперь я дышу
с тобой в утробе.

Я должна спасти наследника,
а ты так и будешь за моей спиной.

Нити жизни принца слабы,
а мое сердце чувствует заговор.

Здесь что-то не так... Кто ты, Морок?

Что скрыто под твоей маской,
слуга бесконечной Тени?

«Капля свежей крови.

Нечто новое в жанре, неизбитое.

То, за что цепляются глаза и разум.

Судьба Мары не оставит равнодушным
ни одно живое сердце».

Елена

© b_books

ISBN 978-5-04-107175-2

9 785041 071752 >